Валери Триервейлер

Благодарю за этот миг

Признания гражданской жены Франсуа Олланда

CORPUS

“Все, что здесь написано, — правда. Я слишком тяжело пострадала от лжи, чтобы лгать самой.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Валери Триервейлер, журналистка “Пари-Матч”, несколько лет была гражданской женой президента Франции Франсуа Олланда. “Благодарю за этот миг” – ее откровенный рассказ об их отношениях и о скандальном разрыве после того, как желтая пресса опубликовала фотографии, свидетельствующие о связи президента с актрисой Жюли Гайе. Исповедь Валери Триервейлер включает историю ее жизни и нелегкого пути к успеху, а также малоизвестные подробности политических событий. С журналистским мастерством она описывает будни Елисейского дворца, где провела полтора года в качестве первой леди, встречи с виднейшими политиками и закулисные интриги вокруг президентских и парламентских выборов. Во Франции книга стала настоящей сенсацией. Права на перевод купили полтора десятка стран. Готовится экранизация.

- Валери Триервейлер
  -
  - Предисловие
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - * * *
  - Слова благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40

Валери Триервейлер
Благодарю за этот миг

Вам троим,
моим троим,
им троим

Valérie Trierweiler
Merci pour ce moment
© Editions des Arènes, Paris, 2014
© East News
© И. Волевич (стр. 7–177), перевод на русский язык, 2015
© Е. Тарусина (стр. 178–317), перевод на русский язык, 2015
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
© ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

Предисловие

“Придется открыть старые сундуки”, – посоветовал мне Филипп Лабро после победы Франсуа Олланда на выборах. К этому выдающемуся человеку, известному писателю, я питаю огромное уважение, но тут я к нему не прислушалась. Я никак не могла решиться показать себя настоящую, считала неприемлемым раскрывать обстоятельства своей жизни, своей семьи или свои отношения с президентом. И поступила наоборот: все скрыла за семью печатями.

А журналистам хотелось писать об этом, обсуждать. Иногда по неведению, а иногда в погоне за сенсацией они начали создавать портрет женщины, которая очень мало на меня похожа. Более двух десятков книг, десятки фотографий на обложках таблоидов, тысячи статей – и столько же кривых зеркал, фальшивых образов, основанных на подтасовках и слухах, а иногда и на сознательном искажении фактов. Эта вымышленная женщина носила мое имя, у нее было мое лицо, но я ее не узнавала. И мне чудилось, что у меня крадут даже не частную жизнь, а попросту мою личность.

Я воображала, что смогу противостоять этому, поскольку надежно забаррикадирована. Чем наглее становился натиск, тем больше я замыкалась в себе. Французы видели, как застывает, а иногда и горестно искажается мое лицо. Они не понимали, в чем дело. В какой-то момент мне стало страшно выходить на улицу, встречаться глазами с прохожими.

А потом, в январе 2014 года, моя жизнь и мое будущее разлетелись в прах буквально за несколько часов. Я осталась в одиночестве, сраженная горем, убитая. И тогда мне вдруг стало ясно, что единственный способ снова стать хозяйкой своей жизни – это рассказать о ней. Мне было больно от непонимания окружающих, я чувствовала себя слишком замаранной.

И я решила разрушить плотину, возведенную для защиты от посторонних взглядов, и взяться за перо, чтобы рассказать свою историю – настоящую, а не вымышленную. Это не значит, что я перестала бороться за право на личную жизнь, – просто мне хотелось обнародовать ту ее часть, без которой случившееся было бы непонятно. В этой безумной истории нет ни слова лжи. Мне самой необходима правда, чтобы преодолеть это испытание и жить дальше. Я обязана сказать правду ради моих детей, моей семьи, всех моих близких. Писать… это занятие стало для меня жизненно важным. И вот в течение нескольких месяцев, днем и ночью, в тишине, я “открывала старые сундуки”…

* * *

Молчание любимого человека –
это тихое преступление.

Тахар Бен Желлун

Первое известие я получила в среду утром. Мне пришла эсэмэска от приятельницы-журналистки:

Говорят, в среду “Клозер” напечатает на обложке фотографии Франсуа и Гайе![1]

Отвечаю коротко, слегка раздраженно. Слухи о том, что у президента роман с этой актрисой, отравляют мне существование уже несколько месяцев. Сплетня всплывает, затихает, упорно возвращается, но мне трудно в нее поверить. Пересылаю это сообщение Франсуа, без всяких комментариев. Он мгновенно отвечает:

Откуда у тебя эта информация?

Не важно, я просто хочу знать, виноват ты или нет.

Нет.

И я успокаиваюсь.

Однако в течение дня слухи продолжают распространяться. Мы с Франсуа разговариваем днем по телефону и ужинаем вместе, не затрагивая больную тему. Она уже не раз была предметом наших стычек, нет смысла усугублять ситуацию. На следующее утро получаю новое сообщение, от другого знакомого журналиста:

Привет, Валери. Гайе будет завтра на первой полосе в “Клозер”, ты, наверно, уже в курсе.

Я снова пересылаю это Франсуа. На сей раз ответа не получаю. Президента сейчас нет в Париже, он в Крейе, у военных.

Прошу одного журналиста, старого приятеля, сохранившего контакты с желтой прессой, воспользоваться своими связями и

хоть что-нибудь разведать. В Елисейский дворец потоком идут звонки из редакций. Журналисты осаждают вопросами об этой гипотетической обложке всех советников президента по связям с общественностью.

Утро проходит в телефонных разговорах с близкими. На сегодня запланирована моя встреча с персоналом яслей при Елисейском дворце, на обеде, приготовленном детским поваром. Мы ввели этот ритуал в прошлом году. Около десятка женщин занимаются детьми обслуживающего персонала и советников президента. Месяцем раньше мы отпраздновали Рождество вместе с родителями малышей, посещающих ясли. Франсуа и я раздали им подарки; он, как всегда, скоро уехал, а я еще долго сидела и разговаривала с детьми и их родителями, наслаждаясь обстановкой этой тихой гавани.

Предстоящий обед радует меня, и все же я чувствую себя подавленной, как перед надвигающейся опасностью. Директриса яслей ждет нас у входа, в здании напротив Елисейского дворца. Меня сопровождает Патрис Бьянкон, бывший коллега по работе на радио “Франс Интер”, ставший моим верным советником и начальником моего секретариата. Подходя к дому, я вынимаю из кармана оба мобильника – один для работы и общественной жизни, второй – для разговоров с Франсуа, моими детьми, родными и друзьями. Столы накрыты по-праздничному, все лица сияют. Стараясь скрыть тревогу, я тоже делаю веселое лицо и кладу “личный” мобильник возле своей тарелки. Повар разносит блюда, воспитательницы по очереди встают из-за стола, помогая детям управляться с едой.

В 2015 году ясли Елисейского дворца отпразднуют тридцатилетний юбилей. За это время они приняли около шестисот малышей, в частности, детей нынешнего президента, когда он еще работал советником. В те времена он, как и все остальные служащие дворца, каждое утро водил своих детей в эти ясли. Чтобы отметить это событие, я планирую собрать вместе всех бывших воспитанников, давно уже ставших взрослыми людьми. Проработав двадцать четыре года журналисткой в “Пари-Матч”, я легко представляю себе, как красиво будет выглядеть на снимке это сборище во дворе Елисейского дворца. Мы хотим присвоить нашим яслям имя Даниэль Миттеран[2], которая и создала их в октябре 1985 года. Поскольку я теперь являюсь представительницей фонда “Франс Либерте” имени Даниэль Миттеран, мне и предстоит заниматься организацией этого празднества. И я обещаю быстро представить смету начальнице секретариата Франсуа Олланда, чтобы она могла утвердить

проект и получить под него бюджет.

Мой мобильник вибрирует. Друг-журналист, который по моей просьбе отправился “на разведку”, подтверждает выход “Клозер” с фотографией на обложке: Франсуа выходит из дома Жюли Гайе. Удар в сердце. Пытаюсь не показать вида. Протягиваю мобильник Патрису Бьянкону, чтобы он прочел эсэмэску. От него у меня нет никаких секретов: “Смотри, это по поводу нашего досье”. Стараюсь говорить максимально спокойно. Мы дружим уже больше двадцати лет, и нам достаточно одного взгляда, чтобы понять друг друга. Добавляю, с невозмутимым видом: “Поговорим об этом через час”.

Стараюсь вернуться к разговору с работниками яслей, а в голове у меня бушует ураган мыслей. Вокруг говорят об эпидемии ветряной оспы. Машинально поддакивая, сообщаю Франсуа эсэмэской о публикации в “Клозер”. Это уже не слухи, это неоспоримый факт.

Встречаемся в 15 часов дома, – тотчас отвечает он.

Пора прощаться с директрисой. Улица… совсем узкая улочка между яслями и Дворцом, которую нужно перейти. Самая опасная в моей жизни. Знаю, что ни одна машина не допускается сюда без особого разрешения, и все же у меня такое чувство, будто я с закрытыми глазами пересекаю автотрассу.

Быстро поднимаюсь по лестнице, ведущей в наши личные апартаменты. Франсуа уже стоит в спальне с высокими окнами, выходящими в парк со столетними деревьями. Мы садимся на кровать. Каждый с той стороны, где привык спать. У меня хватает сил произнести только одно слово:

– Итак?

– Итак, это правда, – отвечает он.

– Правда – что? Что ты спишь с этой девицей?

– Да, – признается он, располагаясь поудобнее, полулежа и подпирая рукой голову. Мы находимся довольно близко друг к другу на этой широкой кровати. Но мне не удается поймать его ускользающий взгляд. Теперь я уже не могу сдержать поток вопросов:

– Как это случилось? Почему? С каких пор?

– Уже месяц, – заявляет он.

Я держусь спокойно, никакой нервозности, никаких криков. И уж конечно, никакой битой посуды, которую мне припишет потом молва, обвинив в воображаемом ущербе на миллионы евро. Я

пока еще не осознала размеров катастрофы. Может быть, он согласится объявить, что просто-напросто ужинал у нее? Я подсказываю ему такой выход. Невозможно: он знает, что фотография была сделана на следующий день после ночи, проведенной на улице Сирк, в квартире, где живет актриса. Тогда почему бы не прибегнуть к сценарию Клинтона? Публичные извинения, обещание больше не видеться с ней? Мы еще можем все начать сначала, я не готова потерять его.

Ложь Франсуа лежит на поверхности, правда мало-помалу выплывает наружу. Он признаёт давность этой связи. Месяц превращается в три, потом в шесть, в девять и наконец – в год.

– Нам не удастся помириться, ты никогда не сможешь меня простить, – говорит он.

Потом он уходит в кабинет, где у него назначена встреча. А я сейчас не способна принять своего посетителя и прошу Патриса Бьянкона заменить меня. Весь остаток дня провожу в спальне. Пытаюсь представить себе дальнейшее, не спуская глаз со своего мобильника, выискивая в Твиттере первые отзвуки объявленной сенсации. Пробую разузнать побольше о “репортаже”. Обмениваюсь эсэмэсками с самыми близкими друзьями, предупреждаю своих детей и мать о том, что́ скоро будет обнародовано. Не хочу, чтобы они узнали об этом из прессы. Они должны быть готовы к самому худшему.

Франсуа возвращается к ужину. Мы снова встречаемся в спальне. Он кажется еще более подавленным, чем я. Я застаю его на кровати, он стоит на коленях, держась за голову, и выглядит так, словно в него ударила молния.

– Что мы будем делать?

Это нечаянное “мы” он произносит в ситуации, где мне уже нет места. Вероятно, оно звучит сейчас в последний раз, скоро останется одно лишь “я”. Потом мы пытаемся поужинать в гостиной, на журнальном столике – так мы обычно делали, когда нам хотелось более интимной обстановки в этом Дворце или более короткой трапезы.

Мне кусок не идет в горло. Я пытаюсь выяснить подробности. Перебираю возможные политические последствия. Куда же подевался наш образцовый президент? Президент не может воевать на два фронта, убегая при каждом удобном случае, чтобы переспать с актриской на соседней улице. Президент не поступает так, когда заводы закрываются, безработица растет, а его рейтинг падает ниже некуда. В эту минуту я чувствую, что меня гораздо больше ранит политический кризис, нежели наш личный крах. Я, конечно, еще надеюсь спасти наш союз. Франсуа просит меня

прекратить эти причитания: он и сам сознает гибельные последствия случившегося. Торопливо перекусив, он снова уходит к себе в кабинет.

И вот я остаюсь одна, наедине со своими душевными муками, тогда как он созвал совещание, о цели которого мне ничего не известно. Очевидно, там будут решать мою судьбу, ни во что не посвящая меня саму. В 22.30 он возвращается. Не отвечает на мои вопросы. Выглядит потерянным, сбитым с толку. Я решаю повидаться с Пьером-Рене Лема́, генеральным секретарем Елисейского дворца, которого прошу о встрече по телефону. Франсуа спрашивает, что мне от него нужно.

– Не знаю, просто хочу с кем-нибудь поговорить.

Теперь я в свой черед прохожу по узкому, почти потайному коридору, соединяющему личные апартаменты с президентским этажом. Увидев меня, Пьер-Рене раскрывает мне объятия. И я кидаюсь к нему на шею. Впервые я плачу горючими слезами, орошая ими его плечо. Он похож на меня: он не понимает, как Франсуа мог ввязаться в подобную авантюру. В отличие от многих других советников, Пьер-Рене всегда был доброжелательным человеком. В течение почти двух лет, в рабочее время ему нередко приходилось выдерживать приступы дурного настроения Франсуа. По вечерам наступала моя очередь работать громоотводом. И мы служили друг другу опорой. Обмениваемся несколькими словами. Я объясняю ему, что готова простить. Позже я узна́ю, что коммюнике о нашем разрыве уже обсуждалось у них на совещании. Моя судьба решена, но мне это еще неизвестно.

Возвращаюсь в спальню. Начинается долгая бессонная ночь. С одними и теми же вопросами, идущими по кругу. Франсуа принимает снотворное, чтобы спастись от этого ада, и спит несколько часов на другом краю постели. А я, сомкнув глаза едва ли на час, встаю около пяти утра, чтобы просмотреть информационные каналы в гостиной. Доедаю холодные остатки ужина, не убранные с журнального столика, и начинаю с радио. Первое, что я слышу в утренних новостях – “Важное сообщение”. Внезапно события принимают угрожающе конкретный характер. Подумать только: еще вчера все это казалось мне нереальным!

Просыпается Франсуа. Я чувствую, что у меня больше нет сил, я не выдержу, я не могу этого слышать. Бросаюсь в ванную. Открываю ящик с косметикой и выхватываю спрятанный там пластиковый пакет. В нем снотворные разных видов, в пузырьках, в таблетках. Франсуа входит следом и пытается отнять у меня

пакет. Я бегу в спальню. Он дотягивается до пакета, и тот рвется. Таблетки рассыпаются по полу и по кровати. Мне удается подобрать несколько штук, и я судорожно глотаю все, что успела сунуть в рот. Я хочу уснуть, я не хочу переживать то, что на меня надвигается. Мне чудится, что на меня вот-вот обрушится ураган, которому я бессильна сопротивляться. Нужно бежать… бежать любым способом. Я теряю сознание. На лучшее и надеяться было нельзя.

Понятия не имею, сколько я проспала. И что сейчас – день? Ночь? И что произошло? Чувствую, как меня тормошат, стараясь разбудить. Позже я узнаю, что это было сразу после полудня. Сквозь туманную завесу различаю над собой лица двух моих лучших друзей, Брижит и Франсуа. Брижит объясняет, что меня могут положить в больницу, сумку с вещами она уже приготовила. В соседней комнате ждут двое врачей. Советник по делам здравоохранения взял дело в свои руки и позвонил профессору Жувану, главврачу психиатрического отделения больницы Питье-Сальпетриер. Оба врача спрашивают, согласна ли я на госпитализацию. А что мне еще остается? Я хочу, чтобы меня защитили от этого урагана, даже если сейчас я едва сознаю, кто я такая и что со мной происходит. Одной мне с этим не справиться.

Перед отъездом прошу, чтобы мне разрешили повидаться с Франсуа. Один из врачей против. Но я нахожу в себе силы заявить, что иначе никуда не поеду. Кто-то идет за ним. Когда он появляется, меня настигает новый шок. Ноги подкашиваются, я падаю. При виде Франсуа я вспоминаю о его измене. Сейчас это еще мучительнее, чем накануне. Все ускоряется: решение о госпитализации принято моментально.

Я не могу встать. Два офицера службы безопасности поднимают меня и ведут, поддерживая под руки. Лестница кажется нескончаемой. Брижит идет следом с моей сумкой, красивой сумкой для официальных поездок, которую команда, работающая со мной в Елисейском дворце, подарила мне на день рождения. Но сейчас я далека от блеска парадных приемов. Первая леди похожа на смятую тряпичную куклу, не способную ни стоять на ногах, ни идти. Брижит садится вместе со мной в машину. Всю дорогу я молчу. Не могу говорить.

В больнице меня сразу обследуют, и я почти мгновенно оказываюсь в палате. Боже, какой кошмар привел меня сюда, на больничную койку, в казенной ночной рубашке, под капельницу? Погружаюсь в глубокий сон. Сколько же я проспала – сутки, двое?

Не знаю, я утратила всякое представление о времени. Проснувшись, я первым делом, чисто рефлекторным движением стала нашаривать свои мобильники. Но их нет. Врач объясняет: телефоны убрали, “чтобы оградить меня от внешнего мира”. Я требую вернуть их, угрожая, что иначе уйду из больницы. Видя мою непреклонную решимость, врачи решают отдать мне мобильники.

Вижу, как в палату входит одетый в голубой халат офицер службы безопасности, который охраняет меня с момента избрания Франсуа президентом. Стараясь не бросаться в глаза, он под видом санитара приткнулся на стуле у самой двери. Ему поручено следить за посещениями и пропускать лишь тех, кому разрешено со мной видеться. Таких очень немного. Я еще не знаю, что здесь все под контролем. Но не под моим. Мои личные дела считаются государственными. Я теперь всего лишь фигурант досье.

Подтверждаю одному из журналистов информацию о том, что меня госпитализировали. Чувствую, что там, в Елисейском дворце, что-то затевают. И мое предчувствие оправдывается. Как только эта новость стала известна, “они” решили заставить меня покинуть больницу. Первая леди страны в больнице – не очень-то лестно для имиджа президента. Впрочем, в этой истории вообще мало хорошего для его имиджа. Особенно его фотография в мотоциклетном шлеме, когда он выходил от Жюли Гайе. На сей раз я держусь стойко и заявляю врачу, что намерена остаться здесь еще на несколько дней. Да и куда мне идти? Вернуться на улицу Коши, в квартиру, которую Франсуа нашел семь лет назад, когда мы решили жить вместе, и которую я теперь не знаю, как и назвать – к себе, к нам? Я перенесла такой шок, что не держусь на ногах, а давление у меня упало до шестидесяти. В один из дней оно опустилось так, что тонометр вообще ничего не показал.

Врачи поговаривают о том, чтобы перевести меня в психиатрическую клинику. Мои воспоминания о том времени расплывчаты. Я только помню, как медсестры регулярно приходили мерить мне давление, даже по ночам, для чего им приходилось меня будить. Плохо помню всех визитеров, кроме, разумеется, моих сыновей, которые ежедневно приносили мне цветы и конфеты, и матери, в панике примчавшейся из провинции. Ну и конечно, мой лучший друг Франсуа Баши навещал меня каждый день. Что касается Брижит, то она служила посредницей между мной и Елисейским дворцом. Потом она признàется мне, что была потрясена бесчеловечным отношением, с которым столкнулась там. Глухая стена.

Я в больнице уже пятый день, а Франсуа так и не навестил меня. Хотя ежедневно шлет эсэмэски, довольно-таки лаконичные. Выяснилось, что врачи запретили ему приезжать. Мне непонятно это решение – мало того, что оно оскорбительно для меня, оно грозит ему катастрофой в политическом плане. После бурного объяснения врач принимает мои аргументы и отменяет свой запрет, разрешив десятиминутное свидание. Оно продолжается больше часа.

Но и тут память подводит меня. Разговор прошел мирно. Да и как могло быть иначе при астрономических дозах транквилизаторов, которыми меня здесь пичкают? Профессор Жуван заглядывал в палату каждые десять минут, желая убедиться, что все идет хорошо, и исчезал. Позже он расскажет одному из своих друзей, что мы выглядели как пара влюбленных, встретившихся после разлуки.

Ясно помню только одно: как я заявила Франсуа, что поеду с ним в Тюль на традиционную церемонию. Поездка была запланирована на эту неделю. За много лет я ни разу ее не пропустила, ведь Франсуа – избранник этого города[3]. Я сопровождала его в Тюль на такие встречи и до того, как он стал президентом. Это стало ритуалом и для нас, и для местных жителей. Таким же важным, как день выборов. Сколько раз мы с ним вместе объезжали избирательные штабы! Сколько раз сиживали в погребке в Лагенне, попивая отличное вино Роже и лакомясь его блинчиками с паштетом!

Ответ, разумеется, отрицательный. Сначала он пытался обосновать отказ моим состоянием, затем просто отрезал: это невозможно с политической точки зрения. Все ясно: я ему там не нужна. Тогда как сама я готова перенести любые взгляды окружающих, и просто любопытные, и злорадные.

Через три месяца после выхода из больницы, 24 марта, в день первого тура муниципальных выборов 2014 года, я проснусь в слезах. Не быть рядом с ним в такой день! Эти выборы разбудят во мне счастливые воспоминания о том, как мы делили с ним волнение в такие моменты или как вместе радовались встречам с друзьями во время “летних университетов” Социалистической партии в Ла-Рошели.

В течение двадцати лет я посещала вместе с ним все главные политические мероприятия. Сначала как журналистка, затем как его подруга. Мы прошли вдвоем все основные этапы его политической карьеры. Пережили их во всей полноте. И с каждым годом становились ближе друг другу, вплоть до того дня, когда

началась эта история, когда все рухнуло.

Теперь этому конец. Он не желает видеть меня там.

Я настаиваю:

– Я поеду на своей машине.

Сколько раз я ездила по этой дороге, одна за рулем, и днем и ночью! Тогда я была способна вести машину пять часов кряду, ради короткого момента близости, украденного у его работы, с тем чтобы потом снова мчаться назад по той же трассе A19. Опьяняющие мгновения, какие может подарить только безумная любовь.

На следующий день, прикованная к постели усталостью, я с трудом сознавала, что со мной происходит. Еще через день – когда я собиралась ехать в Тюль – мне становится еще хуже. Я не могу даже встать. Стоит мне ступить на пол, как я падаю. Сегодня со мной должна обедать Валери, супруга министра труда. Ей приносят сэндвич, мне – надоевший больничный поднос. Я с трудом удерживаю вилку и еще хуже поддерживаю разговор. Борюсь с подступающей сонливостью: мне не хочется испортить нашу встречу. Но все напрасно. Я сдаюсь. Она уходит, я засыпаю.

Давление у меня упало ниже некуда. Причину я пойму только много позже. Мне давали огромные дозы снотворных, чтобы помешать уехать в Тюль. И мои сосуды не справлялись с таким “передозом”…

Врач боится доверить мне руль. “Вы не дойдете даже до конца коридора!” – твердит он. Несколько раз мы ругались с ним чуть не до драки и приходили к соглашению лишь благодаря эспрессо! Здесь только он один умеет варить по-настоящему хороший кофе и позволяет мне выпивать обычную ежедневную порцию ценой каких-то уступок с моей стороны.

В глубине души я к нему хорошо отношусь, к этому грубияну. Мне симпатична его откровенность, и я чувствую, как ему неприятна вся эта история. Позже он мне расскажет, как ездил в Елисейский дворец к президенту с докладом о моем состоянии. Не знаю, чем закончился их разговор: может быть, тогда-то и была задумана операция “анти-Тюль”.

Мне ничего не хочется, я не замечаю проходящего времени. Медсестры помогают мне преодолеть депрессию, всеми силами стараются меня взбодрить. Каждое движение – встать, принять душ, причесаться – стоит мне тяжких усилий. Но они меня тормошат: “Не расслабляйтесь!” Прежде они видели во мне первую леди, следившую за своей внешностью, – а теперь перед

ними жалкая, опустившаяся баба, неспособная даже сменить пижаму. Они дают понять, что по-человечески сочувствуют мне, а не просто выполняют свои обязанности.

Наступает день выписки. Мне предстоит долечиваться на вилле “Ла-Лантерн”, в бывшей резиденции премьер-министра, находящейся с 2007 года в распоряжении президентов Республики. Это спокойное место рядом с Версальским парком.

Операция “выписка” продумана до мельчайших деталей, с тем чтобы избежать налета папарацци. Напоминает возвращение тайного агента на родину. Опираясь на руку офицера службы безопасности, с трудом передвигая ноги, я медленно бреду по коридору. Естественно, мы выходим не из центрального подъезда. Приняты еще и дополнительные меры: машина, которой мы обычно пользуемся, сегодня едет впереди нашей – для отвода глаз.

Операция проходит успешно. Телеоператоры и фотографы, столпившиеся перед особняком “Ла-Лантерн”, едва успевают заметить автомобиль с тонированными стеклами, промчавшийся по аллее, и ничего больше. Они не увидят даже мою тень. Да, это подходящее слово: я теперь всего лишь тень.

С удовольствием смотрю на это место: я его очень люблю; здесь, в этом мирном доме с высокими окнами и залитыми светом комнатами, в окружении старых развесистых деревьев, проходили самые счастливые дни моей жизни рядом с президентом. Меня встречает пара сторожей – нет, лучше назвать их ангелами-хранителями. Они ухаживают за усадьбой уже двадцать пять лет. И повидали здесь немало премьер-министров, прежде чем Николя Саркози передал этот райский уголок президентам. Они были свидетелями многих тайных совещаний, семейных праздников и, без сомнения, драматических событий. Но из них лишнего слова не вытянешь. Они никогда никого не предавали, никому не рассказывали никаких подробностей. Я любила пить с ними кофе по утрам, мы часто болтали – обо всем и ни о чем. И всегда это были приятные моменты. Они видели, как я одинока.

Один из молодых врачей Елисейского дворца круглые сутки дежурит в соседней комнате, наблюдая за моим давлением и давая анксиолитики и транквилизаторы. Я до сих пор плохо держусь на ногах. Когда я встаю, у меня кружится голова, и приходится немедленно сесть. Однажды утром я чуть не упала и с тех пор веду себя осторожно.

Каждый день меня навещает кто-нибудь из друзей. И конечно, родные. Они не рассказывают мне всего, что творится за стенами этого дома, оберегая от своры любопытных, от бредовых домыслов и скандальных фото на первых полосах газет. В один из солнечных деньков мы с матерью и сыном прогуливались в саду, не зная, что папарацци засели даже на деревьях. Им удалось заснять нас только со спины, тем не менее один из таких снимков с удовольствием напечатал некий желтый журнал. Медийная машина работает в полную силу. И жадно заглатывает любую бытовую подробность, даже самую незначительную.

Прошлым летом я часто бывала здесь одна, пока Франсуа работал в Париже, и у меня вошли в привычку долгие велосипедные прогулки. Мы с моими охранниками стали почти чемпионами. Ежедневно проезжали по тридцать семь километров через Версальский парк и лес, фиксируя время и стараясь каждый день хоть немного да увеличивать скорость. Нас ничто не останавливало, даже дождь. Это было счастье, которое никогда не надоедало.

На 15 августа[4] Франсуа приехал ко мне в “Ла-Лантерн”. Наконец-то он позволил себе несколько дней отдыха. Конечно, весьма условного. Он с трудом отрывался от своих бумаг и не желал выходить за ограду усадьбы. Прогулки сводились к двум-трем кругам по саду. Что касается меня, то я не отказалась от своих велопробегов. Папарацци так и кишели вокруг, на каждом метре парка. Два или три дня спустя в “Паризьен” появилось мое фото на велосипеде.

Как-то утром, в тот момент, когда мы закладывали вираж вокруг Большого канала в парке, я заприметила парочку фотографов и помчалась прямо на них, не предупредив двух моих телохранителей. Папарацци устроились основательно, на весь день: запаслись и одеялами, и походным холодильником. Один из них испуганно поднял руки, словно я угрожала ему оружием:

– Это не мы, фото в “Паризьен” – не наше, клянусь вам, что это не мы!

Их испуг рассмешил меня.

– Я подъехала не из-за фото, а чтобы сказать: вы напрасно теряете время. Президент не выйдет, не надейтесь сфотографировать его. Можете снимать меня на велосипеде хоть каждый день, но ведь это не представляет никакого интереса. А его вам не видать. Лучше возвращайтесь-ка к своим семьям!

Они, конечно, меня не послушались и, конечно, напрасно потеряли время, щелкая меня каждое утро, когда я катила на велосипеде, держась за руль или даже “без рук”. Но

воспоминание о панике того фотографа вызывало у меня улыбку всякий раз, когда я думала о нем или о своем телохранителе, сказавшем мне со смехом: “Да я вижу, вы в нас не нуждаетесь!”

Как же я далека сейчас, в январе месяце, от этих в общем-то приятных воспоминаний! Попробовала сесть на велотренажер, но вскоре отказалась от этой попытки – нет сил. Лежу на кровати, равнодушно листаю старые журналы (только не свежие!), слушаю музыку и сплю. Каждый день получаю письма от неизвестных людей, десятками приходящие в Елисейский дворец и переправляемые в “Ла-Лантерн”. Некоторые из них трогательны до слез. Многие женщины, а иногда и мужчины хотят выразить мне свое сочувствие. Откладываю в сторонку те, на которые собираюсь ответить, и мне удается написать несколько благодарственных писем.

Так проходит неделя, а я по-прежнему живу вне времени. Оно остановилось, словно тоже одурманено лекарствами. Пока СМИ всего мира публикуют мои фотографии, обсуждают мою жизнь, мою судьбу, я стараюсь не брать в руки журналы и читаю только бесчисленные послания, отправленные на мой электронный адрес или на мобильник еще во время моего пребывания в больнице. Их прислали те, кого я давно не видела, друзья, дальние родственники, бывшие коллеги, писатели и просто незнакомые люди, каким-то образом узнавшие мой номер. А еще женщины, которым я когда-то помогла после смерти мужа или в другой беде и которые теперь в свой черед хотят утешить меня. Особенно глубоко тронуло меня письмо Евы Сандлер, потерявшей мужа и двоих детей во время бойни в Тулузской школе[5]. Я не имею права жаловаться: я переживаю всего лишь испытание, а не трагедию.

Из Дворца получаю всего три послания, да и те от советников. Все остальные затаились. Со мной уже обращаются как с парией. Из всего правительства только четыре министра осмеливаются прислать мне дружеские письма.

Те, кого я близко знала, не отвечают на мои звонки. Их молчание выглядит еще более вопиющим, когда я читаю письма из другого лагеря – от Клод Ширак, Карлы Бруни-Саркози, от Сесилии Аттиас, бывшей супруги Николя Саркози, Жан-Люка Меланшона, Алена Делона и многих других. В политике люди предпочитают принимать сторону победителей.

Меньше чем за неделю я не только пережила жизненное крушение, но и в полной мере оценила цинизм замкнутого мирка политических друзей, советников и “придворных”.

Франсуа сообщил, что собирается приехать в следующую субботу – “чтобы поговорить”, уточнив: “незадолго до ужина”. Он приезжает, мы располагаемся в самой большой гостиной, где стоит роскошный концертный рояль. И хотя инструмент уже далеко не новый, именно на нем имела обыкновение играть супруга Андре Мальро, когда министр культуры Шарля де Голля здесь жил. Генерал был потрясен трагедией семьи Мальро, потерявшей двоих детей в дорожной аварии, и предоставил Мальро возможность пожить уединенно в “Ла-Лантерн” вместе с женой и ее сыном Аленом. По выходным дням Мальро, словно желая забыться, принимался за обустройство усадьбы. При нем бывшие конюшни были перестроены под библиотеку.

Мы с Франсуа сидим лицом к лицу, каждый на своем диванчике. Несмотря на веселые цветастые драпировки, атмосфера в комнате гнетущая, расстояние между нами ощутимо почти физически. И тут он заговаривает о разрыве. Я не понимаю логики происходящего. Получается, что попался с поличным он, а расплачиваться должна я. Его решение еще не кажется бесповоротным, но у меня нет сил приводить доводы в свою пользу. Он старается избегать резких выражений, но приговор слишком жесток. Я не сознаю до конца его значения, чувствую себя как под наркозом.

Мы идем ужинать в столовую. В присутствии метрдотеля беседа становится почти банальной. После ужина отправляемся спать – в разных комнатах. Такого с нами никогда не бывало. Теперь он хочет ознаменовать этим конец отношений. В мой сон под воздействием лекарств вторгаются кошмары и галлюцинации.

Я то и дело испуганно вскакиваю, уверенная, что в спальне кто-то есть. Представляю себе, как Франсуа обнимает другую женщину. Кто из них сделал первый шаг? Что он рассказывал ей о нас? Искал ли он в ней то, чего не могла ему дать я? Эти картины душат меня, я гоню их, но они возвращаются снова и снова, и я захлебываюсь рыданиями.

Утром он сообщает, что уедет после обеда и что две мои подруги из числа самых близких – Констанс и Валери – хотят повидаться со мной. Почему же они не позвонили мне сами? Я предпочитаю побыть в одиночестве, чтобы собраться с мыслями и подготовиться к тому, что мне предстоит.

Но Франсуа настаивает. Он побаивается оставлять меня наедине с моим отчаянием, тогда как ему предстоит встреча с любовницей. Мне еще неизвестно, что обе мои подруги с утра уже находятся в Версале. Он придумал эту уловку, чтобы не обрекать

меня на одиночество, а себя избавить от угрызений совести. Они ждут в кафе его сигнала, чтобы явиться в “Ла-Лантерн”. Он хочет передать им меня с рук на руки. Подруги бомбардируют меня эсэмэсками, умоляя позволить им прийти. Я уступаю, и правильно делаю: с отъездом Франсуа их присутствие меня утешит.

Мы с ним договорились увидеться в следующий четверг. Четверг всегда был нашим любимым днем, с самого начала нашего романа, с наших первых свиданий между 2005 и 2007 годами. И еще – это день из знаменитой песни Джо Дассена, которую мы столько раз слушали в моей машине, подпевая: “ Ты помнишь, это был четверг; / Мы ехали с тобой вдвоем / Дорогою влюбленных. / Великий день, великий путь / К большой любви; так не забудь, /Что это был четверг”[6].

Я беру на себя инициативу и назначаю встречу на улице Коши, у нас дома. Там мы будем одни и сможем поговорить свободно. Он приезжает точно в назначенное время, что ему совсем несвойственно. И привозит в металлическом контейнере обед, приготовленный в Елисейском дворце; еда уже разложена по тарелкам, которые нужно только сунуть в микроволновку.

Его телохранители остаются дежурить у подъезда. После публикации фотографии в “Клозер”, на которой они ранним утром несут пакет круассанов в квартиру, где находятся Франсуа и Жюли Гайе, они понимают, что им лучше не попадаться мне на глаза.

Все это как-то нереально. Мы садимся за стол, словно обычная супружеская пара, только едим без аппетита. Под конец он встает и как ни в чем не бывало готовит кофе, который мы выпьем в гостиной. Настало время обсудить вопросы материального порядка.

Земля разверзается у меня под ногами. Я боюсь неизвестности, боюсь того, что произойдет после нашего разрыва, в том числе и финансовых проблем. Делюсь с Франсуа своими опасениями. После развода с отцом моих детей мне пришлось одной содержать своих троих мальчиков. Но такой ценой я добилась свободы, возможности соединиться с Франсуа и, не колеблясь, пошла на это. Я решила также сохранить фамилию Триервейлер, под которой писала репортажи более пятнадцати лет. Мне хотелось зваться так же, как мои дети. Я развелась с их отцом, но не с ними, а взять девичью фамилию означало бы для меня именно это.

Франсуа известно, что моей зарплаты в “Пари-Матч” не

хватит, чтобы самостоятельно оплачивать аренду нашей квартиры на улице Коши, содержание детей, их жилье, их учебу. Когда мы подписывали договор аренды, я получала деньги в “Пари-Матч” и на телевидении, где сотрудничала с каналом *Direct8* (ныне *D8*) с 2005 года, с момента его создания.

Став президентом, Франсуа потребовал, чтобы я отказалась от работы на телевидении. Тем не менее мы запланировали с дирекцией канала запуск новой программы чисто гуманитарного характера, совместимой с ролью первой леди. Она должна была состоять из серии документальных фильмов, где я брала бы интервью у различных деятелей на общие темы: воспитание девочек во всем мире, защита водных ресурсов, беженцы. Каждая из этих передач требовала поездок в две-три страны.

Я была очень увлечена этим проектом. Однако Канал Плюс перекупил, с санкции властей, наш *Direct8*. Некоторые журналисты предсказывали столкновение интересов. И вот в одно прекрасное воскресенье, когда мы были в “Ла-Лантерн”, Франсуа сухо и резко приказал:

– Ты должна отказаться от телевидения!

Тон не допускал возражений, мне тотчас пришлось уступить. Хватит нам пережитого не так давно “скандала с твитом” и поражения Сеголен Руаяль[7] на парламентских выборах. Мне больше не хотелось никаких препирательств, никаких проблем между нами. Но, отказавшись в тот день от работы на телевидении, я лишилась двух третей своих доходов, и он это знал.

Деньги никогда не интересовали меня сами по себе, но я всегда испытывала страх перед завтрашним днем, перед ненадежностью своего положения; я боялась оказаться без крыши над головой, когда уже не смогу работать. Я не забыла, в какой нужде умерла одна из моих бабушек. Я всегда обладала независимым характером. И не забыла, как моя мать до того, как нашла работу кассирши, вынуждена была клянчить деньги у моего отца, получавшего жалкую инвалидную пенсию. Ребенком я очень страдала от этих сцен, от унижения, от сознания полной безысходности. И построила свою жизнь на твердом решении: никогда ни от кого не зависеть в материальном плане.

Ни разу в жизни я не попросила денег ни у кого, особенно у мужчин. Хорошо помню, как мать обнаружила в супермаркете, что потеряла кошелек. У меня до сих пор стоит перед глазами ее убитое лицо: она не знала, как ей прокормить нас в ближайшие дни. Не помню, сколько мне было тогда лет, но ее отчаяние навсегда запечатлелось у меня в памяти.

Я выросла в семье, где никогда не жили в долг. У нас считалось, что нельзя тратить деньги, которых нет, и мы прежде всего смотрели на ценник. Эта привычка прочно засела во мне, я не умею “шиковать”, сорить деньгами. Вспоминаю день, когда мы с подругой отправились за покупками в аутлет. Пока я выбирала для сыновей одежду, продавщицы величали меня “мадам Саркози”. Я с улыбкой покачала головой. Тогда одна из девушек поправилась: “Ой, нет, вы ведь жена Олланда!” И тут я услышала, как женщина, стоявшая прямо передо мной, шепнула мужу:

– Ну, если даже президентские жены ходят по дешевым магазинам, значит, у нас и впрямь кризис!

В другой раз (человек неисправим!) я на распродаже купила пару кроссовок одному из сыновей, и продавец, узнав меня, спросил:

– Значит, вон оно как! Живете с президентом в Елисейском дворце, да еще и работаете вдобавок?

– Месье, а иначе как бы я могла купить эти кроссовки, если бы не зарабатывала на жизнь?

Он понял и с улыбкой взял мою банковскую карту.

Итак, я отказалась ради Франсуа от своей передачи на телевидении, но настояла на том, чтобы сохранить работу в “Пари-Матч”. Для меня совершенно неприемлемо было сидеть без всякой работы и без зарплаты. Я была гражданской женой президента, имела в Елисейском дворце свой личный секретариат, как и все первые леди до меня, и возглавляла небольшую группу энтузиастов, занимавшихся гуманитарными и социальными проблемами, что было сугубо добровольным делом. Но во имя чего я должна была отказаться от работы и заработка? Почему оказалась единственной женщиной во Франции, не имеющей права на труд?

К тому времени, когда в 2007 году нас признали официальной парой, я уже два года не вела в “Пари-Матч” политическую рубрику, перейдя к статьям о культуре, где вопрос о конфликте интересов уже не вставал. Так кому могло помешать, что я пишу рецензии на романы?!

Вот уже восемь лет, как я, отнюдь не претендуя на звание литературного критика, просто пытаюсь внушить подписчикам “Пари-Матч” желание читать книги, показать им на своем примере, что именно чтение помогло мне выбиться в люди, открыло новые горизонты, богатейшие возможности.

Без чтения я никогда не стала бы тем, что я есть. Я начала читать с того возраста, когда научилась складывать буквы в

слова. Ребенком я проводила долгие часы в городских библиотеках. Мать привыкла оставлять там меня и сестру, пока бегала за покупками: рядом с книгами мы вели себя смирно, нам было хорошо. Среди тысяч запахов я могу различить запах пыли, въевшейся в книги, долгими годами не покидавшие полок. Вот он – запах моего детства, *моя* прустовская “мадленка”.

Когда мне было лет шесть и мать посылала мою старшую сестру Паскаль в магазин, она утаивала один-два франка, чтобы покупать для меня дешевые тоненькие книжечки. Подрастая, я читала все без разбора: вокруг не было никого, кто мог бы мне помочь с выбором.

Мои родители, как и многие французы, были членами книжного клуба “Франс Луазир”. Каждые три месяца в доме появлялась новая книжка. Я читала, грезила, узнавала что-то новое. С тринадцати лет я стала записывать в блокнот названия прочитанных книг. Теперь я иногда просматриваю первые страницы этого блокнота и вспоминаю замечательные романы, в детстве попавшиеся мне под руку, а ныне давным-давно позабытые.

На Рождество я просила родителей дарить мне только книги, и не было для меня более дорогого подарка. Ведь их не требовалось сдавать в библиотеку, они были мои.

Работая для рубрики “Культура”, я каждую неделю получаю десятки книг. И всякий раз, вскрывая упаковку и вынимая оттуда книгу, испытываю волнение, как первый раз в жизни. Их уже так много, что я утратила инстинкт собственницы и отдаю 95 % полученных книг в женскую тюрьму Флёри-Мерожис.

Писать раз в неделю (или чуть реже) книжный обзор для “Пари-Матч” всегда было для меня истинным счастьем, и уж тем более когда я стала жить в Елисейском дворце. Я воспринимала это как победу над теми, кто запрещал мне работать, а главное, над самой собой. Не будь этой обязанности – читать книги для составления журнальных обзоров, – меня, без сомнения, вовлекли бы в круговорот официальных встреч, поездок, приемов и я не смогла бы открыть ни одной книжки. Жалкое существование! Зато сесть перед компьютером, наедине с пустым экраном, со своими мыслями, отрешиться от всего на свете, сосредоточиться – вот что помогло мне преодолеть многие испытания.

Многие – но не такое.

В тот ужасный четверг, когда Франсуа объявил, что бросает

меня, я не смогла бы прочесть даже двух строк и лишь беспомощно смотрела на крушение нашей пары. Президент заверил, что мне не о чем беспокоиться, что я, несомненно, получу выгодные профессиональные предложения, которые помогут мне начать новую жизнь.

Затронув вопросы финансового характера, он перечисляет другие заботящие его моменты. Он не хочет, чтобы я писала книгу, – несколько дней назад у меня возникла такая мысль, и я сказала ему о своем намерении. Он разрешает описывать лишь то, что касается моей “постпрезидентской” жизни. И настаивает на том, чтобы мы объявили о “нашем” разрыве в совместном коммюнике. Я отказываюсь. Мне этот разрыв не нужен. В нем нет ничего “совместного”. Но он продолжает настаивать, спокойным, холодным тоном.

Как все это горько.

Перед его уходом я требую отдать мне ключи от квартиры. Я говорю:

– Ты изгоняешь меня из своей жизни, значит, ты здесь больше не живешь, и я хочу оставить ключи себе. Чтобы иметь возможность приглашать сюда кого угодно и когда угодно.

Я знала, что ему не понравятся эти слова. Он изменяет мне уже больше года, но не может смириться с тем, что я намерена жить своей жизнью. Вот так устроены эти люди. Он возражает:

– Тебе их потом принесут.

– Нет, я хочу получить их сейчас же.

Франсуа зовет охранника, у которого хранятся ключи. Выходит в коридор поговорить с ним, но тут же возвращается. Ключи ему нужны, чтобы спуститься в подземный гараж, где его ждет машина, так как здание находится под охраной и никто не может попасть на стоянку, не вставив ключ в особое гнездо в лифте.

На всякий случай я решила сопровождать их, чтобы не лишиться ключей. И вот мы спускаемся в лифте с пятого этажа втроем: Франсуа, я и “разносчик круассанов” – тот самый полицейский, которого обессмертил своим снимком какой-то папарацци. Я смотрю ему прямо в глаза.

– Вы, случайно, сегодня не доставляли президенту круассаны? Значит, вот как вы понимаете обязанности полицейского? Удивляюсь, что вас еще не выгнали.

Он молчит, упорно глядя на свои ботинки. Глаза его увлажняются. Франсуа не произносит ни слова.

Я тотчас же еду в “Ла-Лантерн”. Предполагалось, что я пробуду в Версале до субботы, а в воскресенье улечу в Индию.

Много месяцев назад я обязалась поехать туда представительницей “Движения против голода”. Я согласилась исключить из маршрута ту часть поездки, которая вела в Мадхья-Прадеш: туда нужно ехать из аэропорта на машине много часов по диким, опасным дорогам, и я боялась, что просто физически не выдержу этого.

Вот уже несколько дней окружающие уговаривают меня вообще отказаться от этой поездки. В первую очередь сам президент. Он не желает, чтобы я туда ехала. Но его заботит отнюдь не мое здоровье. В его представлении первой леди уже не существует.

Да и считал ли он меня таковой с самого начала? Нет, сейчас для него самое важное – мое молчание.

У меня осталось три дня для отдыха в “Ла-Лантерн”. Но я боялась провести последний, пятничный вечер наедине со своим горем. И пригласила на ужин самых близких друзей, словно решила доказать себе, что жизнь продолжается. Они съехались все и согрели меня своей дружбой. Что было бы со мной без друзей? Мы провели веселый, теплый вечер. Я попросила у врача разрешения не принимать обычные лекарства, чтобы выпить пару бокалов вина. Ночь проходит быстро.

В субботу к концу дня у меня назначена встреча с Франсуа – мы должны согласовать текст коммюнике. Трое из моих гостей остались у меня ночевать. Я собираю свои вещи, летнюю одежду, оставленную в “Ла-Лантерн”, кое-какие книги. Друзья помогают мне упаковать чемодан. Торопливо перекусываем. Пора уезжать. Иду прощаться со сторожами, Жозианой и Эриком:

– Ну вот, хочу вам сказать, что мы видимся в последний раз.

Они принимают это за шутку, громко протестуют.

Отвечаю им срывающимся голосом:

– Мы с господином президентом расстаемся, об этом будет объявлено сегодня вечером.

Теперь уже они взволнованы до слез, обнимают меня, горячо утешают. Я плачу вместе с ними. Никогда мне не забыть эту минуту, никогда! Так же как и прощание с обоими дежурящими сегодня поварами. Они тоже плачут. Я извиняюсь перед ними:

– Простите, я лучше пойду, а то не выдержу.

Не могу сдержать слезы. Мне хочется уйти достойно, но эти выражения привязанности трогают меня до глубины души. А я должна сберечь силы для предстоящей встречи. Сажусь в машину. Телекамеры уже хищно нацелены на нас. Журналисты на мотоциклах нетерпеливо ждут за оградой, готовые запечатлеть каждое мое движение, словно присутствуют при казни.

Сначала мы едем на улицу Коши, к нам домой – вернее,

теперь *ко мне* домой, – а за нами следом мчится вся свора фотографов и телевизионщиков. Чтобы спастись от их объективов, мы проходим через подземный гараж. И снова прибегаем к уже испытанному способу уйти от преследования. Только на сей раз, чтобы спокойно проехать к Елисейскому дворцу, вперед высылаются две машины-“обманки”, а не одна. И когда мы отъезжаем от дома, вся банда уже далеко. Один из автомобилей вообще взял курс на “Ла-Лантерн”, увлекая за собой часть репортеров. Даже у меня это вызывает улыбку.

Не могу описать, что я ощутила, входя в сад Елисейского дворца через ворота Мариньи. Именно этим скромным путем, а не через парадный двор, я привыкла попадать во дворец. Никогда я не позволяла себе входить через парадные ворота. Словно в глубине души всегда чувствовала себя незаконной женой. А ведь я прожила здесь с президентом больше полутора лет, официально делила с ним его жизнь.

Сегодня, 25 января 2014 года, у меня сжимается сердце. На этот раз все кончено. Войдя в свои апартаменты, я начинаю собирать вещи, которые понадобятся мне в Индии, затем эсэмэской сообщаю Франсуа, что я уже здесь. И мы снова встречаемся в гнетущей атмосфере гостиной, сидя каждый на своем привычном месте. Он опять настаивает на совместном коммюнике. Я опять отказываюсь, приводя все те же аргументы. Мы словно вторично проигрываем ту же сцену.

Он еще раз просит меня отказаться от Индии.

– На тебя там накинутся все журналисты.

Он собирается отречься от меня, но единственное, что его волнует, – это чтобы пресса осаждала его – его, а не меня.

– Ну и что? Может, их даже будет больше, чем у тебя в Турции.

Как ни смешно, я пытаюсь его раздразнить. А он беспокоится о том, что я им скажу.

– Пока не знаю.

Он сидит мрачный, вертя листок в руках. И читает мне коммюнике, которое намерен отдать во Франс Пресс, – всего восемнадцать слов, бездушных и напыщенных, каждое из которых разит насмерть, как кинжал в сердце. Я убита жестокостью этих фраз, этой пренебрежительной манерой “сообщения” о том, что он “положил конец отношениям, которые связывали его с Валери Триервейлер”…

Встаю и направляюсь к двери, выкрикнув напоследок:

– Давай, публикуй свою писанину, если ты этого хочешь!

Он пытается удержать меня, обнять:

– Мы не можем так расстаться. Поцелуй меня.

И предлагает даже провести вместе последнюю ночь. Я с силой вырываюсь из его рук и ухожу, не оборачиваясь, вся в слезах.

Позже я узнаю, что ему понадобилось оторвать от кучи неотложных дел трех государственных советников, чтобы они составили этот документ о моей “отставке” – свидетельство о смерти нашей любви. Нам не всегда дано быть хозяевами своих чувств. Мы влюбились друг в друга, когда были оба несвободны. Тогда речь шла не о случайном увлечении. Так что же происходит теперь? И откуда столько нечеловеческой жестокости? Пусть он больше не чувствует себя виновным в этом разрыве. Но если в его сердце не осталось любви, он мог бы, по крайней мере, облечь наше расставание в пристойную форму.

Я должна вернуться к своим телохранителям, ожидающим меня в машине. Но я плачу так горько, как мне редко случалось плакать. Пытаюсь спрятаться за деревом, чтобы они не увидели меня в таком состоянии. Один из служителей сует мне пачку бумажных платков. Но, похоже, я сама превратилась в использованный клочок бумаги, который только что выбросили за ненадобностью.

Наконец делаю над собой усилие и возвращаюсь к своей охране. Мне удается только пробормотать, что мы возвращаемся на улицу Коши. Никто не решается заговорить со мной. Мы уже проехали по мосту Александра Третьего, когда я получаю эсэмэску от своего палача. Он опустил нож гильотины, а теперь посылает мне признание в любви:

Я прошу у тебя прощения, потому что все еще люблю.

От этих слов слезы мои льются с удвоенной силой. Что же это такое? Пишет ли он искренне, или это еще одно доказательство его трусости?

Путь до квартиры на улице Коши не занимает много времени. В лифте Александр, сопровождающий меня офицер службы охраны, выглядит таким же несчастным, как я сама. Видя мое состояние, он с тревогой спрашивает, справлюсь ли я.

– Спасибо, справлюсь.

Главное, не включать телевизор и радио. На мобильник хлынул поток эсэмэсок. Я наскоро просматриваю их. Новость распространяется с быстротой молнии. Я еще не осознала, что она облетела весь мир, еще не видела обложек международной прессы с фотографией Франсуа в шлеме. Не хочу ничего слышать,

я должна отгородиться от этой медийной бури.

Не скажу, что это первая атака СМИ, с которой мне пришлось столкнуться, но зато самая кошмарная, а я не так уж мужественна. Роюсь в своей коллекции DVD с единственным желанием – лечь в постель и подумать о чем-нибудь другом. Все равно, о чем, лишь бы отрешиться от происходящего.

Натыкаюсь на фильм “Ее зовут Сара”. Мне давно уже хотелось посмотреть эту картину, снятую по роману Татьяны де Росней. Фильм рассказывает об американской журналистке, ведущей расследование, связанное с Зимним велодромом и историей жизни маленькой Сары[8].

Сейчас только восемь вечера, а я сижу на кровати с компьютером на коленях, закутавшись в одеяло, и даже не помышляю об ужине. Отгородилась от внешнего мира, плачу и даже не знаю, над чем больше – над фильмом или над собственной жизнью. После финальных кадров я чувствую себя опустошенной, обессиленной вконец. Этим вечером я в полной мере оценила выражение “выплакать все глаза”. В голове у меня бушует вихрь мыслей, они сталкиваются, перемешиваются, и я снова и снова задаюсь вопросом: как он мог так поступить со мной? И если мы все еще любим друг друга, то как дошли до такого? Завтра я уезжаю в Индию. И цепляюсь за эту мысль, как утопающий за спасательный круг.

* * *

Дойти до такого!

Как же случилось, что мы за такой короткий срок стали настолько чужими друг другу? Власть подействовала как кислота: это она разъела изнутри нашу любовь. Слухи о Гайе отравляют мне жизнь с октября 2012 года.

Именно тогда, через пять месяцев после президентских выборов, я впервые о ней услышала. Но не поверила ни на минуту, ведь я и сама была предметом стольких мерзких сплетен. И вот я узнаю, что несколькими днями раньше в Елисейском дворце состоялся ужин с актерами. Все было сделано втихую: меня не только не пригласили, но даже и не информировали. Никто ни словом не обмолвился мне об этом – ни Франсуа, ни его команда, которой, однако, положено держать в курсе моих помощников, чтобы координировать мероприятия, когда речь идет о личном времени президента; даже его советник по культуре, организатор этого ужина, и тот смолчал.

В субботу я укрылась в Лиль-Адане. В этом маленьком городке близ Парижа я долго снимала дом и проводила там с детьми часть недели, когда, по решению суда, мы делили с бывшим мужем заботу о них. Сейчас все они живут в столице, и у меня уже нет никаких оснований оставлять за собой этот дом. Я собираю вещи. Днем мои сыновья помогают мне, а к вечеру они уходят на встречу с друзьями. Это мой последний уикенд в Лиль-Адане.

Мне даже в голову не приходит попросить Франсуа о помощи. Он президент, у него много более важных дел. Я разбираю вещи, и это, как при каждом переезде, позволяет вновь пережить некоторые жизненные моменты. Куда, например, девать коллекцию журналов “Пари-Матч”? Невозможно же хранить их все. Перелистываю некоторые из них. Один из номеров 1992 года привлекает мое внимание: на обложке Миттеран, во Франции экономический и политический кризис. Эдит Кресссон – премьер-министр, и это настоящее бедствие для страны. “Тем временем Миттеран играет в гольф, гуляет по набережным и роется в книжных развалах”. Так звучит заголовок! Но это не нападки, напротив – способ подчеркнуть, как умеет наш президент сохранять хладнокровие и стойкость. Боже, как все изменилось с тех пор! Сегодня президентам не дозволено ничего, даже поехать после полутора лет избирательной кампании на двухнедельный отдых в форт Брегансон[9]. Другие времена. В 2012-м пресса возмущалась загаром Франсуа и нашими выходами на пляж – и

это когда половина Франции отправилась в отпуск. А двадцать лет назад журналисты с умилением смотрели на президента, способного играть в гольф в разгар политического кризиса…

Просматриваю еще несколько фотографий. Снимки моих детей, еще маленьких – напоминание о жизни, которая пролетает так незаметно. Около 23 часов звонит Франсуа, но ни слова об ужине, на котором присутствовала и Жюли Гайе. Об этом я узнаю задним числом.

Я, конечно, нахожу странным, что меня не пригласили на этот ужин в Елисейском дворце, хотя все еще ничего не подозреваю. Месяц спустя, в ноябре 2012-го, слухи становятся настойчивее. В Париже шепчутся о существовании фотографии, неопровержимо доказывающей их связь. Расспрашиваю Франсуа, пытаюсь выяснить, провожал ли он актрису домой после этого ужина. Он уверяет, что нет.

А слухи в городе звучат все громче. Франс Пресс начинает охоту за сенсацией. И вот первое подтверждение: пресловутое фото якобы показывает его на улице Фобур-Сент-Оноре, где тогда жила Гайе, – в двух шагах от Елисейского дворца. Я звоню Франсуа из своего кабинета. “Сейчас приду”, – говорит он. Минуты не проходит, как он уже тут. Мы уединяемся в библиотеке, рядом с кабинетом. Он признаётся, что был у нее в сентябре, там собирались люди искусства.

– И сколько же вас там было?

– Не помню, кажется, человек десять – двенадцать.

– Не может быть, ты лжешь, это наверняка было бы записано в твоем еженедельнике. Президент не должен пускаться на такие увертки.

Я нервничаю. Видя мою настойчивость, он сдается и говорит, что в этом участвовал Пино[10]. Мол, Жюли Гайе организовала этот ужин, чтобы он мог встретиться с Пино. Франсуа не уточняет, о каком Пино идет речь – об отце или сыне, но он знаком с обоими, и для таких встреч президент не нуждается в посредниках. Я прекрасно помню тот вечер, когда он сообщил мне, что ходил ужинать к Пино, тет-а-тет.

Он вернулся тогда не поздно, мы встретились на улице Коши, и он рассказал, что Пино пригласил его, чтобы обсудить вопрос о реституции двух китайских статуэток, похищенных в 1860 году из Летнего дворца в Пекине франко-британскими войсками. Они представляли собой две бронзовых головы, крысиную и собачью, которые отсутствовали в комплекте из двенадцати фрагментов, образующих вместе древний китайский календарь. Реституция должна была стать частью дипломатической программы во время официального визита в Китай, запланированного на апрель. Но

какое отношение имеет ко всей этой истории Жюли Гайе? И почему мне опять ничего не сказали?

Меня злит эта ложь. Но я все еще не верю в их связь: Франсуа слишком занят государственными делами, чтобы подвергать себя такому риску. И кроме того, имею глупость думать, что мы слишком сильно любим друг друга, чтобы такое могло случиться. Или я чересчур наивна? Один из моих друзей-журналистов объясняет мне, что эти слухи подпитывают полицейские правого толка. Он подозревает, что здесь задействована их кухня ложных слухов – они привыкли фабриковать подобные дела для дестабилизации обстановки. Вот этому я верю.

Я уже стала однажды жертвой такой диффамации во время избирательной кампании, когда по всем редакциям ходила фальшивая полицейская справка. Мой адвокат в панике потребовал срочной встречи со мной. Одновременно ко мне обратились журналисты из “Экспресса”, чтобы обсудить это до публикации. Они знали, что это фальшивка, и хотели разоблачить политических противников, прибегающих к таким грязным методам. В этой “справке” мне приписывались связи с половиной сторонников чуть ли не всех правых и левых партий.

Это было грубо сработано, но все же полностью выбило меня из колеи. Я думала только об одном: лишь бы мои дети не сочли меня женщиной подобного сорта. Это стало для меня первым медийным цунами – первым в длинной череде последующих.

После выхода статьи в “Экспрессе” мой телефон не замолкал ни на минуту. Мне звонили журналисты всех мастей. Но я не отвечала. Мне нужно было отгородиться от всех. Я не смотрела телевизор. Укрылась в своем доме в Лиль-Адане. Туда мне позвонил старший сын.

– Мама, что ты такого сделала, что о тебе кричат на каждом углу?

– Ничего. Ничего я не сделала, просто я подруга кандидата в президенты и поэтому стала мишенью для СМИ.

Я тотчас вернулась домой и включила стиральную машину, словно хотела отмыть нас от всей этой грязи. Список моих деяний выглядел так нелепо, что вызвал смех у Франсуа. Но не у меня.

Поэтому я тогда и не поверила в слухи о Гайе. Решила, что речь идет просто о легком флирте. Несколько раз я напомнила Франсуа о том, как он солгал по поводу двух ужинов, на которых она присутствовала, а я нет. Потом сплетни затихли.

Но это была лишь короткая передышка. В конце февраля 2013 года нам предстоял официальный визит в Россию. И вот я жду

Франсуа в парадном холле Елисейского дворца. Он опаздывает. Мне сообщают, что он у себя в кабинете и там сидит известный папарацци. Я считаю, что это маловероятно. Нет, просто невозможно!

Почти бегом поднимаюсь по красивой парадной лестнице, чего никогда раньше не делала. Решительно прохожу мимо охранников у дверей. Никогда еще я не позволяла себе входить в его кабинет таким образом. За все эти двадцать месяцев я была здесь раз пять, не больше. Открываю без стука тяжелую дверь и бросаю незваному гостю:

– А ты как здесь очутился? Тебе тут нечего делать!

Я хорошо знаю этого человека. Когда-то в “Пари-Матч” мы даже приятельствовали, пока я не поняла, что ему нельзя доверять.

Он отвечает, что пришел предостеречь Франсуа от всех гуляющих по Парижу сплетен. Я опережаю его:

– Чего о нем только не говорят! Например, что у него в Коррезе есть черный ребенок. Или ты хочешь обсудить слухи о Гайе? Так не утруждай себя, об этом уже говорит весь Париж, так что мы не нуждаемся в твоих услугах.

Затем я обращаюсь к Франсуа:

– Нам пора идти, тебя все заждались.

Беру его под руку и увожу, оставив папарацци в кабинете.

В машине, везущей нас в аэропорт Орли, царит напряженная атмосфера.

– Чего он от тебя хотел?

– Да ничего особенного, просто информировал о сплетнях.

И тут меня впервые одолевают подозрения:

– Вряд ли ты принял бы его в последний момент перед отъездом, если бы тебе не в чем было себя упрекнуть.

– Да нет, уверяю тебя…

Присутствие полицейских в машине мешает мне продолжить расследование.

Прошел месяц, и по Парижу снова поползли слухи. Сценарий тот же: скоро появятся фотографии. Мне сообщают, что Жюли Гайе ничего не делает, чтобы опровергнуть эти россказни – напротив, хранит загадочное молчание. Я решаю позвонить ей. Тем же вечером, 28 марта 2013 года, Франсуа должен выступать по телевидению. Она как будто не удивлена моим звонком. Объясняю ей, как неприятна для меня вся эта история и как она вредна в политическом плане. Она отвечает, что и ей все это очень неприятно. Подсказываю выход: она ведь может сама публично опровергнуть слухи, чтобы положить конец этой нелепой ситуации. Она соглашается. Потом посылаю ей эсэмэску

с просьбой подождать до завтра, чтобы не омрачать интервью президента.

– Боюсь, вы опоздали: мой адвокат уже отослал заявление.

Тайминг, конечно, не самый удачный, но официальное опровержение меня успокаивает. Актриса твердо и недвусмысленно объявляет, что будет преследовать по закону тех, кто распускает слухи о ее связи с президентом. И я позволила обвести себя вокруг пальца. Но как можно так бесстыдно лгать?

Наступает пауза.

Какое-то время я живу спокойно. Однако Франсуа незаметно отдаляется от меня. Не знаю, что это – реальность или результат болезненной ревности, разъедающей мне душу? А слухи тем временем распространяются все шире. И в какой-то из вечеров, оставшись с Франсуа наедине, я беру быка за рога:

– Поклянись мне жизнью моего сына, что это неправда, и тогда я перестану об этом говорить.

Он клянется жизнью моего сына и просит больше не беспокоить его этой дурацкой историей. У него слишком много работы и других дел, чтобы обременять себя еще и пересудами. А я уже надоела ему этим вздором. Да, он называет это именно так. Вздор.

Его уверенный тон должен был бы окончательно меня успокоить, но яд уже проник в кровь. Стараюсь убедить себя, что его отчужденность – результат напряжения. Обстановка сложная, политический ветер неблагоприятен. Несмотря на это, мы остаемся дружной парой и по-прежнему вместе переживаем счастливые моменты.

Проходит лето, за ним осень. Обстановка меняется к худшему. Рейтинг популярности Франсуа скатился совсем низко. И вот 16 декабря 2013 года по телевидению прошла передача “Большой журнал”. Я ее не видела и потому не знала, что туда была приглашена Жюли Гайе. Мы с Франсуа собирались ехать на ужин, как вдруг я получаю эсэмэску от подруги:

Смотрела “Большой журнал”?

Нет, а что?

Посмотри обязательно.

Франсуа заезжает за мной на улицу Коши, чтобы вместе отправиться на ужин. Некий журналист предложил ему

встретиться с “настоящими людьми”. На самом деле это компания парижских “бобо”, богемных буржуа, набившихся в красивую квартиру с окнами, выходящими в мощеный дворик XVII века. И только на следующее утро я смотрю в интернете повтор вчерашней передачи “Большой журнал”. Один из актеров последнего фильма Жюли Гайе рассказывает, что президент побывал на съемках ее фильма. Она сидит, жеманно потупившись, и не отрицает.

Я тут же звоню Франсуа на мобильник. Он не отвечает. Пытаюсь пробиться к нему через секретарш, что делаю крайне редко. Говорю, что это срочно, что у меня к нему неотложное дело. Девушки отвечают: “Соединим тебя тут же после ухода посетителя”. Наконец он перезванивает. Я сразу, в лоб, задаю вопрос:

– Ты ездил на съемки ее фильма?

Он уверяет, что нет. Но на сей раз моему терпению приходит конец. Я выхожу из себя, и он это чувствует. Требую официального опровержения. Он обещает, что оно появится через час. Оставляю несколько вызовов на автоответчике Жюли Гайе с просьбой позвонить, чего она так и не сделает. Что ж, в 2006 году я тоже не откликалась на звонки Сеголен Руаяль, которая была тогда женой Франсуа, – об этом он сам меня просил. Круговорот измен в природе…

Вечером мы встречаемся за ужином. Моего младшего сына, который тогда жил с нами, нет дома. Ужинаем вдвоем, в гостиной. Он многословно распространяется о том о сем, обходя самое важное. Это умалчивание гнетет меня. Я решаю вскрыть гнойник и говорю, что не понимаю поведения этой девицы, которая потворствует таким слухам. С меня довольно сплетен, я жду от него, чтобы он встал на мою сторону и помог мне справиться с ними.

Вместо того чтобы поддержать меня, он начинает защищать Жюли Гайе. Я возмущена его позицией. Чувствую себя униженной. Прихожу в дикую ярость, кричу, что он сведет меня с ума своими недомолвками. В ответ он бросает мне в лицо чудовищные слова.

Убегаю от него в ванную и начинаю глотать снотворное, таблетку за таблеткой, пока в пачке не остается восемь штук. Возвращаюсь в гостиную и принимаю их у него на глазах. Не знаю, не хочу верить, что в этой истории всё правда, но не понимаю его поведения. Он стал слишком жестоким и безразличным, он сильно изменился, и мне начинает казаться, что он больше не любит меня.

Он пытается затащить меня в ванную, чтобы очистить рвотой желудок. Я замертво падаю на диван. Не чувствую своего тела, не могу выговорить ни слова, только слышу звуки, как люди в коме. Поднимаю руку, жестом прося о помощи. Но ничего не слышу в ответ, он молчит. Не произнося ни слова, даже не обращаясь ко мне по имени, он укладывает меня с ногами на диван, касается лба и выходит. Я остаюсь одна. Ко мне даже врач не придет. Не придет никто. Елисейский дворец – это настоящий улей, сердце власти, но личные апартаменты подобны капсулам – безмолвным, защищенным от внешних бурь, и сюда никто не смеет входить. Иногда я чувствовала себя здесь до ужаса одинокой.

Позже мне удается дотащиться до спальни, и я погружаюсь в многочасовой сон. Вернулся ли Франсуа? Спал ли он рядом со мной? Одурманенная снотворным, я ничего не помню. Просыпаюсь в полдень следующего дня. Рождественский праздник для детей Елисейского дворца начинается в 14 часов. Я взяла на себя его подготовку, пригласив также много детей со стороны, из бедных семей или инвалидов. С некоторыми из них я знакома лично и не могу обмануть их ожидания.

Только хватит ли у меня сил пойти туда? Встаю на ноги, борясь с тошнотой. Я не просто должна там быть, я обязана выглядеть блестяще в его глазах. Хочу, чтобы он *увидел* меня, чтобы наконец посмотрел на меня. Я приготовила для такого случая розовое платье, но решаю надеть не его, а длинное вечернее от Диора – великолепное, украшенное стразами: фирма предоставила его мне для официального ужина на государственном уровне. Приходят парикмахер Оливье и визажистка Надя, штатные мастера Елисейского дворца. У них золотые руки.

– Сегодня я хочу выглядеть на все сто!

Я никогда не носила джинсы и с молодых лет, желая выглядеть как можно элегантнее, одевалась в классическом стиле. Но в Елисейском дворце я поняла разницу между высокой модой и прет-а-порте! В юности я покупала модные журналы и мечтала о туалетах, которые были мне недоступны. Когда я работала на телевидении, стилист приносил мне шикарные наряды, но это не была высокая мода. О таком я даже и мечтать не смела! Свои первые шаги в качестве первой леди я сделала в прет-а-порте. Но вскоре самые престижные дома моды начали предлагать мне свои изделия, более соответствующие моей роли. Я стала носить платья от Ива Сен-Лорана, от Диора, чьими шедеврами особенно восхищалась. Иногда я сама приезжала в их бутики, иногда платья доставлялись в Елисейский дворец для бесконечных

примерок. Я и сейчас продолжаю ходить на дефиле домов высокой моды.

Я говорю с ними очень спокойно – еще сказывается действие снотворного, словно меня в вату завернули. Они принимаются за дело, со свойственным им мастерством. Мы не торопимся, они преображают меня. Наконец я готова. Спускаюсь в кабинет.

Моя команда встречает меня с восторгом. Мы решаем сфотографироваться все вместе. Принимаем позу за позой, ослепительно улыбаемся. Никто из них даже вообразить не может, что произошло накануне.

Я не видела Франсуа с той минуты, когда он оставил меня на диване. По плану организаторов праздника, на концерте, устроенном для детей, я должна присутствовать одна, а президент подъедет к концу. Шестьсот пятьдесят пар детских глаз нетерпеливо смотрят на сцену в ожидании начала представления. Зал гудит от смеха и звонких ребячьих голосов.

Я останавливаюсь, чтобы поцеловать тех, с кем уже знакома. Большинство из них – колясочники. Появляется певец М. Покора, и ажиотаж в зале достигает предела. Предполагается, что после концерта я выйду, чтобы встретить президента, и вернусь в зал вместе с ним. Жду внизу, у парадной лестницы. По его первому взгляду вижу, что достигла своей цели.

– О, ты великолепна, просто королева!

Мы входим вместе, и на сей раз он пропускает меня вперед, тогда как обычно идет, не заботясь о том, поспеваю я за ним или нет. Мы выходим на сцену вдвоем, хотя это не было предусмотрено. Он обращается с коротким приветствием к юным зрителям и впервые за много месяцев произносит несколько слов в мой адрес, публично поблагодарив за организацию этого чудесного рождественского праздника.

Несколько минут спустя я танцую с каким-то незнакомым молодым человеком. Потом мы с Франсуа обходим столики, вручаем подарки, фотографируемся с детьми и раздаем автографы. Франсуа ведет себя вполне предупредительно. Следует за мной, когда я прошу подойти к тому или иному кружку. А детям все мало – каждый хочет иметь фото с президентом, фото со мной, потом с нами обоими, да еще и автографы! Час спустя он уходит работать.

А я остаюсь с ребятами до четырех часов дня. Через час должна прибыть Ангела Меркель, и персоналу нужно проявить чудеса проворства, чтобы за этот короткий промежуток привести

зал в надлежащий вид.

Во время этого перерыва я принимаю у себя в кабинете Сару с двумя ее детьми, Евой и Рафаэлем. Их отец погиб в Афганистане в июне 2012-го, вместе с тремя своими товарищами. В тот год я сопровождала Франсуа в Дом Инвалидов на встречу с семьями погибших. Сара, вся в слезах, попросила президента позволить ей в виде исключения оформить задним числом официальный брак с покойным мужем, на что он, разумеется, дал согласие. Ее просьба потрясла меня, и я сама, лично, вручила ей свидетельство о браке в Па-де-Кале. Сара заведует там центром для детей-инвалидов, который я тогда же и посетила. И между нами завязалась дружба.

После ее ухода иду к своим ассистенткам. Сажусь у них в кабинете, в своем длинном платье, на пятнадцатисантиметровых каблуках. Со вчерашнего дня у меня ни крошки во рту не было, я выдохлась вконец, пошевелиться не могу.

Помощницы докладывают мне, что я танцевала с Брахимом Зебá, бывшим бойфрендом Мадонны, который участвовал в концерте, и что видеосъемка этого эпизода уже произвела фурор в интернете! А я понятия не имела, кто мой партнер. Позже и он признается, что не знал, кто я такая. Мы квиты.

Звонит мой телефон: Франсуа.

– Ты можешь прийти на встречу с Меркель?

Такого он никогда еще мне не предлагал.

– Когда?

– Через пять минут.

Идти на такую встречу в длинном платье неприлично. Снимаю туфли, кое-как поднимаюсь по лестнице к себе в квартиру, с бешеной скоростью меняю обувь и одежду, бегом спускаюсь вниз – и вот я уже в холле, рядом с президентом, готовая встретить госпожу канцлера.

Теплый обмен приветствиями. Это моя первая встреча с ней. Она говорит, что очень рада меня видеть и ей очень хотелось бы, чтобы обе наши пары присутствовали на фестивале в Байрёйте. Я отвечаю, что буду счастлива. Затем Франсуа и Ангела Меркель уходят вдвоем, им нужно поработать до ужина.

Наконец-то я могу отдохнуть перед тем, как идти на ужин к друзьям, давно уже запланированный. Падаю на кровать, совершенно обессиленная. Сегодняшняя обходительность Франсуа не затмила вчерашнюю сцену и жестокость его слов. Когда я возвращаюсь со своего ужина, он уже спит. На следующий день он уезжает в Брюссель, на Совет Европы. Мы едва успеваем перекинуться несколькими словами за завтраком. Мой сын и

обслуживающий персонал находятся здесь же, и никакие разговоры о личном невозможны.

Решаю написать длинное письмо, чтобы Франуа взял его с собой в Брюссель. Прошу отнести его в кабинет президента. В этом письме объясняю, что его вчерашнее поведение позорно: он бросил меня одну, не вызвав врача, что вообще-то наказуемо даже по закону – “неоказание помощи лицу, находящемуся в состоянии, опасном для жизни”. И если я подозревала его в том, что он меня разлюбил, то нужны ли более убедительные доказательства?!

Дальше пишу, что люблю его по-прежнему, но что такая жизнь для меня неприемлема. Я, конечно, могу списать все случившееся на его сложную работу, на тяжелые обязанности. Но разве так необходимо добавлять к этому злобу и, хуже того, безразличие? Это недостойно нашей любви, такой сильной, такой глубокой. Неужели ее задушила власть? Я задыхаюсь в этой атмосфере, мне нужен воздух. Мне нужны искренние чувства. И уважение.

Два дня спустя он возвращается, и между нами происходит разговор. Тяжелый, беспощадный. Он снова говорит о наших разногласиях, обличает меня, сетует на то, что со мной невозможно ужиться. Я, конечно, напряжена, нервничаю, мы ссоримся все чаще, иногда из-за сущих пустяков. Я непрерывно страдаю оттого, что меня больно ранит его безразличие.

Так кто же из нас изменился, он или я? Он избегает меня, не выносит, когда я показываюсь вместе с ним на публике. Фотографы заметили, что он больше не смотрит в мою сторону, не проявляет должного внимания, всегда идет впереди, а не рядом со мной, и все реже перешептывается со мной на людях. Телеобъективы беспощадно зорки – это микроскопы чувств.

Франсуа напоминает мне о “скандале с твитом”:

– Это была катастрофа. Наверное, тогда-то нам и нужно было разойтись.

А ведь ему хорошо известны обстоятельства того инцидента. Я не отрицаю своей вины. Я перенесла все последствия этого дела, оно и сегодня преследует меня, и я знаю, что совершила ошибку. Но даже и в тот день ничего не случилось бы, не солги он мне в очередной раз. И тогда я не написала бы тех непоправимых слов.

Все произошло еще до начала президентских выборов, когда победа уже маячила на горизонте и Сеголен Руаяль вслух мечтала

о высокой должности. Пятью годами раньше она не прошла в президенты и теперь направила свои амбиции на руководство нижней палатой парламента.

Мы несколько раз обсуждали это с Франсуа. Он был против ее избрания, понимая, что оно рискует осложнить ситуацию как в медийном, так и политическом плане. Все были в курсе их личных отношений, и я в том числе. У них было четверо общих детей, что само по себе прекрасно. Однако возможность избрания Сеголен Руаяль на пост председателя Национального собрания вновь развязала бы медийную вакханалию по поводу любовного треугольника, от которой все мы уже немало настрадались.

Многие юристы обращали также внимание Франсуа на скрытую опасность тесной связи между исполнительной и законодательной ветвями власти, тогда как конституция требует четкого разделения их полномочий. С 1875 года президент не имеет права посещать Национальное собрание и входить в зал заседаний.

Ситуация, в которой Франсуа Олланд будет президентом, а мать его детей – председателем Национального собрания, наверняка стала бы предметом бесконечной полемики. Франсуа это понимал, но не спешил разрушить мечту Сеголен Руаяль. Напротив, он поощрял ее, ведь именно такой вариант он обсуждал с ней после первого тура выборов кандидата от социалистов, когда она оказала ему поддержку против его соперницы Мартин Обри. Но официально он заверял общественность, что она нежелательна для него в качестве третьего лица в государстве. Это двурушничество меня не удивляло. Сколько раз я слышала, в бытность его первым секретарем Социалистической партии, как он поощряет какого-нибудь кандидата и одновременно делает все, чтобы тот проиграл. Сколько раз он тайком создавал для него препятствия, оказывая поддержку другим! Это прирожденный политик, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тактика – его вторая натура.

Первый тур парламентских выборов в июне 2012 года не принес успеха Сеголен Руаяль. Ее отправили баллотироваться в Ла-Рошель, поскольку она уступила свой округ другой женщине-кандидату. Но жители Ла-Рошели поддержали местного кандидата, “диссидента” Социалистической партии, Оливье Фалорни, который “дышал в спину” Сеголен Руаяль уже в первом туре.

Я посетила “ночь выборов”, мероприятие, организованное в

день первого тура в Елисейском дворце; оно проходило в зеленой гостиной, примыкающей к президентскому кабинету. На столах были расставлены два десятка компьютеров. Народу собралось много, я мало кого знала среди людей, которые комментировали данные по мере их поступления. Здесь царила атмосфера выборной лихорадки, которая мне хорошо знакома и даже приятна. Тут же рядом был устроен буфет.

Франсуа анализировал результаты голосования. Наконец встал вопрос о Сеголен Руаяль. Он качает головой:

– Никаких шансов. Она впереди, у нее тридцать два процента, а у Фалорни всего на три меньше. И он пользуется поддержкой местных жителей. Во втором туре он наберет больше, чем она.

– Ты ничего не предпримешь, чтобы ей помочь?

– Нет, можешь быть спокойна, – заверяет он меня, – я и пальцем не шевельну, я ведь дал слово.

– Ты же знаешь, что Фалорни порядочный человек и всегда был тебе предан.

– Да, он человек порядочный.

Как истинный политик, он все же звонит кандидату-“диссиденту” и довольно вяло просит его самоустраниться. Фалорни отказывает ему, но всем все понятно.

Незадолго до полуночи иду спать. Теперь я спокойна, я очень боялась новой медийной волны. Пресса вволю натешилась нашим соперничеством: “Олланд и две его женщины”… Меня это глубоко оскорбляло. В мае 2012-го, за несколько дней до инаугурации, два журналиста, которых я, между прочим, хорошо знала, позвонили мне, чтобы спросить, буду ли я присутствовать на церемонии.

– А почему будешь ты, если не будет Сеголен Руаяль? – спросил меня один из них.

– И в каком качестве? – спросил другой.

Я так растерялась, что только и смогла промямлить:

– Не знаю… я ведь скоро буду как бы первой леди, разве нет?

Даже они не считали меня законной женой. А ведь мы с Франсуа уже пять лет как были вместе, и это официально, а фактически – все семь. Но мне по-прежнему нет места рядом с ним.

Итак, я успокоилась: замаячивший было призрак тягостной ситуации наконец растаял. Мы не возвращаемся на улицу Коши. Я даже засыпаю на его стороне кровати, в личных апартаментах Елисейского дворца, в полной уверенности, что все хорошо. Для него эта ночь будет короткой: он дождется результатов. Я не слышу, как он ложится в постель рядом со мной.

Наутро он уходит очень рано. Мы едва успеваем вместе послушать радио. Я задерживаюсь, чтобы привести себя в порядок, и спускаюсь в свой кабинет немного позже. По привычке включаю айфон, чтобы узнать новости агентства Франс Пресс. И внезапно обнаруживаю сообщение с пометкой “срочно”: “Франсуа Олланд оказывает поддержку Сеголен Руаяль”.

Сообщение действует на меня как удар кинжала. Текст звучит ясно и просто:

> В округе Приморская Шаранта Сеголен Руаяль – единственный кандидат от Социалистической партии, который может рассчитывать на мою поддержку. Франсуа Олланд, президент Республики, понедельник 11 июня 2012.

Значит, он меня обманул! И к тому же нарушил одно из своих обязательств. Но почему же он честно не сказал мне об этом вчера вечером в нашем разговоре? Почему даже не попытался объяснить, что не может поступить иначе, что Сеголен Руаяль оказывает на него давление, что их дети вступились за мать? Наверно, сначала я бы разбушевалась, а потом смирилась. И поняла бы его, ведь я и сама прежде всего мать, и я знаю его как никто другой. Увы, у него не хватило смелости сказать мне все откровенно. Он дезавуировал обещание, данное публично, клятвенно подтвержденное, и поступил так из сугубо личных соображений. А мне солгал – солгал в очередной раз.

В ярости я тут же звоню Франсуа и предупреждаю, что буду голосовать за Фалорни. Меня еще прежде шокировало то, как грубо Фалорни пытались отстранить от участия в выборах, а теперь ему досталось вдвойне. Франсуа почувствовал, что зашел слишком далеко, что мое возмущение достигло предела. Он попытался загасить пламя, которое сам же и раздул.

– Подожди меня! Я уже иду, встретимся наверху.

Мы встречаемся в помещении между президентским этажом и нашей спальней; Миттеран хранил здесь свои книги и принадлежности для гольфа, супруги Саркози устроили детскую. Я же переоборудовала его в свой личный кабинет. Повесила фотографии сыновей. Расставила несколько сувениров, из тех, что хотела убрать подальше от взглядов посетителей, которых принимаю в официальном кабинете, как раз под этой комнатой. Время от времени я укрываюсь здесь, чтобы отдохнуть от гнетущей атмосферы Дворца.

Но на сей раз гнетущая атмосфера царит именно здесь. Воздух насыщен электричеством, как перед грозой, готовой обрушить на землю удары грома и первые молнии, с сухим

треском кромсающие небо. Во мне все кипит от ярости. С тех пор как мы познакомились, это самая жестокая наша ссора.

Я не понимаю его предательства: ведь ему достаточно было просто не лгать мне. Неужели нельзя было сказать честно, глядя мне прямо в глаза: “Послушай, я не могу поступить иначе из-за детей”… Это я способна понять, у меня ведь тоже есть дети. И постаралась бы, да-да, постаралась бы смириться с его решением. Он пытается меня успокоить.

И снова лжет. Уверяет, что он тут ни при чем: мол, этим делом занимался генеральный секретарь Елисейского дворца. Это уже последний удар – такая грубая неприкрытая ложь. Позже генеральный секретарь опровергнет эту нелепую выдумку: напротив, он всячески убеждал президента не поддерживать Сеголен Руаяль, не смешивать воедино частную и публичную жизнь. И он не был одинок в стремлении отговорить своего шефа от этого шага.

Но Франсуа его все-таки совершил, и это пробуждает во мне глубоко запрятанное ощущение собственного незаконного положения, которое причинило мне столько неприятностей с тех пор, как о наших отношениях было официально объявлено. Во время нашей перепалки я сообщаю Франсуа, что собираюсь выразить в Твиттере поддержку Фалорни. Он хочет помешать мне, пытается вырвать у меня мобильник. Но отказывается от своего намерения, поняв, что дело может зайти слишком далеко. Сажусь на узкую кушетку у стены и начинаю набирать свои 125 знаков.

Сознательно не употребляю слово “поддержка”, заменив его “мужеством”. Боюсь, как бы Оливье Фалорни не снял свою кандидатуру после того, как президент выразил поддержку Сеголен Руаяль. Я его знаю; накануне мы коротко переговорили по телефону, и он сказал, что опасается этого шага в пользу его соперницы. Я его успокоила: президент обещал мне, что на такое не пойдет. И теперь, в отчаянии от этого предательства, Фалорни вполне мог сдать позиции. Поэтому я стараюсь писать осторожно, с учетом обоих вариантов исхода.

Гнев мешает мне рассуждать здраво. Мой палец не дрожит, пока я набираю свой твит. И той же недрогнувшей рукой я отсылаю его своим подписчикам в Твиттере. На часах 11.56.

Желаю мужества Оливье Фалорни, который вот уже долгие годы достойно и бескорыстно борется за права своих земляков-ларошельцев.

Даже в страшном сне я не могла представить, какой взрыв вызовет это короткое сообщение. Оно распространяется мгновенно, его ретвитят, пересылают, комментируют миллионы людей, но я этого не осознаю. Ослепленная ложью президента, я в одиночку, по собственной воле, бросилась в пасть волку.

Тотчас информирую двух человек – Патриса Бьянкона и самого Оливье Фалорни, послав ему эсэмэску. Патрис тут же приходит ко мне. Уж он-то вполне оценил размеры катастрофы. Его мобильник бешено вибрирует, затем наступает очередь моего. Звонит вся пресса. Я отвечаю только агентству Франс Пресс, которое спрашивает, не взломали ли мой аккаунт, – неужели это действительно написала я сама? Я подтверждаю свое авторство. После чего отключаю мобильник, закрываюсь в квартире и отрезаю себя от внешнего мира, как делаю всякий раз при очередном землетрясении.

Тем не менее я не отменяю обед с одной издательницей, с которой общаюсь в связи с моей книжной рубрикой в “Пари-Матч”. Естественно, в первую очередь она задает вопрос о моем твите и говорит, что я даже не отдаю себе отчета в значении своего поступка. И пересказывает то, что услышала по радио в такси на пути сюда: ожесточенная полемика и полное непонимание. Все СМИ уже кричат об этом как о сенсации номер один; я превратилась в “недостойную этого звания первую леди”, которая посмела сказать свое слово в политике и, хуже того, слово, противоречащее словам президента. Теперь на меня смотрят как на разрушительницу планов Соцпартии, а главное, как на злобную бабу, желающую провала Сеголен Руаяль из ревности. В результате издательница предлагает мне договор на книгу и сулит фантастический аванс, что я с негодованием отвергаю.

Несколько часов спустя ко мне является Франсуа. Он тоже сразу понял размеры бедствия, но у него есть одно бесценное качество: никогда не зацикливаться на том, что сделано, а смотреть вперед. И думать, каким образом выйти из положения. Это единственное, чем он озабочен. У меня нет никаких соображений. Он очень сердит, сообщает, что останется в Елисейском дворце ужинать со своими детьми, а мне велит возвращаться вместе с моим сыном на улицу Коши. Без него. Я не возражаю.

На следующий день Франсуа приезжает ко мне, в нашу квартиру; он все еще зол на меня и почти не разговаривает, замкнувшись в одном из своих молчаний, которые причиняют

мне такую боль. Я ненавижу эти вечера, когда мы сидим врозь, как чужие – два одиночества. Понимает ли он, что творит?

Завтра второй тур выборов. И он, и его советники боятся негативного влияния моего твита на результаты. Комментарии всех журналистов и “великих экспертов” в области политических прогнозов единодушны: мои 125 знаков будут стоить Социалистической партии как минимум пятидесяти мест в парламенте.

Несмотря на раздражение, Франсуа сдержал слово, данное моему младшему сыну – пойти втроем поужинать в некий ресторан, который он хотел нам показать. Франсуа мог бы отменить этот поход, и я его поняла бы, Леонар тоже. Но Франсуа в течение семи лет видел, как растет мой мальчик. Он знал его с детства, и они отлично ладили. Словом, он хотел доставить ему это удовольствие и выполнил обещание. К счастью, Леонар оживляет застольную беседу, а я несколько раз ловлю потерянный взгляд Франсуа и понимаю, какую беду навлекла на его голову.

Говорю ему, что готова принести публичные извинения. Он отказывается, он больше не хочет моих выступлений. Боится, что это снова раздует пламя. Но угли еще не погасли: огонь жив и будет гореть долго. Да, мне следовало бы послушаться своей интуиции и официально извиниться.

А пока я посылаю эсэмэски с извинениями двоим из его детей. Старший, Томà, отвечает мне – правда, довольно жестко – и между строк дает понять, в чем корень проблемы: он еще не смирился с разрывом своих родителей, как и его брат и обе сестры, как большинство детей, у которых один из родителей вступил в новый брак. Да, мы попали в запутанную семейную передрягу.

На следующий день мы с Франсуа отправляемся на выставку живописи, расположенную в двух шагах от Елисейского дворца. Разумеется, без всяких объяснений между нами. Он держится отчужденно. До понедельника я редко вижу его, он проводит почти все время в Елисейском дворце. А когда мы остаемся наедине, говорит только о моем “отрицательном имидже”. Боится, как бы он не бросил тень на него самого. Думает только о себе.

– А как же я? Ты вспомни, каков был твой имидж, когда я тебя полюбила. Если бы я руководствовалась твоей тогдашней “популярностью”, я бы никогда не влюбилась в тебя.

В 2005–2006 годах его рейтинг был настолько низок, что даже не учитывался аналитическими центрами. В день второго

тура меня в Елисейский дворец не пригласили, но я даже не ропщу. Сижу одна на улице Коши. Мы обмениваемся эсэмэсками, когда он получает первые данные по голосованию. И по его тону я чувствую, что он слегка повеселел. Результаты оказались лучше, чем ожидалось еще до моего твита. Мой проступок никак не повлиял на рейтинг Социалистической партии. Сеголен Руаяль не избрана; впрочем, ее низкий результат в первом туре и не давал ей никаких шансов. Как и на президентских выборах 2007-го.

Несмотря на прекрасные общие результаты президентской партии, я не получаю особой поддержки в последующие дни. Победа СП была ожидаемой, и мой твит скорее пощекотал нервы прессе, чем вызвал настоящую бурю. Судя по газетам, Сеголен Руаяль – жертва низкой интриги, а не злосчастной перестановки кандидатов. В глазах СМИ и общественности в ее провале виновата я – виновата в том, что вмешалась в политику из личной неприязни, виновата в разногласиях с президентом, с которым делю жизнь, виновата в необоснованной ревности. Похитительница мужей, разрушительница семей, злобная, мстительная, истеричная баба. Ну и так далее. Я снова прошу у Франсуа разрешения публично извиниться. В ответ – отказ.

Пытаюсь укрыться от этого вселенского осуждения. Рву все связи. Изолирую себя от внешнего мира. Иногда мне приходят послания с советом: “Главное, не читай эту статью!”, и от этого мне еще тяжелее. Либо я следую совету и тогда воображаю самое худшее. Либо все-таки читаю, и это приводит меня в шок. Вдобавок приходится выслушивать нотации от высших лиц государства и руководителей СП.

Они соревнуются в жестокости формулировок в мой адрес – премьер-министр, самый перспективный кандидат в председатели Национального собрания, первый секретарь партии и даже давний близкий друг Франсуа… всех уж и не упомню. Мне знакомы политические игры. Я пятнадцать лет проработала журналисткой в этой области. И знаю, что ни один из них не осмелился бы на это без санкции Франсуа. Позже одна из моих подруг произнесет ужасную фразу:

– Да сам Олланд и подал сигнал к травле.

Была ли я когда-нибудь так одинока? Гнев Франсуа слегка утих после второго тура, окончившегося для левых благоприятно, но он по-прежнему держался отчужденно. Не могу понять, отчего эти политические деятели с таким садистским удовольствием драматизируют ситуацию и не желают думать ни о чем другом. Каждый день кто-нибудь из них подливает масла в огонь.

Чтобы не утонуть в этом море ненависти, я все чаще укрываюсь в Версальском парке и до одури гоняю на велосипеде. В эти дни я отнюдь не уверена, что снова попаду в Елисейский дворец. Меня одолевают черные мысли, настроение хуже некуда. Но я должна держаться: сейчас двое моих сыновей сдают выпускные экзамены. Эти экзамены проходят как раз в то время, когда на их мать объявлена охота, когда все газетные киоски пестреют заголовками, один безжалостней другого. Какое же преступление я совершила? Мне инкриминируют вмешательство в личную и общественную жизнь. Это правда. Но разве я это начала? Разве Франсуа Олланд не поддержал только одного кандидата – мать своих детей? Нет, он не сделал бы этого ни для кого другого. Это он примешивает свои личные интересы к политике.

Однако своим твитом я оскорбила неприкосновенную святыню – мать. Я тоже мать, просто мои дети – не родные дети президента. Но это не считается. Пройдет несколько месяцев, и один политолог даст мне совет: покажите народу своих детей! Он объяснит мне мой промах: французы никогда не видели меня вместе с ними. “Несколько умело поданных семейных фотографий, – говорит он, – смогут склонить в вашу пользу общественное мнение, и образ матери семейства затмит образ любовницы в худшем смысле этого слова”. Разумеется, я отвергну эту комедию и не стану использовать своих детей для улучшения собственного имиджа.

Но, несмотря на всеобщее осуждение, некоторые женщины из правительства встали на мою защиту. Их поддержка тронула меня до глубины души. Одна из них, Ямина Бенгиги, даже сообщила мне, что в предместьях я стала символом свободы. Молодые девушки одобряют меня за то, что я отринула “закон послушания”. Для меня это неожиданность, но когда я наконец осмелилась выйти на улицу, то и в самом деле смогла убедиться в симпатии и поддержке, которую мне выражали многие девушки и женщины разной этнической принадлежности.

Через два-три дня после “скандала” у меня был запланирован обед с Наджат Валло-Белькасем, министром по правам женщин. Я была уверена, что она отменит нашу встречу из дружеских чувств к Сеголен Руаяль. Но нет, приглашение осталось в силе. И за это я опять-таки ей благодарна. Естественно, в начале беседы сразу всплывает вопрос о твите. Я выражаю свои сожаления. Но ее интересует совсем не это:

– Меня поразило твое медийное влияние. И вот я подумала,

что мы могли бы замечательно сотрудничать в некоторых акциях.

Я недоумеваю. Прекрасно обошлась бы без этого “медийного влияния”, без обложек таблоидов, которые изображают меня злобной ревнивой ведьмой. Но в то же время я тронута тем, как храбро она демонстрирует солидарность со мной.

– Какие акции ты имеешь в виду?

– Ну, мы могли бы, например, ночью пойти вместе на встречу с проститутками в Булонский лес.

Услышав это, я обомлела. Мне известно, что она намерена бороться с проституцией, это одно из многих направлений ее деятельности. Но на сей раз я струхнула:

– Знаешь, я не уверена, что это будет уместно в нынешних обстоятельствах. Мне бы подошли сейчас более пристойные занятия.

Однако ее слова о “медийном влиянии”, которое ее так поразило, запали мне в душу. Ее привлекает то, от чего я бегу с самого начала моего знакомства с Франсуа, то, от чего никак не могу избавиться.

Все еще не решаюсь отправиться в свой официальный кабинет, не хочу показываться в Елисейском дворце. Сознательно избегаю общения с советниками, кожей чувствуя их враждебность. Правда, трое из них тайком признались мне, что понимают мои мотивы, что президент был неправ, обнародовав свое коммюнике в поддержку Сеголен Руаяль. Они даже считают, что я послужила ему громоотводом. Не будь моего твита, громы и молнии прессы обрушились бы на него самого, поскольку он поддержал свою бывшую сожительницу. Некоторые авторы первых полос подчеркивают этот факт, но таких единицы.

Тогда, в июне 2012-го, врачи рекомендовали мне пройти курс лечения анксиолитиками, чтобы я смогла выдержать все нападки. Я отказалась. Никогда не прибегала к помощи антидепрессантов и не собираюсь начинать.

Конечно, тогда я воображала себя сильнее, чем на самом деле. Сегодня я думаю, что эта баталия должна была бы заставить меня сделать паузу. Позаботиться о своем здоровье, попробовать разобраться в том, как мы угодили в эти тиски и как из них вырваться. Но теперь я осталась одна, наедине со своими мыслями.

В выходные дни, во время моих многокилометровых велопробегов вокруг виллы “Ла-Лантерн”, я “размышляю о том, что меня толкнуло на эту ошибку в сто двадцать пять знаков. Во-первых, моя преданность Оливье Фалорни и возмущение двойной

несправедливостью в отношении него. Но главное – невозможная политическая ситуация, которая неминуемо сложилась бы в результате избрания Сеголен Руаяль. Он, Франсуа Олланд, – в Елисейском дворце; она – председатель Национального собрания. Каждый на своем троне. Семья, разбитая по воле мужа, но склеенная властью, когда одна руководит Национальным собранием, принимающим законы, а другой проводит эти законы в жизнь. А где же было бы тогда мое место? Его и так трудно определить! Бомбу, которая взорвется у вас под ногами, без причины не бросают. Неловкость оправдывает далеко не всё.

Не могу узнать себя в том образе, который мне приписывают с начала этой истории. Я выгляжу женщиной, разрушившей “легендарную пару в политике”. Когда мы с Франсуа Олландом вступили в близкие отношения – девять лет назад! – у меня тоже был муж Дени, которого я любила, и трое маленьких детей.

У нас было все, что нужно для счастья – мирная семейная жизнь, большой дом в предместье, веселый пес (который умер, когда я писала эти строки). В газете мне предоставили свободные среды[11], чтобы я могла проводить больше времени со своими мальчиками. И я, которая не хотела повторять жизнь своей матери, в те времена пыталась подражать ей.

По средам я пекла к полднику блины или вафли. Мы гуляли в лесу: дети были еще в том возрасте, когда строят шалаши. Я обожала бегать по цветочным магазинам в поисках новых сортов для посадки. Мне нравилось копаться в земле, обрезать кусты. Я нетерпеливо ждала, когда придет весна, когда расцветет сирень, когда вишни наденут свой белый наряд. Как же я любила все это!

Я долго, очень долго сопротивлялась нашему взаимному притяжению. Но Франсуа был настойчив, и это он превратил нашу любовную дружбу в любовную страсть. Однако в конечном счете заплатить за эти отношения пришлось мне. Я рассталась с политической журналистикой. И теперь в глазах окружающих выгляжу коварной совратительницей, разрушившей и свой и чужой брак.

Нелегко переналаживать свою жизнь с мужчиной, у которого есть прошлое. Эта сложная ситуация знакома миллионам женщин, матерей семейств, где отца сменяет чужой человек. Однако присутствие Сеголен Руаяль в политическом пейзаже сделало эту ситуацию еще более тягостной для Франсуа и для меня.

Я понимаю, до какой степени это было трудно и для нее. На президентских выборах более шестнадцати миллионов французов

дважды, с разрывом в пять лет, опускали в урны бюллетени за левых: в первый раз в 2007 году с ее именем, во второй в 2012-м с именем Франсуа. Это нештатная ситуация, уникальная в анналах политики. По крайней мере, до сегодняшнего дня: она может повториться, только если Хилари Клинтон выйдет на президентские выборы.

Мне вспоминается прогулка в саду Елисейского дворца, когда мы с Франсуа обсуждали кандидатуру Хилари.

– Вот была бы нелепица, если бы она стала кандидатом в президенты после своего мужа! – сказал он мне.

Я ошарашена:

– Хочу тебе напомнить, что ты был в том же положении после Сеголен Руаяль и что вы даже были соперниками на праймериз!

Но по убеждению Франсуа Олланда все, что дозволено ей и ему, не дозволяется никому другому. Он постоянно пребывает в этом убеждении.

Фактически в подсознании Франсуа и, конечно, также в моем пара – это она и он. Мать его детей – его официальная жена. А я – незаконная. И однако я люблю его так, как никогда никого не любила.

Ради него я пожертвовала очень многим. В прессе как-то появилась его фраза о том, что я – “женщина его мечты”:

Мне необыкновенно повезло в личной жизни, я встретил женщину моей мечты. Такой шанс можно и упустить. Но я его не упустил. Вот уже много лет я делю свою жизнь с Валери Триервейлер, и в этом мое великое счастье.

Увы, несколько позже он публично выразил сожаление по поводу слов “женщина моей мечты”, чтобы угодить детям и, возможно, общественному мнению. Какое разочарование… Так кто же я для него?

Мы много раз обсуждали это ощущение “незаконности” нашего брака. Он не видел в ней проблемы, поскольку мы жили вместе и любили друг друга. Как-то я развесила на стене нашей кухни фотографии, где мы с моим бывшим мужем на отдыхе обнимаемся со счастливыми улыбками. Франсуа был шокирован. В тот день он понял, как неприятно мне было смотреть на постоянную фотоэкспозицию его прежней жизни с Сеголен Руаяль и как я нуждаюсь в его поддержке и признании. Но это длилось недолго.

В “день твита” взорвались все годы моего страдания. Я

привела в действие детонатор, и одна несу за это ответственность. Но это была бомба замедленного действия, изготовленная Франсуа Олландом и Сеголен Руаяль, бомба, начиненная их непрестанной игрой в “частное-публичное”, с семейными фотографиями и двусмысленными заявлениями.

Они то боролись между собой, то использовали друг друга как ступеньку к успеху. В 1997 году, после победы левой коалиции на досрочных парламентских выборах[12], Франсуа долго осаждал премьер-министра просьбами включить Сеголен Руаяль в состав правительства. Сам Франсуа тогда возглавил СП. И очень хотел чем-то занять Сеголен Руаяль, чтобы беспрепятственно пользоваться своей свободой. В конце концов премьер-министр уступил.

Семнадцать лет спустя Сеголен Руаяль снова вошла в состав правительства по воле Франсуа Олланда. Эта политическая игра между ними не имеет конца, она похожа на лабиринт, в котором я безнадежно заблудилась.

* * *

Прошло два месяца после нашего разрыва, и в марте 2014-го я еду голосовать на муниципальных выборах в окрестности Лиль-Адана. Это в сорока километрах от Парижа, там, где я жила со своей семьей – той, которая была до встречи с Франсуа. У меня щемит сердце, когда я ставлю машину перед своим прежним домом, где до сих пор живет мой бывший муж.

Прохожу мимо начальной школы своих детей. Эта маленькая школа, которая работает по старинке, принимая всего семьдесят учеников в три класса, расположена на деревенской площади, перед церковью XII века. Все мои дети учились в ней. Воспоминания поднимаются волной, захлестывают меня. Я снова вижу трех своих мальчиков совсем маленькими и такими красивыми, утром, во время панических сборов в школу. Мы жили так близко от церкви, что слышали колокольный звон! И в этот момент вдруг оказывалось, что нужно срочно разыскать пару обуви, пальто или тетрадку. И потребовать поцелуя от мамы, на весь день. Проводив их, мы с бывшим мужем и собакой шли на прогулку в поле.

Меня охватывает ностальгия. Сейчас мои мальчишки уже почти взрослые мужчины. Избирательный участок находится в “Доме мечты”, их бывшей столовой. Когда я выхожу оттуда, меня мало волнует рейтинг Социалистической партии – я размышляю о том, что сделала из своей жизни. Минуту назад я отдала голос за левых, но теперь думаю о своей семье, о замечательном муже и чудесных мальчиках, которых бросила семь лет назад, ради Франсуа. Тогда никто в него не верил, а я и не мечтала, даже втайне, попасть в Елисейский дворец. Мы с ним никогда не говорили о том, что в будущем он сможет стать кандидатом в президенты. Между нами не было ничего, кроме любви.

И ради чего все эти жертвы? Неужели ради того, чтобы быть выброшенной, как использованный бумажный платок, в один миг, сообщением из восемнадцати слов?! Неужели я ошиблась в выборе? Все эти вопросы теснятся у меня в голове, пока я направляюсь в поле – погулять и поразмыслить, как в те давние времена. Но начавшийся холодный дождь заставляет меня торопливо повернуть назад. Повернуть назад… Ах, как бы я хотела сейчас повернуть назад, чтобы этих последних лет не было в моей жизни!

Но можно ли снова не вспомнить мои первые годы с Франсуа

– наши первые годы страсти?! Той, что затмевает все остальное. Той, что приходит лишь раз в жизни. Не вспомнить о том, что было “до начала всех начал”, как мы это называли. Все те годы, когда я работала для СП как политический обозреватель. Сперва в журнале “Профессия: политика”, где я дебютировала в команде из десятка молодых журналистов.

Я и не мечтала об этой профессии – она казалась мне совершенно недостижимой. И когда, двадцать шесть лет тому назад, мне представился такой шанс, благодаря невероятному стечению обстоятельств, я была счастлива – я отыскала свою чашу Грааля.

В год получения ДЕСС[13] в области политической и социальной журналистики в Сорбонне я оказалась в числе приглашенных на серию вечеров, посвященных президентским выборам 1988 года. И вот, переходя с одного мероприятия на другое, я попадаю в Дом Латинской Америки, где Франсуа Миттеран празднует свою победу. Заметив меня в зале, он здоровается и спрашивает:

– Мы ведь, кажется, знакомы?

Да нет, конечно нет, как я могу быть знакома с президентом?! Мне всего двадцать три года, я приехала из провинции пять лет назад, чтобы учиться в Париже и не расставаться со своим первым возлюбленным, но я не знаю никого из ВИПов, не то что президента…

Однако эта короткая фраза не проходит мимо ушей некоего инвестора, вложившего средства в журнал “Профессия: политика”, который должен впервые выйти через три месяца.

– Сходите к ним, представьтесь, они ищут молодежь, – говорит он мне.

Итак, на дворе стоит май, и через месяц кончается мой последний учебный год. В области массмедиа у меня есть кое-какие виды на работу, но я занимаюсь своим трудоустройством без особого усердия. Мне жаль заканчивать учебу, я люблю студенческую жизнь. И все же звоню в редакцию журнала “Профессия: политика”, почти уверенная, что у меня мало шансов быть принятой.

Мне кажется, что для этого у меня неподходящий характер: я отнюдь не Растиньяк в юбке. Как многие люди, я не уверена в себе, боюсь пресловутого “потолка возможностей”. Но на этот раз меня словно толкает вперед какая-то неведомая сила. Я прохожу одно собеседование, потом второе. И чудо свершается: моя кандидатура одобрена. Первого августа я должна начать работать в журнале “Профессия: политика”.

Но тут возникает проблема: вот уже пять лет я ежегодно

работаю все лето в бутике “Библос”, торгующем этническими украшениями и расположенном в Вандее, в курортном местечке Сен-Жиль-Круа-де-Ви. Там я всегда проводила летние каникулы с родителями, сестрами и братьями. Сначала родители снимали маленький домик на июнь – в этом месяце цены были еще довольно низкими, хотя в результате мы пропускали целый месяц школьных занятий. Потом, когда мы немного подросли, наша семья перебиралась туда на лето в кемпинг. Со временем родители подсобрали денег на подержанный трейлер, и мы уже останавливались не в кемпинге, а на участке без всяких удобств, который местная фермерша сдавала двум-трем приезжим семьям. Летняя сезонная работа в этом бутике, плюс к государственной стипендии и другим мелким приработкам, позволяла мне учиться в Сорбонне.

Я жила одна с восемнадцати лет. Родители позволили мне покинуть отчий дом с одним условием: чтобы я сама себя обеспечивала. Да и как иначе – они ведь не могли помогать мне материально, и мне никогда не пришло бы в голову просить их о чем бы то ни было. Я до сих пор вспоминаю, как плакала мать, провожая меня в столицу, “в дальние края”.

Вот почему пятью годами позже мне пришлось позвонить хозяевам бутика и сообщить им, что у меня будет “настоящая” работа с первого августа, но что я готова отработать у них весь июль. Они согласились, довольные и гордые мной. За эти годы мы стали близкими друзьями, почти родственниками. Я многим обязана им. И никогда не теряла их из виду: они даже приезжали ко мне в Елисейский дворец, слегка робея перед женщиной, которая тридцать лет назад работала у них продавщицей.

Чем ближе август, тем тревожнее у меня на душе. Способна ли я стать настоящей журналисткой? Нет, я никогда не смогу быть на высоте. Политика интересует меня, но ведь я в ней полный профан. Команда еще не совсем в сборе, редакции пока пустуют. Мы сами втаскиваем в помещение письменные столы, закупленные в IKEA. Я должна овладеть компьютером, ведь прежде у меня его никогда не было. Но я быстро осваиваю его. Мы можем начинать делать “нулевой” номер. За ним следует номер первый, этот уже выйдет в свет. Мне повезло раздобыть сенсационную новость – секретный проект единых дней голосования, подготовленный тогдашним министром внутренних дел. Этот сюжет становится новостью номер один нашего первого выпуска. Главный редактор поздравляет меня.

– Да мне просто повезло, – говорю я.

– Хороший журналист – тот журналист, которому везет, в

нашем деле главное – удача.

Никогда не забуду эти слова, как и второе его изречение, навсегда запечатлевшееся в моей памяти:

– Не забывайте, что вы существуете только в журнале, а не сами по себе.

И вот я получаю задание следить за событиями в Елисейском дворце, частично в правительстве и в Социалистической партии – ни больше ни меньше! Мне заказывают статью о возрождении старых течений в Соцпартии. Я растерянно смотрю на редактора и наивно спрашиваю:

– А это что такое – течения?

Главный безнадежно качает головой:

– Господи, и зачем я только вас взял?!

Я сознаю, что моя эрудиция сильно хромает. Я ведь не кончала Школу политических наук и ничегошеньки не знаю. Мне не хватает политической культуры, да и общей тоже. Мне неведомы законы этого мира. В свои двадцать три года я ни разу не летала на самолете. И когда я призналась в этом директору управления гражданской авиацией, о котором должна была написать в журнал, он предложил мне воздушное крещение. Единственная зарубежная страна, в которой я побывала, это Германия, куда я ездила по языковому обмену. Я никогда не видела Средиземное море. В детстве я ходила в театр всего один раз, и то на популярную музыкальную комедию. Да и в кино бывала очень редко. Парижское окружение кажется мне таким чужим. И когда директор журнала говорит мне, что для успеха нужно принимать приглашения на “ужин в городе”, я просто не понимаю, что он имеет в виду. Для такой провинциалки, как я, ужин в городе означает поездку на автобусе в центр города. И вовсе не для ужина, мы никогда не ходили в рестораны.

Но я принимаюсь за работу. Пытаюсь разобраться в политических течениях, надводных и подводных – шевенманистов, моруаистов, поперенистов, фабиусистов, жоспенистов[14] и… независимых. Один из лидеров этих последних – Франсуа Олланд. Он и его друзья близки к Жаку Делору[15], они открыты и готовы к борьбе с традициями. Чувствую, что мне политически близка именно эта команда.

У меня еще сохранилось несколько экземпляров их журнала *Témoin,* “Свидетель”. А еще в моей библиотеке есть первая книга Франсуа Олланда “Час выбора”, написанная в соавторстве с Пьером Московиси[16]. Она была опубликована в 1991 году, и он преподнес мне ее с дарственной надписью: “Валери Массонно

(моя девичья фамилия), которая после чтения этой книги превратится из грозной специалистки по политическим интригам в большого знатока экономики”.

Мы знакомы с Франсуа Олландом с 1988 года. То есть он появился в моей жизни двадцать шесть лет тому назад. У меня не осталось воспоминаний о нашем первом обеде. А вот он его запомнил и потом часто упрекал меня за то, что я забыла этот знаменательный день. Это было в ресторане Национального собрания.

Гораздо яснее я помню встречи в бретонском городке Лорьян, организуемые независимыми. Это дни анализа ситуации, дискуссий; каждое лето они проходят в присутствии Жака Делора, в некоторые годы под дождем – Бретань есть Бретань! – но все равно неизменно весело. Эту веселую обстановку создает Франсуа, как и всюду, где бы он ни оказался. Присутствуют и журналисты, но их не слишком много. В конце дня мы, все вместе, отправляемся куда-нибудь выпить по рюмочке. Мне нравится общаться с Франсуа. Он любит журналистов, и я довольно скоро становлюсь его любимицей среди них.

В 1989 году журнал “Профессия: политика” меняет владельца, и новый хозяин назначает нового главного редактора. Моя “личность” ему тоже не нравится, и меня почти сразу же выставляют за дверь. Он принимает меня за девицу из почтенной буржуазной семьи.

Я использую это увольнение и выходное пособие, чтобы поехать на месяц в США с человеком, который был моей первой любовью и станет моим первым мужем, его зовут Франк. Мне давно пора открыть для себя мир, и у меня есть перспективы. Несколько месяцев назад я познакомилась с дамой – главным редактором “Пари-Матч” на новогоднем приеме для прессы в Елисейском дворце. В тот день один мой коллега, старый журналистский волк, шепнул мне:

– Не уходи далеко, после церемонии Миттеран примет в малом салоне человек пятнадцать наших. Я тебя возьму с собой.

Таким образом я очутилась среди репортерской элиты, благоговейно внимавшей президенту. Когда я выхожу из салона в группе этих избранных, меня перехватывает та самая дама из “Пари-Матч”, и мы знакомимся. Мне всего двадцать четыре года, и вот Франсуа Миттеран уже второй раз изменяет мою судьбу! Могла ли я тогда представить себе, что в один прекрасный день окажусь рядом с другим президентом и буду шествовать с ним рука об руку по красной дорожке, расстеленной в парадном дворе

Елисейского дворца по случаю его инаугурации?!

Я даже пыталась потом разыскать тот памятный мне салон, примыкавший к парадному залу. Но не уверена, что нашла именно его – все-таки с тех пор пролетело двадцать пять лет. Четверть века! Годы промелькнули как молния. За это время я дважды вышла замуж. Дважды развелась. И родила троих сыновей – мою наипервейшую заботу, мою самую прекрасную удачу, которая мне дороже всего на свете.

В “Пари-Матч” я вхожу в 1989 году постепенно, “на цыпочках”. Сначала работаю внештатно, на сдельной оплате, в редакцию меня пока не допускают. Для новой политической рубрики им нужна молодая женщина-репортер для работы “на месте событий”. И поскольку у меня есть некоторые контакты с левыми, меня, естественно, ориентируют именно на Социалистическую партию. Кроме того, я, можно сказать, вхожа в Елисейский дворец, а это не часто бывает с молодыми журналистками.

Старейшие работники “Пари-Матч”, занимающиеся вопросами политики, не очень-то приветливо встречают меня. Проходит полгода, и легендарный руководитель журнала, Роже Терон, берет меня в штат на самую низкую должность. Но и этого достаточно, чтобы вызвать зависть сотрудников и самые фантастические сплетни о многочисленных покровителях, коим я обязана своим назначением. Я обнаруживаю – уже тогда! – какие слухи ходят обо мне в кулуарах. И кожей чувствую неприязнь коллег.

Я не была лично знакома с Роже Тероном, знаменитым шефом “Пари-Матч”. И познакомились мы несколькими месяцами позже при весьма неприятных обстоятельствах. Не имея официального договора с журналом, я числилась в нем, что называется, “постоянной внештатницей”. То есть регулярно посылала в редакцию статьи, которые журнал печатал – или не печатал. Одна из них пришлась не по вкусу знаменитому бизнесмену Бернару Тапи. Однажды группа молодых выпускников ЭНА[17] пригласила меня в “клуб Мендеса-Франса” на один из их ужинов-диспутов. Почетным гостем оказался Бернар Тапи. Когда я прихожу с пятиминутным опозданием, все уже сидят за столом. И гость номер один, тогдашний владелец марсельского футбольного клуба “Олимпик”, приветствует меня такими словами:

– Только не говорите мне, что она тоже из ЭНА, с такой-то мордашкой.

Я готова провалиться сквозь землю: в те времена я еще была робкой. Меня представляют ему как журналистку, я держу в руке свой блокнотик для записей. Но Бернара Тапи этим не запугаешь:

– Нет проблем! Со мной все всегда ясно, я отвечаю за свои слова.

За столом наш политический деятель разглагольствует об ответственности Миттерана за подъем Национального фронта, выражает свое презрение к тем или иным министрам, “которым он и не думает завидовать, поскольку владеет особняком, куда больше их министерства!”, и так далее. Это просто “бенефис Тапи”, с его категоричными формулировками и хвастливыми заявлениями. Я отсылаю в “Пари-Матч” материал, который тут же принимают. После его публикации Бернар Тапи звонит Роже Терону и заявляет, что я… все это выдумала. Начальница вызывает меня “на ковер” и спрашивает, была ли я вообще на этом ужине. Я оправдываюсь, показываю ей свой блокнот с записями. Но это ее не убеждает.

Процесс пошел: меня вызывают к “самому” Роже. В лицее мне ни разу не довелось побывать в кабинете директора, но сейчас я кажусь себе школьницей, которую собираются наказать за плохое поведение. Я уже начинаю сомневаться в самой себе. Сообщаю выпускникам ЭНА о реакции Бернара Тапи. Они возмущены: ведь они прочитали мою статью и признают, что в ней все верно, от слова до слова. Это меня успокаивает перед встречей с шефом.

Робко вхожу в его кабинет. Он держится величественно, говорит медленно и раздельно. Я едва осмеливаюсь открыть рот.

– Мне сказали, что я могу вам доверять, но я вас не знаю. Надеюсь, вы сможете найти подтверждение всему тому, что вы вложили в уста Бернара Тапи.

Это мое первое боевое крещение в журналистике. И снова мне необычайно везет: в тот вечер дебаты были записаны на пленку. Двое руководителей этого “политического клуба” готовы поддержать меня и предоставить кассету с записью Роже Терону. Через несколько дней их вызывают в редакцию журнала. Они приносят с собой кассету, но шеф “Пари-Матч” ограничивается тем, что смотрит на нее и даже не прослушивает запись. Теперь он убедился, что меня есть кому поддержать и что я ответственно отношусь к своей работе.

Бернар Тапи и не подумал объясниться, он предпочел добиваться моего увольнения. Случилось иначе: именно его неудачные происки привели к тому, что меня взяли в штат “Пари-Матч”!

Помню, впоследствии я рассказала эту историю Франсуа Олланду, который и без того не доверял Тапи. В то время мы с ним часто встречались в Национальном собрании, в знаменитом зале с четырьмя колоннами. Он относился к тем депутатам, которые привлекали журналистов, умея, как никто другой, схватить и выразить самую суть, соль политической обстановки. Он мыслил как журналист и мог заставить вас изменить тон или смысл статьи так, что вы и сами того не замечали.

Проходят годы, и мы все больше сближаемся на профессиональной почве. В начале 1993 года я несколько месяцев не работала – это был мой первый декретный отпуск, ибо я встретила в “Пари-Матч” того, кто стал через два года моим мужем. Это Дени Триервейлер, редактор, переводчик и специалист по немецкой философии. Очень красив, очень умен, но мрачноват. Он происходит из еще более бедной семьи, чем моя. В отличие от меня, он сумел овладеть той изысканной культурой, которой мне так не хватало. Но живет замкнуто, в тесном мирке своих книг, своей философии и своего поиска знаний. Еще до того, как мы сошлись, я мечтала о том, чтобы он стал отцом моих детей. И он лелеял ту же мечту. Он хотел создать семью, для него это было естественным продолжением нашей близости.

Мой сын родился в январе, и я вновь приступила к работе прямо в штаб-квартире Социалистической партии, на улице Сольферино: 21 марта там проходила “ночь выборов” – выборов в Национальное собрание. Вечером того дня социалисты узнали о своем сокрушительном поражении. Атмосфера похоронная. И я спрашиваю себя: что я делаю в этой мрачной обстановке, когда дома меня ждет ребенок, которому нет еще и трех месяцев.

Как и большинство депутатов-социалистов, Франсуа Олланд сметен синей волной[18]. Он сильно подавлен. Через какое-то время мы с ним обедаем вдвоем в ресторане “Ферма Сен-Симона”. Он открывает мне душу, поверяет свои мысли о будущем. Политика у него в крови, но этот провал его потряс. Он прикидывает, не бросить ли ему Коррез: этот избирательный округ слишком сложен для левых, ведь он находится в самом сердце региона, преданного Шираку, – так, может, сменить его на какой-то другой?

В тот день он поразил меня своей откровенностью. Вопреки обычному своему поведению, не блистал ни веселостью, ни

юмором. Хорошо помню его потерянный взгляд. В жизни политического журналиста это редкость – такое искреннее, доверительное общение. Но в наших отношениях нет никакой двусмысленности. До сих пор Франсуа Олланд ни словом, ни делом не выказывал сомнительных намерений на мой счет, в отличие от многих других политических деятелей.

Итак, в законодательных органах остаются всего пятьдесят два депутата-социалиста, слишком мало, чтобы занять меня на полный рабочий день. И дирекция “Пари-Матч” просит меня уделить побольше внимания правительству Эдуара Балладюра. Таким образом я знакомлюсь со всеми деятелями правого сектора. Мой блокнот распухает от новых адресов. И мы с Франсуа Олландом на какое-то время теряем друг друга из виду.

В то время я решила родить второго ребенка. Люблю такие перерывы в работе, такие вехи в жизни женщины-матери; каждый раз это переживается как впервые. Мой старший сын родился в самый разгар выборов в Национальное собрание, второй – в разгар европейского голосования 1994 года! Для журналистки-политобозревательницы я выбрала не самое удачное время рожать, но мне это безразлично. Как бы я ни любила свою профессию, мои материнские чувства гораздо сильнее. И еще через два года я снова забеременела.

У меня много братьев и сестер, погодков: ведь мои родители произвели на свет шестерых детей за четыре с половиной года. Да-да, всего за четыре с половиной! Две девочки-двойняшки и еще по ребенку в год. Но главный подвиг даже не в этом. Моя мать разрешилась шестым ребенком через пять дней после… своего двадцатилетия.

Я смотрю на черно-белые фотографии моей матери, такой молодой, в окружении ее выводка, с младшим на руках, – трогательное зрелище! Она такая красивая, и ни у кого не было лучшей матери, чем у нас. Она всегда все брала на себя, и в этом я стараюсь ей подражать.

Машины у нас не было, и она ездила за продуктами на велосипеде, а накормить нужно было девять человек: с нами жила моя бабушка с материнской стороны. И в школу она тоже возила нас на велосипеде – сразу по трое. При этом ей еще приходилось ухаживать за моим отцом-инвалидом, человеком с трудным характером. У него не было ноги, он потерял ее в возрасте двенадцати лет, в 1944 году, когда его ранило осколком мины. Мы, конечно, с рождения видели отца на деревянной ноге, прямо вылитый Джон Сильвер. Для нас он не был просто инвалидом –

он не переносил этого слова. У него было более почетное звание – тяжелый инвалид войны. Помню, одна из моих подружек в начальной школе сказала мне:

– Если бы у меня был такой отец, как у тебя, я бы плакала с утра до ночи.

Я удивилась, я ее не поняла: с чего это я должна плакать?

Мой отец умер в 1986 году, так и не рассказав нам о том, как его постигло это несчастье. Но во время президентской кампании Франсуа одному из журналистов “Уэст-Франс” попалась на глаза статья о том трагическом дне. Какой-то водитель нашел на обочине дороги трех мальчиков. Один из них был мертв, двое других ранены. Мой отец был без сознания. Его удалось спасти, однако ногу пришлось отнять. Там же, в придорожной канаве, он, видимо, оставил и свою жизнерадостность. В тот день, когда я прочитала эту совсем коротенькую заметку, я поняла, какую трагедию пережил мой отец. Вот тогда-то я и заплакала, сидя в одиночестве и думая о том, что ему пришлось вынести.

В школе, когда нас просили указать профессию родителей, мы писали в клеточке “отец” аббревиатуру ИВ (инвалид войны), а в клеточке “мать” – БП (без профессии). Этим мы отличались от других детей. Наши родители не работали, они все время находились дома. И мы даже мечтать не могли о том, чтобы пошататься где-нибудь после уроков. Нам давали не очень-то много свободы.

Едва вернувшись домой и съев полдник, состоявший из хлеба с джемом или пастой *Nutella*, мы рассаживались вокруг стола в комнате, которую именовали “общей залой”. И делали уроки, а мать тем временем вязала, сидя во главе стола, и в любой момент могла заставить любого из нас рассказать наизусть стихотворение или проверить, как выучена таблица умножения.

Сама она всего лишь кончила среднюю школу, но выпускных экзаменов не сдавала и поэтому следила за нами в меру своих возможностей. Я восхищалась ею, но твердо решила не повторять ее судьбу. Она была рабой всего нашего семейства и не могла уделить себе ни минуты. А часто переносила такое, что даже представить трудно.

Но она обладала невероятной жизнестойкостью и стремлением к свободе. Так, например, она тайком от отца научилась водить машину и сдала экзамен на права. Мы были в курсе, поскольку должны были прикрывать ее отсутствие дома. И когда она получила права, отец не только согласился, чтобы она

его возила, – они купили подержанный семейный “пежо-404” с тремя рядами сидений. Малыши усаживались сзади, а самый мелкий – в середине салона. И начались наши воскресные прогулки, в том числе посещения замков, куда мы могли входить бесплатно по карте “многодетной семьи”.

Мать совершила еще один знаменательный поступок, все так же втайне от отца: она стала искать работу. Это было в 1982 году. Мне уже исполнилось семнадцать лет. Она узнала, что в Анже требуется кассирша на катке, и получила это место. Отец плохо воспринял этот порыв к независимости, хотя время от времени мать работала по субботам на рынке, помогая одному из моих дядьев торговать цветами. Я ужасно любила бегать к ней туда и помогать заворачивать букеты. Но в данном случае речь шла о работе со сложным расписанием, с полной занятостью даже по выходным, а в некоторые вечера и допоздна. И вот ее жизнь, как у многих наших женщин, стала беготней наперегонки со временем. А ведь у нее было шестеро детей и муж-инвалид, которого возраст и болезни делали все более и более деспотичным. Она вбегала в дом и начинала судорожно готовить обед, который даже не успевала разделить с нами. Только присаживалась на пять минут и торопливо съедала что-нибудь готовое прямо из пластиковой коробочки. Я и три мои сестры помогали ей по хозяйству. А двух наших братьев отец освободил от домашней работы, позволяя разве что выносить мусор на помойку.

Школьные успехи мальчиков отец считал более важными, чем наши. Моя мать убедила меня не повторять этот сценарий, отказаться от такого взгляда на второстепенную роль женщины. Учась в коллеже, я одновременно работала утром по воскресеньям в магазинчике “Всё на свете”. Там я получала 50 франков за четыре часа работы и на собранные деньги смогла купить себе свободу, приобретя подержанный мопед.

В лицее я тоже сочетала занятия со случайными приработками. В выпускном классе я работала в качестве хостес во Дворце конгрессов. Облаченная в темно-синий с белым форменный костюм, я рассаживала в зале людей, которым повезло “попасть на спектакль”. Да и сама пользовалась случаем посмотреть его.

Несправедливость… ее я испытала на себе слишком рано, когда одна из моих школьных подруг призналась, что родители не разрешили ей приглашать меня домой: я, видите ли, не живу в “хорошем” районе города. Да, я не годилась ей в подруги, во всяком случае в плане общественного положения. Я была лучшей ученицей в классе, но мой социальный статус оставлял желать лучшего. Я очень тяжело пережила эту историю, воспоминание о

ней мучило меня всю жизнь. Мне ненавистны любые формы расизма, но люди слишком часто забывают о губительных последствиях социального расизма.

Дождавшись результатов выпускных экзаменов, я в тот же день покинула Анже, его северное предместье и свою семью. На следующий же день я записалась на истфак в университете Нантера[19]. Так я переходила от провинциального уклада к парижскому, от лицея в здании, считавшемся историческим памятником, к этому факультету на западной окраине столицы – очагу майской революции 1968 года; от жизни в лоне семьи к вольной жизни с возлюбленным, в каморке под крышей. Мой отец умер два года спустя.

Франсуа Олланд узнал всю эту историю довольно рано. Есть у него такое замечательное свойство – умение разговорить собеседника, тогда как на самом-то деле это я, журналистка, должна была подвигнуть его на политические признания. В те годы, когда мы общались на расстоянии, он иногда беззлобно подсмеивался надо мной, величая Золушкой. Он находил, что я отличаюсь от собратьев по перу, что я очень не уверена в себе. Я часто веду себя отчужденно, что создает мне репутацию холодной, высокомерной особы, и эта репутация прочно прилипла ко мне. В Национальном собрании или в “Пари-Матч” меня считают “буржуазкой”, что меня очень забавляет: ведь я выросла в “Монплезире” – северном квартале дешевых новостроек Анже.

Однако разница между мной и другими действительно бросалась в глаза. В Анже я одевалась совсем не так, как мои сверстники. И не хотела больше выглядеть нищей, хотела выделяться из общей массы. Мы с сестренкой долго донашивали платья старших сестер. А “воскресные наряды” состояли из колючих фланелевых брюк, которые наша бабушка выкраивала из старых отцовских!

Вот самое горькое из моих воспоминаний: как-то мне пришлось идти в начальную школу в башмаках старшего брата: мои в тот день просто развалились, и мать не нашла другого выхода. Я долго отказывалась идти в школу в таком виде, но у меня не было выбора, и я всю дорогу плакала. А на перемене осталась сидеть в углу, прикрыв ноги своим ранцем.

У входа в здание Совета министров или в “четырехколонный” зал Национального собрания я вижу своих коллег в джинсах, однако сама упорно ношу костюмы. Еще в университете я ходила в юбках и пиджаках, купленных на развалах рынка Сент-Уан. Эта

манера одеваться лишь упрочила мой имидж суровой, надменной молодой женщины. И мало кто из мужчин-журналистов осмеливался искать со мной дружбы.

Однако постепенно я завожу себе друзей по профессии. Некоторые из них используют меня как “приманку”, по их собственному выражению. Я вхожу в группу журналистов, состоящую из одних мужчин. Мы часто приглашаем на обед политиков – мужчин и женщин. Все мы только начинаем осваивать свое ремесло и поэтому объединяем силы. Один из таких обедов преподал мне урок на всю жизнь. “Наверху” меняется расстановка сил, и один из центристов клянется нам, что никогда в жизни не войдет в правительство Миттерана. Через три дня он становится министром. Я тотчас звоню ему и говорю:

– Благодарю вас за науку, теперь я буду знать, что политикам верить нельзя!

Мне следовало бы получше запомнить это.

В 1997 году Лионель Жоспен становится премьер-министром, а Франсуа Олланд – первым секретарем Социалистической партии. Мы сближаемся все больше и больше, становимся единомышленниками. Он часто смешит меня своими шутками, я восхищаюсь его умом, живостью его характера. Он мгновенно облекает мысли в слова: едва услышав вопрос, тут же выдает ясный, четкий ответ, неизменно с ноткой юмора.

Некоторые из моих коллег подшучивают над этим привилегированным знакомством. В Национальном собрании они подсаживаются ко мне поближе, в полной уверенности, что первый секретарь обязательно поделится со мной какими-нибудь сведениями. И так оно и происходит. Ему часто случается пробраться сквозь толпу депутатов, чтобы подойти к нашей маленькой группе, под многозначительными взглядами моих товарищей.

По понедельникам, когда редакция “Пари-Матч” не работает, он часто звонит мне под тем предлогом, что мне, наверно, нужна информация, хотя я и не обращалась к нему. А по субботам днем, уезжая в Коррез, он звонит оттуда ко мне домой. Он сообщает мне важные новости, но и я время от времени подбрасываю ему полезную информацию, поскольку хорошо знаю положение дел в Социалистической партии.

Проходят годы, и наша дружба становится все теснее. Как-то в один предвыборный уикенд мне поручают съездить вместе с фотографом в Коррез, куда отправляется Франсуа. В субботу

вечером он ужинает с нами. Затем ему нужно посетить танцевальный вечер пожилых людей. Он решает ехать в нашей машине, а не со своим шофером.

Мой фотограф отказывается сесть за руль: он хочет выскочить из машины с аппаратом, как только подвернется хороший кадр. Поэтому вести машину приходится мне. А я в то время водила довольно скверно. “Олланд” – так я звала его тогда, обращаясь на “вы”, – садится рядом, впереди. У меня слишком высокие каблуки, которые застревают между педалями. В мгновение ока я сбрасываю туфли и сую их ему в руки, повергнув его в полное изумление.

Прибыв на место, он приносит себя в жертву, приглашая на танец, одну за другой, наших старушек. Я со смехом гляжу на него, а он строит мне жалобные гримасы, держа в объятиях даму, которой никак не меньше восьмидесяти. И я знаю, чего ему хочется в этот момент.

Годы премьерства Жоспена (1997–2002) еще больше сближают нас. Мы без конца ведем политические разговоры. Перед моим отъездом на летние каникулы, в конце июля, мы традиционно обедаем вместе, и он делится со мной своими планами на осеннюю сессию.

В 2000 году он приглашает меня на обед в сады Дома Латинской Америки. Я убеждена, что Жан-Пьер Шевенман подаст в отставку с поста министра внутренних дел из-за разногласий с Жоспеном по поводу Корсики. Франсуа Олланд, в то время уже первый секретарь СП, в это не верит. Дальнейшие события подтвердят мою правоту меньше чем через месяц.

А пока мы болтаем обо всем на свете, смеемся. Внезапно я вижу, что к нам направляется Сеголен Руаяль, и говорю об этом Франсуа, сидящему спиной к двери ресторана. Он принимает это за шутку, пока она не садится за наш стол и не говорит ледяным тоном:

– Прошу прощения, надеюсь, я не помешала?

Франсуа буквально немеет. Поэтому отвечать приходится мне:

– Мы тут говорили о “Тур де Франс”.

– Не смейте издеваться надо мной!

– Да я не издеваюсь, это правда. И вообще, мы не делаем ничего плохого, – кажется, вы застали нас в ресторане, а не в номере отеля.

Моя невозмутимость и сбивает ее с толку, и разъяряет. Она обращается к Франсуа:

– Меня ты никогда не водишь в такие места.

Она уже повышает голос. Но только она. Франсуа по-прежнему молчит. Ему стыдно за эту сцену. Однако до настоящего скандала дело не доходит – она встает и исчезает так же внезапно, как появилась.

Франсуа только и удается, что пролепетать:

– Знаете, мне не всегда с ней легко…

– Вам бы лучше пойти и догнать ее, – говорю я.

Он благодарит и выходит. Я остаюсь одна за ресторанным столом, пораженная этой гротескной сценкой в духе “Короля Убю”[20]. Да плюс к тому счет за обед. Такой, что мне придется его оплачивать всю оставшуюся жизнь. Это вторжение Сеголен Руаяль и ее подозрения кажутся мне безумными. Но сегодня я ее хорошо понимаю. Она инстинктивно почуяла опасность, которую я сама еще не осознавала.

Близится президентская кампания. Наши встречи по-прежнему носят сугубо профессиональный характер. По крайней мере, я себя в этом убеждаю.

Он предлагает мне помощь в освещении этой кампании, а это подразумевает регулярные встречи, чтобы он мог посвящать меня в закулисные игры политиков. Я тотчас отказываюсь, чувствуя, что лучше держать некоторую дистанцию. Мне нравится его присутствие, ему нравится мое. Но наше сближение не совсем невинно, и я понимаю, что нужно соблюдать осторожность.

В течение этого периода мы видимся редко, зато часто перезваниваемся. Я пристально слежу за предвыборной кампанией Лионеля Жоспена и езжу за ним по всей Франции. За это время мне случается завести крепкую дружбу с несколькими моими собратьями по перу, среди них – Патрис Бьянкон, который позже последует за мной в Елисейский дворец. Франсуа Олланд завидует нам: мы переживаем волнующие моменты, то радостное возбуждение, что царит вокруг фаворита президентской гонки. Он тоже проводит встречи с избирателями, но его сопровождает мало журналистов. Он участвует лишь в многолюдных региональных сборищах, чьи участники будут голосовать за кандидата-социалиста; там-то я его и встречаю.

Двадцать первого апреля 2002 года Лионель Жоспен проигрывает первый тур президентских выборов. Впереди идет Жак Ширак, на втором месте – Жан-Мари Ле Пен, лидер крайних правых. Это полная катастрофа. Поздно вечером в “Ателье”, выборном штабе социалистов, царит траурное настроение.

Я тщетно пытаюсь сдержать слезы. Меня охватывает то же

отчаяние, тот же гнев, что и всех окружающих.

Наконец толпа соратников расходится. Мы, несколько журналистов, тоже выходим, чтобы выпить где-нибудь рядом. Уже первый час ночи. Франсуа Олланд разряжает атмосферу, шутит, пытаясь рассмешить всех нас. В этой трагической ситуации он, как это ему свойственно, прибегает к юмору. Юмор – его щит, его маска.

Мы вспоминаем заголовок одной из моих статей, посвященной проигравшему кандидату: “Жоспен попадет либо в Елисейский дворец, либо на остров Ре”[21]. В отличие от большинства моих коллег, я не удивилась его объявлению об уходе с политической арены сразу после поражения. Олланд восхищен моей прозорливостью. Внезапно смех затихает: появляется Сеголен Руаяль. Франсуа тотчас преображается. И уходит с ней. Но его прощальный взгляд предназначен мне и приводит меня в смятение.

Двадцать первое апреля 2002 года стало настоящим ударом как для моих друзей-журналистов, так и для членов Социалистической партии. Олланд оказывается на “переднем крае”. Он дает мне свое первое интервью, подводящее итоги этой катастрофы. Мы сидим вдвоем в его кабинете. Он придвигается ко мне. Я стараюсь незаметно отодвинуться. Позже он напомнит мне эту сцену и мое смущение.

Мы продолжаем часто общаться. Именно в этот период начинают ходить слухи о нашей связи. Но они меня не тревожат. Вокруг все знают о моей жизни, о моих детях, о том, что мой муж работает в журнале. Наши близкие отношения с Франсуа Олландом – давняя история, и в ней нет никаких изменений.

Я все еще не чувствую того магнитного поля, которое возникает между нами, когда мы остаемся наедине. А вот со стороны видно: что-то происходит. Но я слепа, я не сознаю, что влюбляюсь. Дружба с легкой примесью флирта – да, между мужчиной и женщиной это возможно. Но не более того.

Какое-то время спустя, когда я еще нахожусь в “четырех колоннах” Национального собрания, ко мне подходит Сеголен Руаяль:

– Я хотела бы с вами поговорить.

– Конечно… когда?

– В субботу.

– Нет, по субботам я не работаю, я сижу с детьми.

– Тогда в понедельник в девять часов.

Это сказано тоном, не допускающим возражений.

Наступает день назначенной встречи, и она холодно здоровается со мной в своем кабинете в Национальном собрании.

– Вам известно, для чего я хотела встретиться?

Но напрасно она старается нагнать на меня страх, мне не в чем себя упрекнуть.

– Кажется, догадываюсь.

Она вскидывается:

– Ах, значит, вы в курсе слухов?

Я отвечаю: да, в курсе, сплетни вообще всегда ходили и ходят обо всех, а особенно о политиках и журналистах, и так будет всегда, но это не причина, чтобы им верить.

Она явно удивлена моей невозмутимой уверенностью, слегка оттаивает и спрашивает, каким же образом бороться с этой лживой информацией. Я предлагаю ей организовать обед вчетвером, в людном месте – она с Франсуа Олландом и я со своим мужем. Она одобряет эту идею. Мой муж в курсе этого дела, я все ему рассказываю, мне нечего скрывать.

Назавтра я улетаю в Индию, чтобы освещать официальную трехдневную поездку Жан-Пьера Раффарена, ставшего премьер-министром. Когда я возвращаюсь, муж говорит, что ему звонила Сеголен Руаяль с просьбой о встрече. На сей раз я возмущена: она переходит все границы. Еду в редакцию и звоню ей оттуда:

– Что это за игры? Это ведь вы известная персона, а не я. И это вы берете на себя риск, подтверждая сплетни, а не я. Пожалуйста, встречайтесь с моим мужем, если вам угодно: вы получите удовольствие, он очаровательный человек.

До сих пор меня ни разу не посещала мысль о романе с Франсуа Олландом. Вмешательство Сеголен Руаяль, которая, видимо, очень боялась такого романа, как раз и сделало его возможным в моих глазах, просто я этого еще не осознавала. Все было как-то зыбко и неопределенно.

Сейчас, когда я это пишу, Сеголен Руаяль вошла в состав правительства в качестве министра экологии. И меня вдруг осеняет. Все СМИ кричат о том, что она уже получала портфель этого министерства двадцать два года назад, в правительстве Пьера Береговуа. В тот год она как раз родила свою самую младшую дочь.

А я тогда была беременна своим первым сыном. И вот “Пари-Матч” поручил мне сделать репортаж о ней, прямо в родильном доме. Мне стало известно, что Франсуа Олланд и его пресс-атташе возражают против этого. Отвечаю своему начальству, что не стоит рассчитывать на ее согласие. В конце дня приезжаю

домой, и вдруг раздается телефонный звонок. На проводе главный редактор, он в ярости:

– Очень советую тебе, в твоих же интересах, сделать этот репортаж! Сообщаю, что Сеголен Руаяль только что впустила к себе в палату телерепортеров TF1.

Я не верю своим ушам. Ладно! Набираю номер клиники, и меня, даже не узнав, кто я такая, тут же соединяют с Сеголен Руаяль. Спрашиваю, разрешит ли она себя сфотографировать, она соглашается, но с условием, что я возьму у нее интервью об окружающей среде. Снимок был сделан в моем присутствии, а текст написан и послан ей по факсу, нам даже встречаться не пришлось. Разумеется, я и не думала втираться в ее личную жизнь, чтобы отбить отца ее детей, как это позже изображалось в прессе, когда вся наша история была грубо переиначена, извращена, истолкована вкривь и вкось. Как можно было приписать мне такой коварный, злодейский замысел, когда я ждала первого ребенка и была так счастлива в своей семье?!

В следующем году я произведу на свет второго сына, потом официально зарегистрирую брак перед рождением третьего. Я строю свою личную жизнь так же, как профессиональную карьеру. У меня нет других планов, и Франсуа Олланд не является героем моих грез. Я даже меняю девичью фамилию на Триервейлер, желая показать, что я принадлежу своему мужу. Признаюсь, все эти нападки больно ранят меня, ибо они затрагивают самое сокровенное, самое дорогое в моей жизни.

Пока Сеголен Руаяль беспокоится о себе, новый разгром Социалистической партии вынуждает меня больше заниматься партией правых. Меня все чаще посылают освещать поездки президента Ширака. Вначале я чувствую, что пресс-атташе Елисейского дворца относятся ко мне с подозрением. Но постепенно они проникаются доверием ко мне. Однако я не покидаю Социалистическую партию, хотя “желтые страницы”[22] “Пари-Матч”, посвященные политике, уделяют ей мало места.

Мы с Франсуа Олландом время от времени встречаемся и обедаем либо вдвоем, либо в компании других журналистов. Я переехала вместе со своей семьей за город, и он нередко “сопровождает меня по телефону”, мы болтаем всю дорогу, даже в самое позднее время, и нам никогда не бывает скучно друг с другом.

Атмосфера оживляется с приближением региональных выборов 2004 года. Олланд идет на повышение после победы СП во всех округах. Еженедельник “Пуэн” провозглашает его

“человеком года”. Во время этой выборной кампании я проезжаю с ним сотни километров по районам, где он побеждает. Именно тогда я пишу единственную свою одобрительную статью о нем. Помню, как главред “Пари-Матч”, прочитав ее, бросил: “Ну, теперь ты взялась за Олланда”.

* * *

Конец дня, улица Коши, весна 2014 года. С тех пор как я покинула Елисейский дворец, почти безвылазно сижу в своей квартире. Солнце заливает гостиную, балконная дверь распахнута. Я работаю, держа ноутбук на коленях. Звонит мой бывший охранник: ему поручено кое-что передать мне. Через полчаса он приезжает и вручает мне роскошный букет из белых и красных роз, какие мне всегда нравились. Их послал Франсуа. Он не забыл сегодняшнюю дату. Утром он прислал мне эсэмэску:

Девять лет назад. Лиможский поцелуй.

Да, не будь тех фотографий президента в шлеме, не будь Жюли Гайе, коммюнике о разрыве и всего этого безумия, мы сейчас праздновали бы девятилетний юбилей нашего союза. Любовь умерла до его наступления. Но если бы у нее было имя, оно звучало бы именно так: “Лиможский поцелуй”. Наша самая заветная история. Которая родилась в четверг 14 апреля 2005 года. Эта дата всегда будет для меня праздничной.

И хотя больше мы эту годовщину не празднуем, я соглашаюсь поужинать с ним во второй раз после нашего разрыва. Мы проводим вечер в итальянском ресторане моего квартала, куда ходили и раньше, когда жили вместе. Здесь нет ни президента, ни первой леди, нет былых ссор и обвинений – только щемящая смесь радости и грусти. И ощущение огромной потери. Непоправимой потери. Тем же вечером боевики исламистской секты “Боко харам” похищают 279 нигерийских девушек от 12 до 17 лет. Мы узнаем об этом только назавтра.

Франсуа признается, что сожалеет о том, что не сумел защитить нашу личную жизнь от постороннего вмешательства. И это не моя вина: я изо всех сил пыталась скрыть ее от окружающих! Но он всегда потворствовал всем. Он не умеет держать дистанцию. Даже наша ванная комната и та однажды стала местом деловой встречи! Как-то раз под вечер его пиар-консультант на моих глазах прошествовал туда прямо через нашу спальню следом за президентом! Я выставила его вон, возмущенная такой наглостью.

Случалось, что его охранники буквально втискивались между нами, вмешивались в наш разговор. Сколько раз мне приходилось просить их позволить нам спокойно идти рядом во время прогулок! Иногда я даже предпочитала сбежать домой, нежели терпеть их постоянное присутствие. А однажды я застала одного

из “доставщиков круассанов” сидящим на нашей кровати: он объяснил, что налаживает телевизор.

Во время этого сладко-горького ужина я напоминаю Франсуа, что он принимал решения не в мою пользу всякий раз, когда я старалась защитить наши отношения.

– Да, я был неправ, мне следовало прислушаться к тебе и понять, что было самым ценным.

“Лиможский поцелуй” – это длинная история; мне нужно напрячь память, чтобы вспомнить ее во всех подробностях. Она началась с глупого недоразумения. Однажды утром я случайно узнаю в “Пари-Матч”, что Франсуа Олланд и Николя Саркози должны приехать в редакцию, чтобы вместе сфотографироваться для обложки и дать совместное интервью по поводу референдума о европейской конституции.

Я поражена до глубины души. Меня никто не предупредил об этом, ни главред, ни сам Франсуа. Я знаю, что он сердится на меня за то, что я не сопровождала его в поездке по Ливану, но все же как это понимать – он дает такое важное интервью, фотографируется для моего журнала, а сам не говорит мне ни слова, притом что мы так близки! И тут мне звонит его пресс-атташе:

– Валери, ты с ума сошла, как ты могла подложить ему такую свинью? Фото с Саркози – это же чистое безумие!

Объясняю ей, что я тут совершенно ни при чем, сама только что об этом узнала. Она умоляет меня отговорить его от этого поступка. Я пытаюсь: звоню ему. Но он не дает мне и рта раскрыть:

– Раньше нужно было думать!

Я не понимаю его реакцию и, еще менее того, его стратегию. Какой ему интерес сниматься вместе со своим политическим соперником номер один, тогда как именно противники европейского договора обвиняют их в тайном сговоре?! Делать нечего, признаю свое поражение и уезжаю из редакции до его появления.

Сижу за рулем своей машины, мчусь по шоссе на полной скорости, чтобы скорее оказаться дома, и не вижу дороги из-за горьких слез. Совершенно необъяснимых. И кто же их проливает – журналистка, у которой украли из-под носа интересный сюжет, или женщина, чувствующая себя обманутой? Да, уже тогда обманутой… Подъезжая к дому, я все еще всхлипываю. А он в тот день, оказывается, попросил разрешения осмотреть всю редакцию, вплоть до столовой, надеясь увидеть меня.

На следующий день он пытается поговорить со мной по телефону, но, услышав его голос, я бросаю трубку. Затем мне звонит его пресс-атташе, я соглашаюсь ее выслушать, но этот разговор выливается в откровение, от которого у меня кровь стынет в жилах. В какой-то момент она уже не владеет собой и кричит:

– Валери, неужели ты до сих пор не уразумела, что Олланд безумно в тебя влюблен? Поговори с ним, я никогда еще не видела его таким убитым.

Я знаю, что нравлюсь ему, наша близость бросается в глаза, это особый род дружбы, чуточку слишком тесной, в которой флирт иногда приятно граничит с двусмысленностью. Но “безумно влюблен” – нет, это чистый абсурд, это запретная зона.

Ее слова повергают меня в шок, и я надолго замолкаю. Проходит неделя; никаких звонков. Ситуация заходит в тупик. Я начинаю подумывать, а не попросить ли главреда освободить меня от обязанности писать об СП? Но никак не могу решиться на такой шаг. В конечном счете соглашаюсь на “обед примирения”. Наш разговор длится много часов. Так много, что он опаздывает на свой поезд, который отходит во второй половине дня.

Через неделю я, по его приглашению, отправляюсь с ним в поездку. 14 апреля у него должна состояться встреча в центральной части Франции, кажется, где-то возле Шатору, но я могу и ошибаться. После полудня мы выезжаем из Парижа. В машине я сажусь на заднее сиденье, справа от него. Франсуа держится как-то необычно, меньше шутит. Разговор перемежается долгими паузами, я чувствую странное замешательство. За рулем сидит его верный шофер, машина мчится на полной скорости. Франсуа Олланд придвигается и берет меня за руку. Мне неловко, но я не отнимаю руку. Внутренний голос твердит: “ Ты сошла с ума, еще не поздно, остановись, отдерни руку!” Но я его не слушаюсь.

Мы много говорим. Не о нас – о политике, о пресловутой обложке “Пари-Матч” и о фото с Саркози, наделавшем столько шума. По прибытии мы ведем себя так, словно никакой ссоры не было. Он проводит свою встречу, как всегда, живо, с блестящим юмором. Призывает голосовать “за” на европейском референдуме. Тут мы с ним единомышленники. Я твердо верю в успех, тогда как он настроен более скептически насчет результатов голосования, которое должно состояться в декабре.

Как раз этим вечером Ширак участвует в телепередаче и дискутирует с молодежью, защищая идею Европейского союза. Мы успеваем посмотреть самый конец передачи. Результаты

катастрофические. Ширак выглядит совершенно потерянным.

Потом едем обратно. Мне забронирован номер в Лиможе, ему – в Тюле. Он снова берет меня за руку. Час спустя мы останавливаемся в Лиможе. Он предлагает мне проводить его до Тюля. Я отказываюсь: завтра, рано утром, у меня назначена встреча в Париже. К тому же я понимаю, что это значит – “проводить до Тюля”.

Чтобы не сразу расставаться, мы заходим в кафе. Он берет вафлю, я – блинчик, и оба – по бокалу вина. И вот тут мы впервые начинаем говорить о наших отношениях. О нашем взаимном притяжении. Полунамеками, как всегда с ним. Он дает мне понять, что не ищет мимолетной интрижки, что его чувства серьезны. Я признаюсь, что и сама небезразлична к нему. Но что роман между нами невозможен, слишком опасен как для него, так и для меня. Нет, действительно невозможен! Ведь мы оба несвободны.

Он должен ехать дальше, в Тюль. Нам нужно расстаться. Вернее, именно так и было предусмотрено. Но в момент прощания наши чувства вдруг вспыхивают так сильно, что мы даже не успеваем понять, что произошло. Нас толкает друг к другу какая-то неведомая сила, достойная любовной кинодрамы. Поцелуй, какого я никогда в жизни еще не получала. Поцелуй, запомнившийся на пятнадцать лет вперед, прямо на уличном перекрестке.

Франсуа не уедет в Тюль тем вечером. На следующее утро, в ранний час, он проводит меня на вокзал. Мы пережили волшебное мгновение, но теперь мне трудно назвать его по имени и обратиться на “ты”. Мы снова окутаны флером стыдливости.

* * *

Порт-о-Пренс, вторник 6 мая 2014.

Просыпаюсь в жарком, душном гостиничном номере после нескольких коротких часов сна. Я прилетела сюда накануне с делегацией “Народной помощи”[23], чтобы осветить прямо на месте результаты деятельности этого движения, которое мало известно за пределами страны. Когда они предложили мне эту поездку, я с радостью согласилась. Командировка позволяла мне не только вернуться к работе, но еще и покинуть Париж как раз в момент годовщины выборов – уже второй годовщины! – и это было очень кстати. Я чувствовала себя человеком, потерпевшим кораблекрушение, который избегает всего, что напоминает о пережитом.

Для начала я соглашаюсь сделать радиоинтервью, чтобы рассказать об организации. И когда команда “Народной помощи” назначает его на вторник, я не сразу вспоминаю, что это 6 мая – в тот день, два года назад, Франсуа стал президентом. Я наконец осознаю это за два дня до выступления и сразу же звоню ему. Но он не просит меня отменить или отложить передачу. И не говорит, что сам запланировал выступить тем же утром по *другому радио*. Я узнаю об этом только назавтра, из сообщений.

Каким далеким кажется мне отсюда Париж! Вокруг на развалинах теснятся времянки – палатки или хижины, наспех сооруженные из обломков, досок, толя. До сих пор триста тысяч гаитян все еще не имеют крыши над головой. В четыре часа утра по французскому времени я начинаю записывать интервью. За десять минут до этого чувствую, как нарастает волнение. Мне предлагают выпить рому, чтобы успокоиться, я предпочитаю отказаться. Накануне я составила план беседы, подготовила свои ответы. Сильно подозреваю, что среди вопросов будут и касающиеся моей личной жизни.

Журналист начинает с Гаити. Но через несколько минут он плавно переходит к вопросам о Франсуа Олланде. Я играю по правилам: желаю президенту удачи на оставшиеся три года правления. Не желаю портить эту политическую годовщину и замалчивать цель своего приезда, а именно – поддержку “Народной помощи”.

Поспав несколько часов, я, как обычно, просматриваю сообщения. И с ужасом обнаруживаю его заявление, по поводу того, что пресса по аналогии с Уотергейтом называет “Гайегейт”.

На вопрос “Всегда ли вы вели себя достойно?” он отвечает: “Вы не можете утверждать, что я хоть в чем-нибудь вел себя недостойно. Я никогда не шел по пути наименьшего сопротивления, никогда не позволял себе двусмысленности, никогда не опускался до вульгарности или грубости в поведении”.

Франсуа Олланд – политик и знает цену своим словам. Ясно, что он подготовил свой ответ заранее. Я просто убита этим заявлением. С момента нашего разрыва – тому уже три месяца – он умолял меня помириться, снова наладить нашу совместную жизнь. Попросил о встрече. Я согласилась. Предложил поужинать в нашем любимом ресторане. Я сказала да.

Вот уже три месяца, как он уверяет меня, что ошибся, запутался, что всегда любил только меня, что крайне редко виделся с Жюли Гайе. Через две недели после коммюнике, опубликованного агентством Франс-Пресс, он сказал, что сожалеет о разрыве. Еще через четыре дня предложил мне вновь соединиться. Присылал цветы по любому поводу, даже когда я была за границей. Признавался в страстной любви. Иногда я даже начинала ему верить, меня трогали эти возродившиеся пламенные чувства. Казалось, дверь вновь приоткрыта, и в какой-то момент я поддавалась соблазну войти. Но она тут же захлопывалась. Что ж, я обрела свободу, и она мне нравится. Я не могу простить его – разрыв был слишком безжалостным.

Эта фраза, сказанная по радио, полная отрицаний, скорее похожих на скрытые признания, эти слова, в которых нет ни намека на сожаление, наносят мне новую рану. Франсуа хочет меня вернуть, однако гордыня не позволяет ему произнести хоть слово раскаяния. И конечно, никакого намерения публично обнародовать наше примирение. А ведь он мне это обещал. Но выговорить мое имя перед посторонними у него по-прежнему язык не поворачивается.

“Вы не можете утверждать, что я хоть в чем-нибудь вел себя недостойно”… А пиратские фотографии президента на заднем сиденье мопеда, в шлеме, который он не снимает даже в подъезде, чтобы его не узнали, – это достойно?

А его безразличие при моем обмороке, при моем отъезде в больницу, а указания “сверху”, чтобы мне увеличили дозы снотворных, – это достойно?

И достойно ли коммюнике о разрыве, бездушное, как какой-нибудь декрет, продиктованное журналистке Франс-Пресс?

Не знаю, способен ли он измерить все гибельные последствия этого выступления. Но я оскорблена не меньше, чем в самый черный день моей жизни, день разрыва.

Просто лезвие кинжала вонзилось еще глубже. Просто горечь и гнев еще сильнее растравили рану.

Я надеялась, что за истекшие месяцы мне удалось обрести душевное равновесие. Но это отречение снова повергло меня в отчаяние. И вот я опять сижу вся в слезах, а ведь меньше чем через час должна встретиться с группой “Народной помощи”, чтобы посетить школу в Ривьер-Фруад. Я уехала на край света, чтобы забыть Франсуа, но и здесь меня снова настигло горе.

Посылаю ему несколько эсэмэсок – пусть знает, как я расценила его выступление. В ответ он пишет, что ничего не понял, но обещает в следующий раз найти более уместные слова. Ох уж этот вечный “следующий раз”… Сколько обещаний, так и не выполненных, он надавал мне! Неужели слова и клятвы для него – звук пустой?!

Этим утром он окончательно потерял меня.

В очередной раз нужно вытереть слезы, скрыть свои переживания и сконцентрироваться на том, для чего я приехала на Гаити. С распухшими глазами выхожу в холл, к остальным участникам поездки. Отговариваюсь тем, что не выспалась. Хорошо, у меня с собой есть средство от кругов под глазами.

Около полутора часов трясемся в вездеходе по колдобинам среди невообразимой гаитянской нищеты и наконец подъезжаем к школе, которую финансирует ассоциация “Народная помощь”. Среди гаитянских детей я чувствую себя совсем в другом мире, далеко от политики с ее предательством и интригами. Сколько людей вокруг нас пытаются попросту выжить! На фоне их бедности наши любовные печали и даже мое горе выглядят смехотворными.

Сразу после землетрясения “Народная помощь” организовала строительство школы на 1500 детей. Этим повезло. Они спаслись.

Когда мы подходим к пункту раздачи питьевой воды, за нами бежит толпа уличных мальчишек. Некоторые из них босые. Они понятия не имеют, откуда я приехала, но дерутся между собой за честь пожать мне руку. На минуту я забываю Франсуа и думаю об этих ребятах, которым негде учиться – у них нет школы.

А еще я думаю о своих детях, о том, как часто расставалась с ними ради репортажей и командировок. О своих мальчиках, которые расхлебывают все перипетии моей сложной жизни.

И я чувствую себя такой виноватой перед ними! Девять лет назад я пожертвовала семьей ради человека, который бросил меня при первой же возможности. Если бы я смогла воспротивиться этой любви, у моих детей была бы спокойная,

безмятежная юность. А я сошла с ума от любви и теперь схожу с ума от ярости. Никто или почти никто не видел в нем президента Франции. Даже я. И теперь мне кажется, будто он обобрал меня вконец, украл почти десять лет моей жизни.

И вот я осталась одна на другом берегу, измученная трудным плаванием, замаранная грязной клеветой. Сколько же времени мне понадобится, чтобы освободиться от всех оскорбительных ярлыков, которые на меня навешивали: шлюха, фаворитка, интриганка, истеричка и тому подобное. И никто не вступится за меня. Тот, кому я отдала всю себя, не нашел ни одного слова, пальцем не шевельнул, чтобы остановить эту вакханалию. Напротив, поддержал ее и бросил меня на растерзание.

По возвращении с Гаити, сидя за рулем, включаю радио. И попадаю на передачу, где психоаналитики рассказывают об интровертах. Некоторые ошибочно путают интровертов с робкими людьми, объясняет один из них. Интроверт – это не тот, кто боится окружающих, это просто человек, неспособный направить свои чувства вовне, он направляет их только на самого себя. “Интроверт абсолютно невозмутим, он не выказывает никаких эмоций. Ему хочется быть более нормальным, чем сама нормальность. Это патология”.

Останавливаю машину, чтобы записать последнюю фразу. Я просто потрясена, настолько это описание соответствует характеру Франсуа. Например, его неспособность показать окружающим, что он чувствует. Я знаю его как влюбленного мужчину, способного на самые страстные признания. Но стоит нам оказаться на людях, как он запрещает себе любое изъявление чувств. И нужно действительно хорошо его изучить, чтобы понять: чем больше он шутит, тем вернее хочет скрыть этими шутками свое раздражение или недовольство.

Я понимаю, что он не может заставить себя говорить об интимных, по-настоящему личных вещах. Не желая заниматься публичным самоанализом, на который он не способен, Франсуа мог бы, выступая по радио, обойти это препятствие, избежать его, как он привык. Ну или хотя бы просто выразить сожаление. Но он предпочитает дать волю своему подсознанию и выражается языком сильных мира сего, которым все дозволено, которые не чувствуют себя обязанными никому и ничем.

Отдает ли он себе отчет в бедах, которые сеет вокруг себя? Его лживые увертки, безжалостные, как острый нож, разрушают то простое, но необходимое чувство, которое зовется доверием. Я потеряла почву под ногами.

* * *

С тех пор как я начала писать эту книгу, меня каждый день буквально захлестывают воспоминания. Сегодня они возвращают меня ко дню избрания Франсуа. В то воскресенье я почему-то не могла радоваться. Для него это было невероятным счастьем, для меня – нет. В прекрасной книге, посвященной Анн Пенжо, тайной возлюбленной Франсуа Миттерана, матери его незаконной дочери, рассказывается о том, что в день избрания Миттерана Пенжо плакала. Она знала, что теряет любимого человека. Странное дело: когда я думаю о 6 мая 2012 года, я ассоциирую себя именно с ней, а не с Даниэль Миттеран, которая официально делила жизнь с президентом страны.

Франсуа уже совсем не тот, что прежде. Мне едва удается выпросить у него полминуты на поцелуй без свидетелей в маленьком кабинете генерального совета Корреза, еще до объявления результатов. И сразу после этого наступает знаменательный момент, кажущийся нереальным, – объявление результатов по телевидению.

Он избран.

Франсуа стал президентом Франции.

Мне с трудом верится. Я вижу, что он недоволен результатами. Он ничего не говорит, держится спокойно, однако под его бесстрастной маской я угадываю легкое разочарование. Два главных новостных канала сообщают разные цифры. Он готовится к худшему. Тем не менее нам вместе с командой Корреза удается открыть бутылку шампанского, чтобы отметить это событие. Франсуа даже не прикасается к бокалу и принимается редактировать свое обращение. Его будущий “специальный советник” Акилино Морель находится тут же, у него за спиной, и наблюдает за его работой. Франсуа, как всегда, зачеркивает все написанное и начинает заново.

Пока он переписывает текст, я получаю сообщение от пресс-атташе Николя Саркози: его патрон хочет поговорить с Франсуа. Поскольку мобильник Франсуа уже переполнен, они будут разговаривать по моему. Франсуа берет телефон, а я тем временем удаляю людей из комнаты, считая, что эта беседа не для чужих ушей. В этот день я нажила себе немало врагов…

Время поджимает, мы находимся в Тюле, толпа, собравшаяся на Соборной площади, ждет уже много часов. Я прошу Франсуа задержаться, чтобы сделать несколько снимков: момент ведь

исключительный. Но Франсуа сердито и довольно грубо осаживает меня. Не понимаю причин такой реакции. Эта минута могла бы стать мгновением счастья, а он ее испортил. Ухожу в ванную и запираюсь там. Для меня тоже напряжение оказалось чрезмерным, и теперь наступил спад. Я чувствую, что не смогу выйти на Соборную площадь. Сползаю по стенке и, обмякнув, сижу на кафельном полу.

Пытаюсь разобраться в том, что со мной происходит. Два мощных чувства бушуют в моей душе, сойдясь в жестокой схватке. Я счастлива за него, ведь он достиг своей жизненной цели, но несчастна оттого, что он не способен разделить со мной эту радость. Если нам не удается сблизиться даже в такой момент, что же останется на потом? И меня вдруг посещает предчувствие, что у нас ничего уже не будет как прежде.

Мы были так близки, так единодушны во всем, и вот наступил день славы, а я ощущаю себя почти чужой, сторонней наблюдательницей происходящего. Вот такие мысли теснятся у меня в голове, пока я сижу в своем убежище. Кто-то барабанит в дверь: пора выходить! Я колеблюсь, думая о Сесилии Саркози, которую в день избрания ее мужа чуть ли не силой потащили на площадь Согласия, куда она не хотела идти. У нее были для этого совсем иные причины. Но головокружение и страх перед будущим, несомненно, мучили ее точно так же. Могу ли я радоваться той жизни, которая меня ждет, не похожей ни какую другую, не принадлежащей нам двоим?!

В конце концов я выхожу из своего дурацкого укрытия. Быстро привожу в порядок лицо, и мы отправляемся. В машине Франсуа не разговаривает со мной, сейчас все его мысли направлены на выступление: он предельно сосредоточен, как всегда перед любым важным событием. Я уважаю эти минуты безмолвия: он погружен в себя, и его нельзя тревожить.

Подъезды к Соборной площади забиты народом, проехать невозможно. Сколько же здесь людей! Мы выходим из машины и дальше идем пешком, с трудом прокладывая себе дорогу через толпу. Я шагаю последней, меня толкают со всех сторон и непрерывно фотографируют. Толпа восторженно ревет при виде Франсуа, который поднимается на трибуну. Я остаюсь внизу.

Я никогда не поднималась вместе с ним на трибуны. Никогда не воображала, что мое место – там. После нескольких слов приветствия он сам приглашает меня подняться к нему. Я настолько не привыкла к этому, что продолжаю тупо стоять на месте. Чьи-то руки подталкивают меня к ступенькам, Франсуа протягивает мне руку. Как все это ново для меня! И как я

растрогана этим его жестом!

Мэр Тюля организовал выступление аккордеониста – этот инструмент стал символом города благодаря его фестивалю. Как-то давно, в беседе с мэром, я сказала, что обожаю “Жизнь в розовом цвете”[24], и теперь он устроил мне приятный сюрприз: музыкант заиграл именно эту песню, и вся толпа дружно подхватила ее.

Франсуа обнимает меня за талию, и мне приходится сделать вместе с ним несколько туров вальса. Я ужасно смущена и в то же время счастлива. Вот сейчас мы разделяем знаменательный момент. Который останется одним из самых чудесных моих воспоминаний. И если парижская “элита” подтрунивает над этим простецким развлечением – танцами под аккордеон, то жители Корреза, напротив, недовольны, что вечер окончился так быстро. Фотографию, сделанную на этом празднестве, президент сохранит у себя в кабинете в Елисейском дворце. Она останется там даже после нашего расставания. А я так и не вынула свой экземпляр из коробки с вещами, которую вместе с другими такими же коробками привезла из Дворца и составила в штабель у себя в коридоре. Но она и без того стоит у меня перед глазами.

Могла ли я вообразить, что через несколько дней еженедельник “Экспресс” вынесет на первую полосу статью под заголовком “Не слишком ли много позволяет себе Валери Триервейлер?”. Директор журнала сам отвечает на этот вопрос возмущенным заявлением, что это я заказала мэру Тюля в день избрания президента “Жизнь в розовом цвете”, и рассматривает это как политический акт!

Тем не менее воспоминание о Тюле остается одним из самых прекрасных в моей жизни. Я только и успела, что выразить свои чувства в Твиттере:

Просто горжусь тем, что нахожусь рядом с президентом, и всегда счастлива делить жизнь с Франсуа.

Тем временем Франсуа ждут на площади Бастилии. Пора покидать Тюль. Он пожимает столько рук, сколько позволяет время, и нас срочно увозят в аэропорт. А как мне хотелось бы остаться здесь, на Соборной площади, с этой мирной, радостной толпой, с этими людьми, которые первыми открыли Франсуа дорогу к победе, приняв на своей земле тридцать лет назад. Какое доказательство доверия к нему, как и его – к ним!

Мы бежим к машине, чтобы успеть на аэродром в Брив, где

ждет частный самолет. Реальность смешивается с нереальностью. Сообщения хлынули со всех концов света. Человек, которого я люблю уже долгие годы, в которого никто или почти никто не верил, отныне – глава государства. Он напрямую принимает поздравления от Ангелы Меркель, Барака Обамы и многих других. Этот поток приветствий нескончаем… до тех пор, пока связь не прерывается – так уж бывает в Коррезе… Долго ли человек, сидящий рядом со мной, будет прежним?

В самолете уже сидит наша маленькая группа. Две недели назад, после результатов первого тура, для всей команды наступила короткая передышка. В этой расслабленной обстановке мы заключали пари на результаты второго тура. Всем нам дышалось как-то легко. Всем – кроме самого Франсуа; он замкнулся и не участвовал в наших играх. Не думаю, что он боялся провала, – у него было значительное преимущество перед другими кандидатами. Поскольку он делился со мной другими своими опасениями по поводу голосования, я, конечно, знала, что он запрещает себе верить в успех до самого финиша. В подобных ситуациях он всегда признавался мне в своих панических страхах. Я заражалась ими и начинала бояться еще сильнее, чем он. Но в этот раз мы были полны веры в будущее. Так о чем же он сейчас думал? Наверное, готовился. Я чувствовала, что им владеет не страх, а другое чувство: как будто на его плечи внезапно лег тяжкий груз Истории.

Победное возвращение после второго тура проходит иначе. Франсуа берет бокал шампанского, но не пьет. Мы вновь и вновь перебираем все события кампании, все связанные с ней истории. Полет длится недолго, это всего лишь короткая передышка. По прибытии видим массу незнакомых людей, облепивших решетчатую ограду аэропорта, чтобы посмотреть на нового президента. Он подходит к ним и пожимает руки. Мы опаздываем на церемонию – ну что ж, так тому и быть!

В парижском аэропорту толпа выглядит внушительнее, чем в Бриве. Бросается в глаза множество мотожурналистов: даже сосчитать невозможно, сколько их понаехало – тридцать, сорок? Они преследуют нашу машину по дороге, ведущей к площади Бастилии, напоминая рой жужжащих пчел. Мне даже страшновато за некоторых из них, они готовы на любой риск, лишь бы сделать побольше снимков машины на трассе и кольцевом бульваре.

Мне вспоминаются фотографии Жака Ширака в день его избрания. Рука, машущая из окна автомобиля, жена Бернадетт, сидящая рядом. И внезапно я во всей полноте осознаю происходящее. Меня захлестывает волнение, я сжимаю руку

Франсуа. Но телефонные звонки и эсэмэски по-прежнему идут сплошным потоком, и мне не удается задержать его руку в своей… Наши руки разъединяются. Все предыдущие годы, стоило нам очутиться рядом, как нас, точно магнитом, неодолимо тянуло прикоснуться друг к другу. Но это невероятное событие нарушает наше взаимное притяжение. Отныне наши встречи наедине будут все более и более редкими.

Мы добираемся до площади Бастилии уже после полуночи, и только тут я осознаю подлинный размах торжества. Здесь уже не толпа – здесь океан людей, которые в дикой давке стараются подойти ближе к президенту. Их десятки тысяч. Сначала мы проходим через шатер для ВИП-персон, где сидят всевозможные знаменитости. Те, что всегда присутствуют на сборищах в звездные часы. Я не знаю, не вижу, что Жюли Гайе уже где-то поблизости. За все время избирательной кампании я ни разу не встретила ее.

Я сразу различаю в толпе лицо своей матери, которая непременно хотела приехать в этот день. Ее-то первую я и обнимаю. Как и все матери на свете, она всегда боялась за меня, всегда предчувствовала опасность этой ситуации. Я вижу в ее глазах гордость, смешанную со страхом. Неужели эта женщина, подруга президента Республики, – ее дочь? Невообразимо! Далеко, слишком далеко от жалких новостроек северного Анже…

Франсуа буквально рвут на части, давка становится непереносимой. Наконец я вижу своих детей – они прячутся от вездесущих фотографов. А что же они думают обо всем этом? Им, конечно, ясно, что теперь их жизнь будет очень беспокойной, но они даже не подозревают, что окажутся добычей СМИ на все эти двадцать месяцев и даже после того, как я покину Елисейский дворец. Что вместо незаконных привилегий, как все воображают, их на каждом шагу будут ждать только расставленные ловушки. И вымышленные обвинения, нацеленные на то, чтобы опорочить меня. Я стараюсь подойти к ним незаметно. Наверное, они тоже предчувствуют, что на их мать объявлена охота из-за близости к президенту.

Толпа нетерпеливо ждет, когда ей позволят увидеть и услышать Франсуа. Он поднимается на трибуну, я поднимаюсь следом, как и вся наша команда. Он произносит свою речь, голос его звучит сдавленно:

– Я благодарю народ Франции, который позволил мне стать президентом Республики. Я знаю, что чувствуют многие из вас: вы перенесли годы испытаний, и нам придется многое исправлять,

перестраивать, восстанавливать.

Его выступление продолжается двадцать минут.

– Сегодня мы переживаем великий момент, празднуем победу, которая должна принести нам счастье.

Я не слышу, что он говорит. Или едва слышу. Толпа взволнованно колышется, вопит от счастья в невообразимом единодушии, во всеобщем опьянении.

Внезапно я вижу, как Франсуа отходит к другому краю трибуны, оставив меня одну. Поворачиваю туда голову, смотрю… и вижу, что он обнимает Сеголен Руаяль. У меня искажается лицо, я забыла, что его сейчас показывают крупным планом на гигантских экранах.

Неужели мне изменяет великодушие? Неужели я так мало уверена в себе и так не уверена в нем? Неужели меня по-прежнему мучит сознание своего незаконного положения? Когда он возвращается, я шепотом, на ухо, прошу его поцеловать меня, добавив: “Только обязательно в губы”.

Да, я хочу, чтобы все почувствовали разницу: до меня была женщина, у которой от него четверо детей, а теперь у него другая, с которой он живет, но ведь не две женщины одновременно! Мне уже невыносимо это пресловутое “Олланд и две его женщины”. Я чувствую себя уничтоженной.

Мне даже в голову не приходит, что пресса прочтет эти слова по моим губам и растиражирует их, представив как тяжкую улику в моем процессе, как доказательство того, что я “стремлюсь к единовластию”. Я чувствую себя так, словно меня изнасиловали. Отныне никакая близость уже невозможна, все украдено, даже шепот на ухо…

Мне следовало бы понять, что эта новая жизнь не для меня. Я человек цельный и непосредственный, говорю то, что думаю, поскольку выросла в среде, где ничего ни от кого не скрывают. Это в серале положено прибегать к умолчаниям, расточать улыбки тем, кого презираешь, злословить за спиной. Я этого не умею – и дорого заплачу за свое неумение.

Я страстно люблю мужчину, который больше не может всецело посвятить себя нашей любви, как это было до сих пор. Я привязана к человеку, который, достигнув успеха, отдаляется от меня, я это чувствую. Все переворачивается.

Он, который так упорно добивался меня, ждал столько лет, теперь, став президентом, перестал быть прежним. Да и не может быть прежним. Франсуа возвел стену между нами, и я вижу, что не нужна ему в его политической жизни, что он внезапно очутился где-то далеко. Я думала, что смогу вытерпеть все или

почти все, но не это безразличие. Любая женщина нуждается во взгляде любимого человека. И я тоже.

Мне хотелось сохранить независимость, но вот я оказалась в роли первой леди – роли неопределенной, без официального статуса. И мне поневоле придется как-то приноравливаться к этому ярму, только я еще этого не осознаю. К какому новому равновесию мы придем в результате?

Я занималась политической журналистикой. Мы провели вместе несчетные часы в разговорах о нашей общей страсти. Долгие годы все делили пополам. Политика – это и моя жизнь тоже. Она сплотила нас еще до того, как родилась любовь. И вот я должна отринуть эту часть своего существа, с мясом оторвать себя от своего дела.

Очутившись в Елисейском дворце, я приучаю себя не вторгаться в область политики. Ни словом, ни делом не участвовать в делах власти. Я даже не знаю, где расположены кабинеты советников. Называю “Берлинской стеной” дверь, отделяющую “крыло мадам” от остальных помещений Дворца. В этих стенах выражаются именно так – “Дворец”, а не Елисейский дворец. Я к этому так и не привыкла. Один-единственный раз я присутствовала на совещании вместе с советниками “по другую сторону стены”. Тогда обсуждалась подготовка женского праздника 8 марта. Присутствующие на все лады расхвалили мои предложения – и ни одно из них не было принято.

Тревога начала мучить меня уже во время избирательной кампании. С самого начала я не находила себе места. Вдруг стала набирать вес, на лице выступили пятна экземы, шею регулярно сводила судорога, мимика исказилась. Мой стресс был очевиден, мне казалось, что за несколько месяцев я постарела на много лет. Трудно представить себе дикое напряжение предвыборной кампании, агрессивные вспышки фотоаппаратов, когда ты к ним не готова. Почему я воспринимала все это так болезненно?

Меня злила собственная уязвимость. Но сегодня я понимаю ее причины. С самого начала кампании Франсуа постоянно держал меня в подвешенном состоянии своей ложью, своими тайнами и увертками. Он не мог внятно объяснить мне, что хочет установить дистанцию между нами в некоторых сферах. И поэтому действовал, как обычно, на свой манер – вел себя как ни в чем не бывало, прибегая к умолчаниям, экивокам и лжи. Сколько раз я узнавала от его команды то, что он должен был сам мне рассказать! Иногда мне приходилось скрываться от него, брать тайм-аут для короткой передышки, чтобы вновь обрести доверие.

Мы с ним были парой, но эта пара находилась в экстраординарной ситуации, на полпути к президентству Республики. Я воображала, что мы будем спаяны воедино, как это было все прежние годы, во время его “перехода через пустыню”. Но стоило ему выйти на орбиту, наше столь нерушимое единство распалось. Его взгляд устремлен в иные горизонты, он все реже замечает меня рядом с собой. Тогда как для меня важен только он – не его победа, а только он. Моя великая любовь.

Пора покидать площадь Бастилии. Министр внутренних дел боится инцидентов: по краям площади кое-где уже начинаются стычки. Мы возвращаемся в свою квартиру на улице Коши. На протяжении всего пути нам сигналят машины, Франсуа машет им, опустив стекло. Свора мотожурналистов упорно преследует нас. У подъезда нашего дома царит настоящее безумие. Улица забита десятками репортеров и фотографов, телевидение снимает нас в прямом эфире.

Жизнь – наша жизнь – действительно скоро должна измениться. Я далека от эйфории. Испытываю всего лишь радостное возбуждение. Гляжу на происходящее как бы со стороны, словно я посторонний свидетель, зрительница, но никак не участница этого действа.

А для Франсуа этот безумный бег еще далеко не окончен. Уже на следующий день он устраивает совещание за совещанием, готовя состав нового правительства. Мне он доверительно сообщает имя премьера и еще нескольких министров. Но мой опыт политической обозревательницы подсказывает, что этот список будет меняться до последнего момента.

Осмеливаюсь подсказать ему имя, которое не будет принято во внимание. Речь идет о директрисе журнала “Эль”, она могла бы возглавить министерство прав женщин. Франсуа отвечает:

– Не могу подложить такую свинью Жисберу[25].

Франц-Оливье Жисбер, в ту пору директор журнала “Пуэн”, – близкий друг директрисы “Эль”. В представлении Франсуа, знающего эту проблему не понаслышке, поскольку он сам с ней сталкивался, Франц-Оливье Жисбер воспринял бы карьерный скачок своей подруги как личное оскорбление. Ох уж эта солидарность мачо!

Я подвергаю сомнению еще несколько имен, которые он называет, но и это не принимается во внимание. Половина намеченных кандидатов в министры мне вообще неизвестна. Они возникли из недр СП, радикалов или “зеленых”. Их назначение – результат аппаратных игр, сложной перетасовки кадров.

Некоторые женщины выбраны просто “по каталогу”. Заявления о том, что мы составляли список членов правительства вдвоем, как это утверждала пресса со свойственной ей самоуверенностью, просто бессмысленны. Франсуа не поддается ничьему влиянию. Вернувшись домой на улицу Коши, он продолжает названивать одному, другому, третьему. Несколько раз я его предупреждаю, что мне слышны его разговоры из окна спальни, поскольку он стоит на балконе. Все соседи, стоит им навострить уши, могут их услышать! Служба безопасности обыскивает квартиру сверху донизу, проверяя, нет ли в ней “жучков” и не грозит ли новому президенту какая-нибудь опасность. Широкое окно внушает им беспокойство: из многих домов напротив видна комната, и нам рекомендуют заменить обычные стекла на пуленепробиваемые. Такая операция стоит многие десятки тысяч евро. Франсуа отказывается: это не соответствует его представлениям о нормальном президентстве.

Но главное, это совершенно бессмысленно, поскольку президент проводит время на балконе, где мы завтракаем или ужинаем, когда позволяет погода! В результате наша защита ограничивается двумя кнопками срочного вызова – одна у входа, другая в спальне. Сигнал тревоги поступает напрямую в службу безопасности президента, с секретным паролем для оповещения о реальной опасности, на случай, если нам приставят пистолет к виску! Все предусмотрено.

Франсуа намерен упростить всю эту систему охраны. Он приказывает убрать машину с жандармами, стоящую возле дома, упразднить проверку всех входящих, а также постоянный полицейский пост, дежурящий на нашем этаже. Словом, на улице Коши мы живем как обычная супружеская пара… почти обычная. Вот только у подъезда нас подстерегает целая армия журналистов, готовая осаждать Франсуа вопросами каждое утро, когда он выходит из дому. И он не обманывает эти ожидания: отвечает им каждое утро…

Когда спадает сумасшедший накал последнего месяца предвыборной кампании, я встречаюсь с сыном, который сдает выпускные экзамены. Через несколько дней после избрания президента он должен сдавать спортивную подготовку. Выглянув в окно, он видит нацеленные на подъезд камеры, и его охватывает паника, он боится выходить на улицу. Я умоляю его пойти на экзамен, но он не реагирует. Посылаю твит журналистам и фотографам с просьбой отнестись с уважением к нашей частной жизни и оставить нас в покое.

Увы, эта просьба воспринята в штыки: как это я – сама журналистка – могу третировать своих коллег?! Невозможно убедить их, что мой сын не в силах идти на экзамен под их объективами! Он не спал всю ночь. Я все-таки убеждаю его взять себя в руки и выйти из дому. Увидев моего сына в таком состоянии, экзаменатор отсылает его домой, предложив прийти в другой день. Теперь я на каждом шагу убеждаюсь в том, что наша жизнь никогда уже не будет прежней. На следующий день сын объявляет, что не хочет с нами жить – он не выдерживает такого прессинга. За одни сутки я нахожу друзей, которые на время предоставляют ему студию. Как же мне больно расставаться с ним в самый разгар экзаменов! Вот и еще одна рана – а ведь выборы закончились всего два дня назад!

Приближается день инаугурации. Команда Франсуа связывается с командой Николя Саркози для подготовки передачи полномочий. Я слежу за событиями со стороны. На мобильник приходит эсэмэска от Карлы Бруни-Саркози. Она просит меня сохранить личный обслуживающий персонал; по ее словам, это “замечательные люди, которые будут с вас пылинки сдувать”.

Отвечаю ей, что мы не собираемся держать большой штат обслуги, это не в духе Франсуа Олланда. И уж тем более не в моем вкусе. И договариваюсь с ней о встрече на традиционной церемонии передачи власти; там мы сможем обсудить все эти хозяйственные вопросы.

Остается определить состав гостей на церемонии инаугурации. Франсуа не хочет, чтобы она походила на ту, что устраивал Николя Саркози – когда все его близкие прошествовали по красной дорожке через парадный двор Елисейского дворца. Он не желает присутствия детей – ни своих, ни моих. Даже не собирается приглашать отца. Вместо этого организует ужин со своими четырьмя детьми. По просьбе Франсуа я на нем не присутствую – он хочет уладить с ними этот вопрос, объяснить, почему он не приглашает ни их, ни Сеголен Руаяль. Она ведь одновременно и политический деятель, и его бывшая гражданская жена, и ее присутствие будет истолковано превратно, а Франсуа не хочет входить в Елисейский дворец как монарх, смешивающий свою частную жизнь с общественной, даже если *a posteriori* это вызовет иронические усмешки.

Решение не демонстрировать родных принято им без меня. Я говорю ему, что это жестоко – отстранить своих детей. Сама я не осмеливаюсь пригласить даже мать, хотя и знаю, как она была бы счастлива присутствовать на этом торжестве.

Отсутствие Сеголен Руаяль и ее детей воспринято очень

плохо. Пресса взваливает на меня ответственность за это решение. В несчетных статьях меня обвиняют в том, что это я устранила мать детей президента. И никто не замечает, что мои дети, мои близкие тоже отсутствуют на церемонии, а Франсуа ни разу, ни единым словом не вступился за меня и не объяснил, что это было его и только его решение. Сами дети Франсуа знают правду. Но на каждом этапе этого процесса возникает новая медийная история, с выводами, основанными на ошибках или недоразумениях. Эта смесь реальности и мелких отклонений от истины создает медийную фикцию, с которой невозможно бороться. Растиражированная, многократно повторенная, она выглядит как неоспоримая правда. Пресса начинает создавать целый роман с главной героиней, якобы изображающей Валери Триервейлер, хотя я никак не могу признать в ней себя. Первая леди страны не имеет права голоса и не может защищаться.

Я встречаюсь с работниками протокольной службы, которые объясняют мне с планом в руках, как будет проходить церемония. Все расписано по минутам, тщательно изучено, подготовлено. Я начинаю осознавать исключительный характер этого события. И чувствую приближение стресса.

Наступает канун знаменательного дня. Мы почти не видимся. Франсуа по-прежнему разрывается между политическими проблемами, время не терпит, ему нужно ежедневно принимать десятки решений. Мои проблемы куда легче – например, как одеться для этой церемонии. Мне хочется, чтобы мой наряд был простым и строгим. Я никогда не носила платья от известных кутюрье, которых полно во Франции, и мне даже в голову не приходит обратиться к кому-нибудь из них.

Прошу о помощи Амора – стилиста, который одевал меня для телевизионных выступлений и до сих пор является моим добровольным советчиком. Мы с ним выбираем модель от *Georges Rech*, к этой фирме я давно привыкла. Но над моим платьем нужно еще поработать – добавить рукава, удлинить. Накануне вечером я его примеряю. Оно сидит не так, как мне бы хотелось, а на переделки осталось очень мало времени. Но Амор успокаивает меня: к завтрашнему утру все будет готово.

Ночь мы провели беспокойно, спали мало. Завтра Франсуа будет официально объявлен седьмым президентом Пятой республики. Утром мы собираемся на церемонию в разных комнатах. Оба проходим через руки стилиста, визажиста, парикмахера, словно идем в мэрию заключать брак. Этот вопрос – о браке – нам уже задавали сотни раз, но сегодня у меня такое ощущение, что предстоящее торжество куда важнее похода в

мэрию. Я чувствую, как нерасторжимо связаны мы с Франсуа. Могла ли я тогда представить себе, что́ произойдет через девятнадцать месяцев?! Это невообразимо – ведь мы столько всего пережили вместе, наш союз был так прочен…

Мне нужно выйти из дому на несколько минут раньше его. Показываюсь ему уже при полном параде. Он рассыпается в комплиментах, и я уверена, что они искренни. Любящая женщина всегда знает, когда ей удалось приятно поразить мужчину. Франсуа смотрит на меня сияющими глазами. Не одобряет только одно – мои высокие каблуки; он терпеть не может выглядеть ниже меня. Последний поцелуй – и я покидаю квартиру. Наши взгляды говорят больше, чем слова. Как и в те минуты, когда он хватает меня за руку и крепко стискивает ее. Я знаю, что это означает.

Сажусь на заднее сиденье “моей” новой машины. Отныне меня везде и всегда будут сопровождать, кроме шофера, два офицера службы безопасности (неделю одна пара, неделю другая). Трудно описать мои чувства в тот момент, когда автомобиль проезжает в ворота Елисейского дворца. Я часто бывала здесь в качестве журналистки. И теперь просто в себя не могу прийти от сознания, что стала первой леди страны, оказалась в этой странной представительской роли без статуса, но такой важной в глазах французов! Многие считают, что я не могу претендовать на эту роль, поскольку мы не женаты. И я, конечно, неосознанно прониклась этим убеждением.

Меня поражает несчетное количество фотографов. Я прохожу по красной дорожке, слыша со всех сторон возгласы: “Валери!”, “Мадам Триервейлер!”. Несмотря на дикое напряжение, заставляю себя несколько раз улыбнуться. Это нелегко: мне всегда сложно было выглядеть естественно перед объективами. Я не люблю и не умею сниматься.

Однако в толпе фотографов я замечаю несколько знакомых лиц. За двадцать лет работы в “Пари-Матч” я познакомилась со многими своими собратьями по ремеслу, с некоторыми вместе делала репортажи. Но на сей раз ситуация совсем другая. Теперь их интересует не коллега-журналистка, не приятельница, а гражданская жена Франсуа Олланда, первая леди страны.

Я преодолеваю этот этап, почти не сознавая происходящего, не обращая внимания на эти образы, которым суждено остаться в истории и которые на протяжении десятилетий, при каждом избрании нового президента, будут показывать снова и снова. Волнение вспыхивает во мне, когда я вижу подъезжающую машину Франсуа, слышу скрип гравия под ее колесами. И смотрю

на него – совсем другими глазами.

Николя Саркози принимает Франсуа, я же тем временем беседую с Карлой. Мужчины, давно уже знакомые друг с другом, уходят в президентский кабинет для церемонии передачи власти, ядерных кодов и секретных досье. Потом Франсуа расскажет мне, что сама эта процедура между бывшим и нынешним главами государства прошла необычайно быстро. Основной сюжет разговора – личные проблемы. Николя Саркози объяснял ему, насколько болезненным весь этот период был для Карлы, которая тяжело переносила вторжения СМИ в их частную жизнь и злые сплетни на их счет. Он признаётся, что был вынужден заказать специализированным компаниям разработку изменений в алгоритмах поисковиков в интернете, чтобы в ответах на запросы первыми выдавались благоприятные статьи, а всякие мерзости, которые циркулируют в сети, не попадались его жене на глаза.

В это время Карла показывает мне “крыло мадам” – ту часть Дворца, которая отведена мне. Это великолепный кабинет, салон Папоротников, бывшая спальня Каролины Мюрат, выходящая окнами прямо в сад, – просторная, светлая комната с цветастыми обоями, которые придают ей женственное очарование. На стене две картины Юбера Робера, живописца XVIII века; потом я узнаю, что раньше они украшали спальню Франсуа Миттерана. На другой стене портрет Людовика XV. Эта комната была переделана в кабинет Сесилией Саркози – до ее развода с президентом. А Бернадетт Ширак предпочла более темное помещение, выходящее на Фобур-Сент-Оноре, – там разместится будущий начальник моего секретариата Патрис Бьянкон, единственный человек, за назначение которого я ходатайствовала перед президентом.

Карла говорит, что она заглядывала сюда всего два-три раза. Мы с ней располагаемся в соседнем салоне, который один из моих сыновей назовет потом “салоном Каддафи” из-за зеленых диванчиков и штор. И заводим беседу, искреннюю и откровенную. Я не испытываю к ней никакой антипатии. Напротив. Даже купила когда-то ее первый диск, который мы с моим бывшим мужем слушали по многу раз.

Вот уже много месяцев, как мы, еще не будучи знакомыми, заключили “пакт о ненападении”. Я полагаю, что в политических баталиях, как и во время войны, недопустимо нападать на женщин и детей. Карла Бруни-Саркози никогда не осуждала меня публично, и я тоже не критиковала ее. Она объясняет, как тяжело дался ей период президентства Николя, и признается со слезами на глазах:

– Я не должна так говорить, но я счастлива, что все это закончилось. Для вас-то это пройдет легче, ведь журналисты – ваши друзья.

На это я отвечаю, что все не так-то просто.

Она продолжает:

– Вот только боюсь, что без политики мой муж потеряет смысл жизни.

Я знаю Николя Саркози больше двадцати лет. В 90-х годах я брала у него интервью, да и потом виделась с ним довольно часто. В последний раз это было вскоре после его избрания, в июне 2007 года. В тот день я сопровождала, по поручению "Пари-Матч", делегацию Канады во главе с генерал-губернатором Микаэль Жан в Нормандию, где госпожа губернатор должна была посетить кладбище канадских солдат. Мы уже прибыли на место, и тут приезжает Николя Саркози. Он здоровается с каждым из членов делегации и, дойдя до меня, бесцеремонно спрашивает:

– Ну, как дела? Разобралась наконец со своими проблемами?

Это был как раз тот период, когда Николя Саркози одержал победу на выборах, наша жизнь с Франсуа стала предметом бурного обсуждения в СМИ, а Сеголен Руаяль, узнав об этом, заявила: "Я попросила Франсуа Олланда покинуть наше семейное гнездо". Отвечаю ему намеренно церемонным тоном:

– Все хорошо, благодарю вас, господин президент.

Он принимает мое "выканье" за признак обиды, тогда как я попросту уважаю субординацию. И продолжает в том же духе, на что я отвечаю все так же сдержанно.

Некоторое время спустя позволяю себе пойти на новогодний прием для журналистов, который каждый президент, по сложившейся традиции, дает сразу после Нового года. На дворе январь 2008-го, мои отношения с Франсуа Олландом стали достоянием общественности. Мы были близки уже более двух лет, но скрывали это до конца президентских выборов, главным образом желая пощадить Сеголен Руаяль. Однако теперь наша связь перестала быть тайной. Я смотрю на некоторых своих коллег, сторонников левых: они дерутся за честь пожать руку Николя Саркози. Я в этом не участвую. По окончании приема стою в очереди в гардероб, чтобы взять пальто, он идет мимо, возвращаясь в свой кабинет, замечает меня, подходит и шепчет на ухо:

– А я видел в "Вуаси" твои шикарные фотки.

Значит, президент успевает еще и читать желтую прессу… Я знаю, что папарацци засняли Франсуа и меня во время нашего "новогоднего медового месяца" на одном из островков

Таиланда[26].

Словом, мне хорошо знакомо это “политическое животное” – Саркози. И когда Карла говорит о том, что без политики он потеряет смысл жизни, я ей отвечаю:

– Вы, конечно, хорошо знаете своего мужа, но я тоже знакома со многими политиками такого уровня, поскольку живу с одним из них. Эти люди никогда не смогут бросить политику.

Я всегда была уверена, уверена и сейчас, что Саркози, несмотря на все свои заверения, обязательно выставит свою кандидатуру на выборах 2017 года. Он слишком сильно жаждет реванша.

А пока мы продолжаем беседовать почти как подруги. Карла признается, что хочет, но не может сбросить несколько лишних килограммов, однако сегодня одержала маленькую победу, втиснувшись в свой любимый брючный костюм. Рассказывает, сколько страданий вынесла из-за нападок в интернете. Ее глаза то и дело увлажняются слезами.

По моей просьбе она показывает фотографии своих детей.

– Вот эта настоящая Саркози, такая же обжора!

Время пролетело незаметно. Наша встреча длилась тридцать восемь минут. Мы с Карлой могли бы болтать и дольше, но Жозе, которому предстоит знакомить меня с правилами протокола, как он делал это для Бернадетт Ширак, Сесилии Саркози и Карлы Бруни-Саркози, прерывает нас, объявив, что оба президента уже завершили свою встречу.

Мы выходим к ним в холл. Саркози приветствует меня несколькими любезными словами. И в свою очередь говорит, насколько жизнь президента трудна для его близких. Мы выходим все вчетвером на крыльцо. Естественно, я обнимаю Карлу, Франсуа пожимает руки им обоим. Он не провожает экс-президента до его машины.

Полемика по поводу этого афронта в отношении предшественника не заставит себя ждать. Но я знаю Франсуа. Он не очень хорошо осведомлен о правилах, принятых на высшем уровне. Ему понадобится время, чтобы привыкнуть к протоколу. Кроме того, он спешит. Он ждет не дождется главной церемонии – официальной инаугурации. Кстати, на меня он тоже не обращает внимания – поворачивается и уходит.

И вот мы в парадном зале, где Франсуа будет вступать в должность президента, получив из рук председателя Конституционного совета цепь Великого магистра ордена Почетного легиона[27]. Я сажусь справа от него, чуть позади.

Никак не могу сосредоточиться на его речи, которую до этого не читала.

На фотографиях того дня у меня какой-то отсутствующий вид – все это по-прежнему кажется мне нереальным. Сегодня я могу вспомнить только отдельные фразы – два года спустя они приобрели совсем другой смысл. “Доверие – вот что должно стать нашим идеалом”, “Государственная власть в стране будет осуществляться достойно”. В этот момент Франсуа производит сильное впечатление. Он выглядит надежным и волевым. Он органичен в своей роли, в своей должности, в своем костюме. И я горжусь тем, что я рядом с ним, горжусь, что тот, кого я люблю, поднялся на такую высоту, куда и должна была привести его судьба, хотя никто в это не верил.

Но вот речь окончена. Он направляется к представителям органов власти и к гостям. Главный протоколист знаком велит мне следовать за ним. Как и президент, я пожимаю протянутые руки. Большинство лиц мне знакомо, я встречала этих мужчин и женщин во время своих интервью. Здесь также и близкие друзья.

Оказывается, это страшное кощунство! С того самого вечера вся пресса и некоторые советники президента неустанно попрекают меня тем, что я посмела приветствовать этих высокопоставленных чиновников, руководителей или представителей французских органов власти. Моя роль заключается вовсе не в этом, тотчас напишут газеты. Такого никогда еще не бывало. Но ведь я подчинилась правилу, указанному в протоколе. Просто не подготовилась, не разузнала заранее, действительно ли это принято или нет. Мне кажется, что в такой ситуации более уместно поздороваться, пожать руку, чем воздержаться от этого. Вот поистине неразрешимая дилемма. Если я приветствую гостей, меня упрекают в том, что я себя вообразила бог знает кем. Если не приветствую, критикуют за холодность и высокомерие. Что же делать? Впоследствии я довольствуюсь тем, что иду на метр-два позади Франсуа, кивая гостям, а иногда и улыбаясь в знак приветствия.

Сумасшедший день. Как, впрочем, и погода. Когда Франсуа подъезжал к Елисейским Полям в своем открытом “ситроене-DS5”, специально выпущенном для этого случая, хлынул проливной дождь. Он отказался от зонта. Я выехала на несколько минут раньше, чтобы дождаться его около площади Звезды. Несмотря на небесный потоп, эти минуты, когда Франсуа ехал по Елисейским Полям, стали для меня одним из самых сильных впечатлений того дня. Они отсылают к стольким другим легендарным образам!

Дрожа, я пытаюсь хоть как-то укрыться от ливня под

Триумфальной аркой. Холодные струи и ветер налетают со всех сторон. Мне приходится придерживать полу платья, которая то и дело норовит отлететь вбок, – не хочу дарить такой прекрасный кадр фотографам! Кстати, позже, когда президент отдавал дань памяти Жюлю Ферри[28] в саду Тюильри, именно так и случилось…

После церемонии у Вечного огня президент – теперь уже полноправный – идет приветствовать толпу. Согласно протоколу, мы должны вместе проехать в его машине по Елисейским Полям в обратном направлении. Я растерянно гляжу, как он удаляется, не дожидаясь, пока я пожму руки людям. Как же мне поступить? Остаться на холоде, в одиночестве, как последняя идиотка? Машина медленно следует за ним. Никто не подсказывает мне, что делать. Пытаюсь нагнать “ситроен”, пока обо мне совсем не забыли… Мое влияние на него поистине “огромно”! По возвращении в Елисейский дворец мне приходится больше десяти минут убеждать его сменить костюм перед обедом. Сказать, что он промок, – значит не сказать ничего. Но он артачится. И только когда я ему говорю, что было бы жаль начинать свое пятилетнее правление с простуды, он наконец уступает.

Мы находимся рядом с Салоном портретов, где должен проходить обед; бывшие премьер-министры социалисты и их супруги терпеливо ждут. Идея собрать их всех принадлежит мне. И это мой единственный вклад в организацию сего торжественного события.

Сначала Франсуа хотел позвать своих верных соратников, членов клана “олландистов”. Разумеется, они вполне заслужили приглашение в такой знаменательный день, ведь в предыдущие годы людей, которые его поддерживали, было раз-два и обчелся. Однако я его предостерегла: если новый президент примет у себя “личную гвардию”, его могут заподозрить в покровительстве своему клану, тогда как он смог победить лишь благодаря обещанию объединить вокруг себя всех.

После двух церемоний, посвященных памяти Жюля Ферри, а затем Пьера и Марии Кюри, остается еще прием нового президента в парижской мэрии, такой же волнующий, как и все предыдущее. На площади перед Ратушей собралась восторженная многолюдная толпа. Конечно, немного забавно видеть Франсуа Олланда и мэра Парижа, восседающих в двух огромных роскошных креслах и похожих скорее на королей, чем на республиканцев; позади них сидели первая заместительница мэра и я. Но сколько же дружелюбных лиц вокруг!

Покидая церемонию, Жан-Марк Эро признается мне, как он счастлив, что получил пост премьер-министра. В данном случае Франсуа не колебался ни минуты, его выбор был сделан давно. Он ценит порядочность Эро и не хочет закулисных интриг. У Эро безупречная репутация.

Все расписано по минутам. Мы едем обратно в Елисейский дворец. Наконец-то нам удастся осмотреть помещения. Я впервые вижу президентский кабинет, где никогда не бывала, даром что семнадцать лет занималась политической журналистикой. Зато мне был знаком соседний зеленый салон, служивший кабинетом Жаку Аттали во времена президентства Миттерана. И в этой же комнате проводились брифинги Жака Ширака. На некоторых из них я побывала – главным образом перед официальными визитами. Но войти в президентский кабинет вместе с Франсуа… даже выразить не могу, как я взволнована! Это непередаваемо!

Мы обходим несколько других служебных помещений. Затем нас ведут в личные апартаменты. Карла уже сказала мне по этому поводу: “Вам будет там хорошо, я все переделала”.

Это и в самом деле прекрасная квартира, просторная и… безликая. Но это не имеет значения, в любом случае мы решили по-прежнему жить на улице Коши. Я еду туда в тот же вечер, после встречи с дворецкими. Но в нашей квартире я оказываюсь одна: Франсуа улетел в Берлин, где запланирован ужин с канцлером Германии Ангелой Меркель.

И вот, сидя “у нас”, измученная и взбудораженная, я перескакиваю с одного телеканала на другой, отсматривая кадр за кадром съемки этого фантастического дня. Внезапно вижу сообщение о том, что в самолет Франсуа ударила молния и ему пришлось вернуться в Париж. Франсуа пересаживают в другой “Фалькон”, и он снова улетает. Мне чудится, будто эта молния ударила в меня. От Франсуа – никаких сообщений. Проходит минут пять, и мне звонит из Елисейского дворца генеральный секретарь. Мы едва знакомы, но я сразу почувствовала, что это вполне доброжелательный человек. Он сообщает, что с Франсуа все в порядке. А вот со мной – нет. Я не понимаю, почему Франсуа сам не позвонил мне, чтобы успокоить. Даже эсэмэски не прислал. Значит, отныне между нами встанут посредники и нашей неразрывной связи пришел конец? Значит, теперь он будет всецело поглощен своей новой жизнью, раз у него не нашлось ни единой мысли обо мне, раз он не способен представить себе мою тревогу в такой ситуации?

К счастью, я заранее решила провести вечер у друзей, чтобы не оставаться одной в этот исключительный день. У них собралось человек десять, не больше; все танцуют и веселятся. А я борюсь с ощущением, что это похороны моей жизни – не девичьей, а жизни свободной женщины. Напряжение прожитого дня постепенно спадает.

В результате мы с Франсуа возвращаемся домой примерно в одно и то же время, около двух часов ночи. Он коротко рассказывает мне о своих первых впечатлениях от Ангелы Меркель, о том, что инцидент с самолетом был сущим пустяком, – поэтому он и не стал меня беспокоить. И мы оба вспоминаем об одном и том же – о страхе, пережитом нами в 2004 году. Это случилось во время региональных выборов. Тогда я была всего лишь журналисткой, сопровождавшей в Бретань первого секретаря Социалистической партии. Мы летим туда на стареньком самолетике, в ужасную погоду. Чем дальше, тем сильнее дует встречный ветер. Самолет трясется как припадочный, и пилот медлит с посадкой. Франсуа уговаривает его рискнуть. В тот день меня посетила мысль, что когда-нибудь мы умрем.

Впоследствии мы часто говорили о том дне, о той минуте, когда могли погибнуть, так и не полюбив друг друга. И сейчас, в два часа ночи, после бурного дня инаугурации, снова вспоминаем тот миг. У нас с ним разное отношение к смерти. Франсуа безумно боится ее. Он из тех мужчин, что строят свою судьбу в надежде избежать удела большинства смертных. Хочет оставить в жизни такой след, чтобы попасть в книги, в историю, любым способом спастись от забвения. И таким образом достичь бессмертия. Он не желает говорить о смерти, всеми силами избегает общения с безнадежно больными, с умирающими. Он их боится. Как боится и тех, на кого обрушилось несчастье, словно оно заразно.

Я обнаружила это во время избирательной кампании 2007 года, когда узнала о тяжелой болезни его матери: он просил меня позвонить ей – вместо него – и справиться о ее самочувствии. Он избегает плохих новостей, для него это тяжелый шок.

В то время я была знакома с его матерью Николь только по телефону. За несколько лет до этого мне нужно было написать для “Пари-Матч” биографическую статью о Франсуа. Он рекомендовал ей меня, и она согласилась рассказать о сыне. Между нами сразу возникли доверительные отношения, она охотно говорила о нем. В той статье я написала, что Франсуа

Олланд “ненормально нормален”…

В 2006 году он просил меня позвонить его матери и… посвятить ее в историю нашей любви. Сам он не осмеливался на такое признание. Это особый момент в жизни! Разговор проходит хорошо. Николь счастлива счастьем сына, тем более что ее отношения с Сеголен Руаяль в эти годы не всегда были безоблачными. В течение всей кампании 2007 года я звоню ей почти ежедневно.

Летом того же 2007 года я встречаюсь с его родителями. Они принимают меня с распростертыми объятиями. Однако болезнь Николь неумолимо прогрессирует. И чем хуже ее здоровье, тем труднее Франсуа заставить себя позвонить матери. Мы ездим к ним в Канны на выходные. Конец ее жизни ужасен. Ей ничем нельзя помочь, остается лишь ждать неизбежного конца.

Николь много раз подолгу лежала в больнице, но теперь находится дома. Филипп, старший брат Франсуа, проводит ночи у постели матери. Мы сменяем его, когда приезжаем, но это ничтожная помощь в сравнении с тем, что ему приходится выносить в будние дни. Мы спим в комнате Николь, рядом с ней. Хотя какой там сон, – мы лежим, слушая ее хрип и спрашивая себя при каждом ее вздохе, не последний ли он. Она иссохла вконец, кожа растрескалась.

Франсуа просит меня смазать ее увлажняющим кремом: стыдливость мешает ему сделать это самому, он не может заставить себя прикоснуться к телу, которое его выносило. Я исполняю его просьбу, и он говорит:

– Я никогда тебя не брошу, ты так заботишься о моей матери.

Эти слова трогают меня, но и удивляют. Для меня вполне естественно заботиться о матери человека, которого я люблю. Я чувствую неразрывную связь между этими двумя существами.

Однажды Филипп звонит нам и просит приехать как можно скорее. Он убежден, что конец близок. Насколько я помню, это было в среду. Но Франсуа занят, он решает дождаться субботы, а заодно уговорить своих детей в последний раз навестить бабушку. Двое из них соглашаются – при условии, что меня там не будет. Официальный разрыв их родителей произошел всего несколько месяцев назад, и рана еще слишком свежа. Что ж, я устраняюсь, уступив им место.

Рано утром в субботу звонит телефон. Николь скончалась. Слышу в трубке рыдания Филиппа. Франсуа тоже плачет. Дети отменяют свою поездку, и теперь я могу сопровождать его, чтобы поддержать у смертного одра матери, которую он так любил. А

через три дня меня не допускают на кремацию: дети Франсуа наконец-то выбрались в Канны.

Никогда не забуду лица Франсуа, когда он вернулся на улицу Коши. Он предупредил, что привезет урну с прахом матери: она будет захоронена на парижском кладбище. Я покупаю пять букетов белых цветов и расставляю их на комоде, который нам подарила Николь, вокруг ее фотографии. Это нечто вроде алтаря, где ее урна будет стоять два дня, в ожидании погребальной церемонии. Франсуа звонит в дверь. Коробка с урной лежит в обыкновенном целлофановом пакете из супермаркета. Невозможно описать его лицо – я никогда ни у кого не видела такого выражения. Искаженное… нет, это слишком слабо сказано. Он выглядит как человек в шоке, убитый, опустошенный.

Его очень тронули приготовленные мной цветы. На следующий день мы вместе едем организовывать похороны, встречаемся со священником, определяем место захоронения на кладбище Сент-Уан. Я пока еще не знаю, разрешат ли мне присутствовать на этой церемонии. До сих пор дети Франсуа отказывались встречаться со мной.

Не смею задать этот вопрос Франсуа: боюсь, что меня снова отстранят, что я не смогу быть в этот момент рядом с ним. Но поскольку сам он молчит, мне приходится заговорить с ним на эту тему. Как всегда, он выражается уклончиво. Только и говорит, что для него было бы вполне естественно, если бы я там была. Итак, мое присутствие продолжает создавать проблему для его детей. Их приезд стоит под сомнением до последней минуты. Войдя в церковь, Франсуа говорит мне:

– Семья будет там, слева, а ты сядь с правой стороны.

Значит, наша пара к семье не относится? Для меня это жестокий удар. Но речь идет о похоронах его матери, и я не имею права ставить его в неловкое положение. Таким образом, я сижу одна в правой половине церкви. Франсуа выходит, чтобы встретить детей. А я не могу понять, как мне себя вести. После нескольких долгих минут он возвращается с ними, со всеми четырьмя, печальный и в то же время счастливый. Он скорбит о матери, но бесконечно счастлив, что его дети здесь, что они согласились войти в церковь, невзирая на мое присутствие. По окончании церемонии он игнорирует меня, не знакомит с ними. Я сама подхожу к ним, чтобы выразить сочувствие. Они не отталкивают меня. Старшая дочь даже соглашается прийти на поминальный обед на улицу Коши, вместе с другими, дальними родственниками Франсуа, которых я до сих пор никогда не видела. Этот печальный день станет началом примирения.

В эти траурные дни меня живо трогает горе Франсуа. Я, мать троих сыновей, потрясена тем, что мужчина пятидесяти семи лет так остро переживает смерть матери. И в то же время я инстинктивно чувствую, что отныне он будет ощущать себя избавленным от проницательного взгляда, от суждений матери, которых всегда страшно боялся. А ведь как она его любила! И при этом никто не ставил его перед таким беспощадно правдивым зеркалом, как она. Смерть родителей выдвигает нас на передний край, оставляя каждого наедине со своим уделом. Она для нас и горе, и освобождение.

Но это не мешает Франсуа в день своего избрания вспоминать о Николь – в первую очередь о ней. Каждый год, при тайном содействии его секретарши, я записываю назначенный час в его органайзере и покупаю цветы. Мы едем на кладбище рано утром, когда ни один папарацци не может испортить нам этот момент. Всякий раз, приезжая туда, я оставляю его одного перед могилой той, что подарила ему жизнь и, более того, радость жизни.

О чем он думает в такие минуты? Наверняка о том, что всем обязан ей. О том, как ему не хватает ее присутствия в судьбоносные моменты его жизни. Я вспоминаю наши долгие беседы с Николь в начале ее болезни; она говорила о том, какие надежды возлагает на наш союз. И произнесла тогда чудесную фразу:

– Мне пришлось ждать больше пятидесяти лет, когда же мои сыновья наконец так пылко влюбятся.

В то время Филипп тоже вторично женился – на Каролине.

Умирая, Николь сказала:

– Я ухожу счастливой, потому что мои дети сами счастливы.

И в день, когда Франсуа стал президентом, он, конечно, думал о ней.

После такого безумного дня нужно поспать. Начиная с первого тура выборов наши ночи были так коротки, дни так загружены, что мы оба падаем от усталости. И это не считая обычной бессонницы, не всегда одновременной. Франсуа просыпается каждую ночь еще со времени праймериз. Его сон с тех пор полностью нарушен. Он, который ни с кем не делится своими страхами, по ночам дает им себя захлестнуть. Во-первых, он боится проиграть. Во-вторых, боится ответственности в случае победы. В-третьих, знает, что любое внешнее событие может повлиять на результат. Словом, ни в чем нельзя быть уверенным до наступления дня *Х*.

* * *

В конце мая 2014 года прошел злополучный опрос по поводу кандидатов в президенты на выборах 2017 года: Франсуа Олланд получил 3 %. Он снова стал объектом всеобщих насмешек, как четыре года назад. Эта пустая трата времени и денег показалась мне крайне нелепой, а попытка утопить Франсуа всерьез разозлила. Конечно, это мое личное дело, но помимо всего прочего оказались задеты мои чувства французской гражданки, исповедующей левые взгляды. Как он дошел до такого? Как вышло, что он получил всего 3 %? Словно пузырьки на воде, стали всплывать воспоминания.

С чего началось, к тому и вернулось: когда он готовился выставить свою кандидатуру на президентских выборах, в него тоже никто не верил. Только он сам считал, что сумеет победить. А я готова была следовать за ним куда угодно. Началось все одним ноябрьским утром 2010 года: одеваясь в нашей спальне, он сказал мне, что выдвигает свою кандидатуру.

Мы старались не касаться этой темы. Я знала, что он поставил перед собой определенную задачу. О том, что предстоит, если и упоминалось, то именно так – как о “задаче”. Слова “президентские выборы” никто из нас не произносил. Франсуа словно стыдился своих честолюбивых замыслов. Табу было нарушено лишь раз. Мы ехали на моей машине по улице Фобур-Сент-Оноре, за рулем сидел он. К моему крайнему изумлению, когда мы проезжали мимо Елисейского дворца, он произнес:

– Посмотри, вот наш дом.

Я расхохоталась – он вообще часто меня смешил! Умел пошутить, в том числе и над собой. Но в то ноябрьское утро все было по-другому: в его глазах я не заметила ни искорки озорства. Он был серьезен, спросил, что я об этом думаю. Впервые за все время. И я сказала, что думаю:

– После того, что произошло в две тысячи втором и в две тысячи седьмом, у тебя нет права на ошибку. После провала Сеголен Руаяль ты должен задать себе только один вопрос. Или ты уверен, что ты лучший, – и тогда идешь до конца, или нет – и уступаешь место другому.

Он ответил не задумываясь:

– Я лучший.

– В таком случае у тебя действительно есть шанс победить.

Мы продолжали это обсуждать. Он ничуть в себе не

сомневался. Всегда был уверен в том, что одолеет другого кандидата от Социалистической партии, Доминика Стросс-Кана, хотя рейтинги у того зашкаливали. Сказал, что Сеголен Руаяль ни за что не станет кандидатом, если он пойдет на выборы. Тогда, в 2007 году, он просто позволил ей выйти на первый план. На сей раз его очередь. Уж е два года, соблюдая строжайшую тайну, он над этим работает. Он начал с нижней ступени. В 2008 году, после злосчастного съезда в Реймсе, Франсуа был полностью дискредитирован. Президентская гонка была проиграна, Сеголен заявила, что это он во всем виноват. Как всегда, кого-то должны были назначить виновным, и этим виновным стал он. Всем хотелось перевернуть страницу и забыть об Олланде. Одиннадцать лет во главе Социалистической партии – пора и честь знать!

Перед самым съездом меня осенила идея: надо кое-что сделать и для себя, и для него. Я купила новую машину. Пошла к автодилеру и поменяла старушку “рено-клио” на новенький “меган”. Мне не терпелось получить новую машину прямо сейчас, я даже цвет не выбирала. Взяла, что было на складе. Я даже к покупке носков подхожу обстоятельнее… План созрел. Мне хотелось, чтобы он ушел с гордо поднятой головой. Хотелось, чтобы мы ушли вместе, чтобы все увидели, как мы садимся в новенькую машину – символ новой жизни, нового старта. Короче, чтобы он признал, что мы супруги.

В последний момент он отверг мой план. Атмосфера на съезде сгущалась. Разгорелась схватка, перешедшая в психодраму, между претендентами на главную роль в партии: Мартин Обри, Бертраном Деланоэ и Сеголен Руаяль. Все обвиняли друг друга в подтасовках. С преемниками Франсуа явно не повезло. В конце концов верх одержала Мартин Обри – но какой ценой! В Соцпартии царил полный разброд. Франсу а решил покинуть заседание незаметно, через служебный вход, без камер и журналистов. Я заехала за ним, куда он сказал. Туда, где никто бы не увидел, что он уехал со мной…

Следующие два года были лучшим временем нашей совместной жизни. В прессе его называли неудачником, исчерпавшим себя, конченым для политики. Мне он казался не таким, как прежде. Три дня в неделю он проводил в Коррезе, остальные мы были вместе. Я носа не высовывала из своей конуры в “Пари-Матч”, держась подальше от политической журналистики. У Франсуа стало немного больше свободного времени, теперь его уже не ждал у порога шофер. Мы жили на

улице Коши, в квартире, которую он выбрал сам. Мы не торопясь ее обставляли, обживали и “занимались нами”, как он говорил. Как будто все остальное не имело никакого значения. Он часто повторял: “Устроим себе приятную жизнь”.

Каждая минута по-своему важна. Франсуа, тот Франсуа, которого я тогда безумно любила, был создан для счастья. Он не любил ни спорить, ни ссориться, как это случается между любовниками, – ему не нравилось ничего, что может испортить день, час, миг. Для него жизнь бесконечно драгоценна!

Он, как никто другой, умел перевести размолвку в шутку и с помощью капли юмора вернуть жизнь в правильно русло. Он умел рассмешить меня даже тогда, когда мне совсем не хотелось смеяться. Ему было присуще потрясающее качество – видеть во всем только хорошее. Он наслаждался жизнью с безграничным оптимизмом и непостижимым образом умел заражать этим других.

В то время мы вдвоем отправлялись навстречу приключениям, слушая в машине любимые диски. Он ухитрялся прямо за рулем танцевать сиртаки под песни Далиды. Просто чтобы рассмешить меня, и я смеялась так, как никогда в жизни не смеялась. В те дни мы хотя бы на один день в неделю отправлялись куда-нибудь поваляться на травке. Я показывала ему те места, где он раньше не бывал, – берега Луары и мой родной край. Он тогда впервые открыл их красоту. Благодаря мне он, прежде буквально молившийся на Средиземноморье и раскаленное южное солнце, полюбил Атлантику и могучее дыхание приливов. Мы с ним заезжали в деревни его депутатского округа, катались по землям Ло, утопавшим в золотом свете.

Помню наш первый отпуск в 2007 году: мы провели незабываемые дни на юге Франции и в Италии. В последующие годы мы ездили в Испанию и в Грецию. В Афины, а перед этим на Скирос, Миконос, на Парос. Мы, словно подростки, взяв напрокат скутеры, носились без шлемов, изъездив эти острова вдоль и поперек. Часто даже не знали, где остановимся сегодня на ночлег.

Тогда Франсуа еще умел бездумно тратить время. Мы понимали друг друга с полуслова, ему ничего не стоило меня развеселить. Или вызвать у меня панику: однажды, заехав в какую-то глушь, он вдруг обнаружил, что бензин на исходе. Я доверяла ему, он мог завезти меня куда угодно, я бы все равно последовала за ним. Единственное, что мне тогда было нужно, –

это быть с ним, где б он ни находился.

Наши тогдашние чувства ни с чем не сравнимы, они навсегда останутся с нами. Навечно. Мы могли неделями быть только вдвоем – и не скучали ни минуты. Он мне часто говорил: “Я тебя люблю, потому что ты смешная”. Надо сказать, потом по мне это не очень-то было заметно. Уверена, что именно в те дни он накопил сил для того, чтобы преодолеть все препятствия, выраставшие у него на пути.

Еще я возила его по городским окраинам, которые ему, депутату от сельского округа, были мало знакомы. Он надевал кепку и темные очки, и мы заходили в дешевые магазины, где товары с истекающим сроком годности продают со скидкой, вывалив их на поддоны.

Мне хотелось, чтобы он был в курсе повседневной жизни, обычной для многих французов, тех, что считают каждый евро и не знают, как дотянуть до зарплаты. Чтобы это знал человек, который предпочитает отказаться от еды, если она приготовлена не из самых лучших продуктов, который не станет есть никакую другую клубнику, кроме вкуснейшей “гарригет”, не притронется к картошке, если ее не привезли из Нуармутье. Человека, который отправляет в помойное ведро мясо из вакуумной упаковки.

Он так мало смыслил в том, что и сколько может стоить! Не раз я становилась свидетельницей того, как он при виде умопомрачительных ценников на продуктах или вещах спокойно говорил: “Совсем недорого!”

Я вполне прилично зарабатываю. Хотя мои расходы, особенно на детей, довольно весомы, финансовое положение у меня прочное. Но ни при каких условиях я не позволю себе купить товар, цена которого кажется мне слишком завышенной. Мы с Франсуа родились и выросли в совершенно разных социальных условиях. Он надо мной мило подтрунивал, называя Козеттой. Ему было невдомек, как это – не хватает денег. Он даже вообразить такое не мог, потому что никогда ни в чем не нуждался. Ему подавай только лучшее, и ничего кроме лучшего. Он всегда любил дорогие рестораны, а мне больше нравились скромные бистро, он предпочитал большие отели, а я чувствовала себя уютно и в маленькой гостинице.

Между тем его нельзя назвать прожигателем жизни. Он не обращал внимания на то, как выглядит, мог покупать носки и рубашки в обычном супермаркете. Когда Сеголен Руаяль в июне 2007 года, после официального расставания, велела ему забрать

вещи и перенести их в штаб-квартиру партии, я решила перебрать чемоданы. И отдала в “Эммаус”[29] почти все, включая черный бархатный костюм, любимый, а потому сильно потертый, а также кожаные куртки. Рубашки были отправлены в ссылку в дальний угол шкафа. Мы пошли и купили новую одежду.

Спустя три года, когда он похудел на пятнадцать килограммов, мне пришлось снова проделать ту же процедуру. Я отдала все его костюмы, все рубашки. Сегодня он смог бы носить их снова, поскольку набрал вес. Впрочем, поздно говорить об этом: теперь другие люди ходят по Парижу в одежде из “Эммауса”, не ведая, что еще недавно она принадлежала президенту Французской Республики.

С тех пор как я разбирала сложенные Сеголен Руаяль чемоданы с его костюмами, прошло семь лет. Настал и мой черед набивать его вещами коробки и чемоданы: они отправляются в Елисейский дворец. “Каждый вернулся сам по себе / В водоворот жизни”, – пела Жанна Моро[30].

Я влюбилась в него, когда он был всего лишь объектом насмешек, получившим по результатам социологического опроса всего 3 %. Ныне у него, президента Республики, снова всего лишь 3 %, как в дни нашего счастья. В мае 2014 года, словно желая вернуть прошлое, он то и дело отправлял мне письма с признаниями в любви. Говорил, что я ему нужна. Каждый вечер приглашал меня с ним поужинать. Я знаю, неудачи первых лет президентства привели его в уныние. Разумеется, он трудился не покладая рук семь дней в неделю. Я, как и все, поверила в него, когда он твердо пообещал сократить рост безработицы и даже снизить ее. Видела, как его огорчают неудачи. Но хотя бы в начале президентского срока Франсуа не нарушал обещаний, которые дал во время избирательной кампании. Единственное, в чем наши мнения разошлись, – это закрытие завода в Флоранже. Мы об этом яростно спорили.

Прекрасно помню, как он, взобравшись на крышу грузовика среди толпы рабочих, поклялся, что спасет их предприятие. Я с удовлетворением восприняла предложение министра промышленного восстановления, который выступил за национализацию предприятия.

В экономике я несведуща, но умею видеть и слышать. Я чувствовала, что избиратели не поймут, отчего он так резко поменял мнение. И предупредила Франсуа, что нарушение обещания станет символом его бессилия и вероломства, он возразил, что по-другому нельзя, и точка. Дискуссия была закрыта.

Как быстро все проходит! Сегодня мы уже не спорим. Новая консультантка президента по экономике работала в английском банке, одном из флагманов лондонского Сити. Потрясающие слова из речи Франсуа: “Финансы – мои враги” – давно ушли в прошлое. Его старый друг, министр экономики Мишель Сапен, видимо бросая ему вызов, даже заявил, что “финансы – наши друзья”. Какой спокойный цинизм! Но как во всем этом разобраться избирателям? Прошло два года с момента избрания Франсуа, и я чувствую, что он растерян, что порой плутает в темноте. Метаморфоза совершилась. Не та, которой мы ждали. Страница перевернута, и он это знает.

Нуждался бы он во мне, если бы его рейтинг не просел так низко? Он пишет, что вот-вот потеряет все. Но что он не хотел бы терять последнее – меня.

Пять дней назад я напомнила ему о “юбилее” его заявления о разрыве наших отношений. Ровно четыре месяца назад я испытала страшное унижение! Прошло время, и я осознала, как это больно, но тогда из-за потрясения не чувствовала ничего.

Я знаю теперь, что такое бурная реакция международной прессы. Как-то один знакомый сообщил мне, что узнал о моем разрыве с Франсуа из редакционной статьи в пномпеньской газете. На следующий день другие прочитали истории о том, как я сделалась обманутой женой, в журналах Бангкока, Пекина и Торонто. Я оказалась лицом к лицу с целым миром. Сработал условный рефлекс – самозащита. Но след в душе остался навсегда.

Каждый день ко мне подходят люди на улице, чаще женщины, но немало и мужчин, и говорят мне о “чувстве собственного достоинства”. Мне иногда приходится останавливать их, когда они особенно жестко высказываются о президенте. Однажды после первого тура муниципальных выборов какой-то мужчина заговорил со мной на улице:

– Я все время думаю о вас. Раньше всегда голосовал за социалистов, а теперь вообще на выборы не пошел после того, как Олланд с вами так поступил.

Я ему ответила:

– Может, я злюсь, может, чувствую разочарование. Но я пошла на выборы. И проголосовала за социалистов. Потому что не хочу, чтобы самой влиятельной партией во Франции стал Национальный фронт.

Мужчина посмотрел на меня, помолчал, потом кивнул:

– О’кей, когда будет второй тур, пойду голосовать.

В другой раз школьники лет по двенадцать, не больше, попросили сфотографироваться с ними. Я, как обычно, согласилась. Один из них воскликнул:

– Никогда не буду голосовать за Олланда после того, что он вам сделал!

Я улыбнулась: к выборам 2017 года он будет еще слишком молод, голосовать пойдет только в 2022-м…

Многие рассказывают мне, как расставались с любимыми или как переживали измену. Они говорят, что я сильная, что во многом изменилась, стала менее зажатой, более естественной. Я освободилась от тесных уз протокола, как и от своей безумной страсти. Идут дни, и я уже не в темнице, нет больше ни решеток, ни цепей всепоглощающей любви.

Говорят, что я сильная, но это всего лишь видимость. Уже четыре месяца я пью лекарства. “Мне редко доводилось наблюдать такой сильный шок”, – сказал мне крупнейший врач-психиатр. Несмотря на лечение, я иногда сдаю: какой-нибудь пустяк, незначительная деталь – и чувства против моей воли вырываются на поверхность. Две недели назад я была на свадьбе у друзей. Ко мне подошла молодая женщина, сказала, что приехала из Тюля.

– Знаете, в Коррезе вас очень полюбили.

Я не совладала с собой и расплакалась. Название города напомнило мне о минутах счастья. Мне так приятно, что жители Корреза полюбили меня настоящую, совсем не похожую на ту тщеславную манипуляторшу, какой меня пытались изобразить журналисты.

Время шло, и я все больше злилась на Франсуа: “Как ты мог все испортить? И нашу любовь, и начало президентского срока?” Для меня одно тесно связано с другим. Для него, наверное, тоже. Пытаясь оправдаться, он написал мне: “Я потерялся и потерял себя”.

Дня не проходит, чтобы он не умолял его простить и не предлагал начать все сначала. Но я не смогу, у меня не получится. Боль еще слишком ощутима. Она так же сильна, как любовь, которую я ему дарила.

До самого нашего разрыва я была влюблена в него до самозабвения и готова на все за нежный взгляд, за похвалу, за знак внимания. Я по нему сходила с ума. Со временем к сумасшествию прибавилось упорство. Он изменил мне, и чары рассеялись. Слишком я его любила.

Почему я с самого начала не поняла, что сама загоняю себя в

западню? После ночи в Лиможе адская машина пришла в движение. Почему я не сумела предвидеть, какие великие бедствия вскоре обрушатся на мою голову? Я так долго ничего вокруг себя не замечала, поглощенная этой любовью, которую упорно старалась игнорировать. Когда мы расставались на рассвете, он, ни от кого не скрываясь, проводил меня на лиможский вокзал. Той ночью он признался мне в любви. Он не хотел завоевывать меня. Он хотел, чтобы я его полюбила. Что-то вроде крещендо: когда я сказала ему, что люблю его, он пожелал, чтобы я любила только его, а потом – чтобы любила его так, как никого никогда не любила. Так и получилось. Он получил от меня все, что хотел. Он повелевал мной, был моим господином. И всегда находил меня, даже когда я пыталась бежать, оскорбленная ложью или недомолвками.

Он постоянно твердил, что мы потеряли пятнадцать лет. Я говорила: неправда, такова судьба. Если бы наша история началась пятнадцать лет назад, мы бы, наверное, уже расстались. На самом деле наши отношения и не продлились бы пятнадцать лет… У каждого из нас была своя жизнь. И я горжусь, что мои сыновья похожи на своего отца, что они унаследовали его утонченность.

После Лиможа мы встречались в ресторане, который прозвали “Столик в дальнем углу”. Мы обедали вдали от посторонних глаз, иногда засиживаясь до четырех часов, потому что были не в силах расстаться. Часами говорили по телефону. Нам столько нужно было друг другу сказать, стольким поделиться: если долго сдерживать напор воды, она рано или поздно прорвется наружу.

Приближалась пора летних отпусков. Я призналась мужу, что встретила другого мужчину. Имя не назвала. Он сам вскоре все узнал. Теперь-то я понимаю, какое отчаяние он тогда испытал. С некоторых пор мне известно, до какой степени человек может страдать и от этого сходить с ума.

В конце весны нам с Франсуа удалось урвать кусочек невероятного счастья. Приближался момент отъезда в отпуск с нашими семьями, и мы растерялись. Разлука на целый месяц казалась нам невыносимой! Когда его не было со мной, мне его так недоставало! Он меня околдовал. Мы мечтали сбежать вместе. Не решились из-за детей.

Он сказал, что жил как в аду. Я нашла в журналах его фотографии тех дней: в кругу семьи, счастливая улыбка. Двуличный человек? Нет, я не сомневалась в его чувствах. Никогда еще мужчина так убедительно не доказывал мне силу

своей любви.

В сентябре 2005 года Сеголен Руаяль о нас узнала. И тут же объявила, что собирается участвовать в выборах от социалистов… в интервью, которое дала “Пари-Матч”. Намек вполне прозрачный, однако Франсуа не принял его всерьез. Между тем уже были написаны первые страницы грязного сценария. Охота на женщину началась, и этой женщиной была я. Журнальное начальство, подстрекаемое Сеголен Руаяль, стало давить на меня. Ее сторонники также угрожали устроить мне неприятности. Я испугалась, но Франсуа успокоил меня: он не сомневался, что скоро все уляжется и ее кандидатура на первичных выборах не пройдет. В декабре он предложил мне поселиться вместе. Я отказалась – не была к этому готова. Меня пугала буря, которая после этого поднимется в СМИ. Кошмарные видения преследовали меня. Казалось, будто меня выставили голой на площади и нет никакой возможности куда-нибудь скрыться.

Угрозы становились все более серьезными, в том числе и со стороны руководства журнала “Пари-Матч”. Мы с Франсуа несколько раз пытались расстаться. Разъехаться по домам и вернуться к прежнему образу жизни. Я не хотела брать на себя ответственность за возможные последствия: хоть он и был первым секретарем Социалистической партии, а значит, законным кандидатом от своего лагеря, он не смог бы выдвигаться от социалистов.

Сеголен Руаяль бросила ему вызов публично, чтобы он сдался в приватной обстановке. В этом состязании по армрестлингу ставкой была я. Франсуа не сдался. Чем больше укреплялись позиции матери его детей, тем чаще он говорил, что я ему нужна. И рассказал, как она с ним в открытую торговалась:

– Бросишь эту женщину – уступлю тебе место на президентских выборах.

Ему пришлось выбирать между мной и своим политическим будущим. Мы снова попытались расстаться, и снова безуспешно. Опять приближалось лето. С тяжелым сердцем мы готовились провести отпуск порознь. Я – одна с детьми. Он – в роли счастливого отца семейства. Идеальная семья, первый секретарь Соцпартии, готовый самоустраниться ради карьеры матери своих детей.

Журналисты были без ума от этой увлекательной, как роман, истории, не ведая, что она обернется кошмаром. Маховик раскручивался. Ничто уже не могло остановить Сеголен Руаяль. Она скрывала проблемы в семье, ее терзали гнев и боль, и от

этого ее честолюбие и энергия только возрастали.

Опросы показывали, что ее рейтинг растет. Она возглавила президентскую гонку. Франсуа упрашивал всех друзей ее поддержать, хотя мне говорил совсем другое. Он понимал, что игра окончена и Сеголен победила. По большому счету, для него предпочтительнее была победа Сеголен Руаяль, нежели Доминика Стросс-Кана, Лорана Фабиуса или Лионеля Жоспена, который между тем летом 2006 года попытался вернуться в большую политику.

Я уже собралась отправиться к бывшему премьер-министру и рассказать ему правду. Объяснить, что Франсуа не может выставить свою кандидатуру и вести избирательную кампанию, потому что связан по рукам и ногам личными обстоятельствами. Но удержалась, ведь я журналистка и у меня иная роль. К тому же, как мне казалось, я бы предала Франсуа.

Сеголен Руаяль одержала верх. Я была повержена. И захотела прекратить наши отношения. Мне не хотелось поддерживать распространяемую в СМИ ложь о дружной супружеской паре, которая плечом к плечу идет на штурм Елисейского дворца. Как Билл и Хилари Клинтон. Мне не хотелось становиться персонажем этой пьесы. У меня возникло чувство, будто я снимаюсь во второсортном фильме с заведомо трагическим финалом.

Все столичные политики и представители масс-медиа принялись судачить о нашей связи. Редакционные совещания в “Пари-Матч” превратились для меня в пытку. Едва кто-нибудь заговаривал о паре Олланд – Руаяль, как все поворачивались ко мне. Я не опускала глаза и выдерживала их взгляды. Но чего мне это стоило…

На сей раз я решила окончательно порвать с ним. Последней каплей стала его ложь, одна из многих, но она переполнила чашу моего терпения. Я рассталась с ним и не давала о себе знать три недели. Скрепя сердце. Один наш общий друг выступил в роли посредника и сообщил, что Франсуа несчастен как никогда. Но я держалась… до того момента, когда он подкараулил меня по дороге на рынок воскресным утром. Он поджидал меня несколько часов. И сумел вернуть меня. Мы плакали, смеялись… У него убойная сила убеждения.

Любовь ко мне не помешала ему вести президентскую кампанию Сеголен Руаяль после ее победы на первичных выборах. Он ездил по стране с крохотной кучкой журналистов, в то время как “кандидатка” – так он ее называл – на митингах упивалась

обожанием своих сторонников. Он работал не щадя себя, я тому свидетель. Тратил на кампанию все силы, все время. Мы редко виделись. Он хотел, чтобы его партия выиграла. Начиная с января 2007 года он все осторожнее оценивал шансы на победу.

Руаяль постепенно утрачивала доверие, социологические опросы показывали, что избиратели в ней сомневаются. Сколько раз Франсуа говорил мне, что она не дотягивает до нужного уровня! Между политиком, делающим классическую карьеру, и кандидатом в президенты огромная разница. Претенденту на этот пост нужно хорошо разбираться в экономике и геополитике, обладать запасом знаний и связей, который невозможно наработать за пару недель.

Вскоре возник раскол между партией и выборной командой, между Руаяль и Франсуа. Они почти перестали встречаться. Она поселилась в квартире, примыкающей к ее избирательному штабу. Он узнавал о ее новых предвыборных обещаниях из сообщений Франс Пресс, причем, как правило, последним.

С одной стороны, была наша общественная жизнь, похожая на кошмар, с другой – то, что касалось только нас, наши мечты. Нам помогала держаться надежда на то, что после выборов мы наконец сможем жить вместе. В глубине души я подозревала, что в случае ее победы он от нее не уйдет. Он клялся в обратном, но я не верила. Однажды, примерно за месяц до первого тура, мы наконец провели ночь вместе. Утром включили радио. Речь шла о книжке Сеголен Руаяль, которая должна была на днях выйти в свет. Она заявила, что “да, мы вместе, да, мы с Франсуа по-прежнему живем вместе”, и сообщила, что они намерены устроить свадьбу на Таити, на настоящей пироге. Франсуа пришел в бешенство: он словно угодил в капкан.

Тем не менее ночью после первого тура он был совершенно раздавлен, когда понял, что Николя Саркози обеспечил себе победу. Продолжение всем известно. Прошло несколько недель после поражения Сеголен Руаяль, и два журналиста из “Монд”, проведя небольшое расследование, написали статью о ее избирательной кампании, озаглавленную “Роковая женщина”, где рассказали о наших отношениях с Франсуа, не называя моего имени. Словом, подожгли бикфордов шнур.

Сеголен Руаяль поспешно заявила, что уже “попросила его покинуть семейное гнездо”. Ее слова с пометкой “срочно” сразу же распространило агентство Франс Пресс, несмотря на то что они с Франсуа уже договорились сделать совместное заявление.

На войне как на войне. Теперь-то я понимаю, до какой

степени вражды может довести измена. Нетрудно вообразить, что Франсуа в те дни вел себя с ней примерно так же, как со мной во время связи с Жюли Гайе, – как великий мастер недомолвок, двусмысленностей и бесконечной лжи.

Мы тогда еще жили в маленькой квартирке, которая мне очень нравилась. Но Франсуа не пожелал в ней оставаться. Он хотел, чтобы мы по-настоящему поселились вместе. Так мы и оказались на улице Коши. Мы не торопясь обставляли квартиру. До меня доходили слухи о том, что он якобы жалеет о разрыве с женой, что он хотел бы вернуться к ней. Такие сведения исходили от Сеголен Руаяль. А между тем он проводил со мной как никогда много времени, к тому же просил родить ему ребенка. Да, все возможно, в том числе и то, что Сеголен Руаяль говорила правду… Теперь-то мне стало ясно, каким двуличным может быть Франсуа Олланд.

Он скучал по детям. Уже несколько месяцев они не виделись: дети наотрез отказывались с ним встречаться, пока он живет со мной. Мне не хотелось взваливать на себя вину за их испорченные отношения. Я сказала Франсуа, что готова родить ему ребенка, но только после того, как он помирится со своими детьми.

По-моему, нет ничего дороже детей. Мои трое сыновей находились под поочередным присмотром[31]. Я по полнедели их не видела и очень скучала. Если бы Франсуа смог наладить отношения со своими детьми, мы могли бы подумать и об общем ребенке – но не раньше. Франсуа помирился со своими детьми. И хотя он с момента нашей встречи мечтал еще об одном ребенке, природа нам его не подарила. Наверное, к лучшему.

Недавно в посвященной Олланду книжке я прочла, что он поведал ее автору, будто бы никогда не хотел иметь от меня ребенка. Я почувствовала себя оскорбленной. Он оправдывался:

– Не мог же я рассказать ему о самом сокровенном…

Очередная ложь. Пожалуй, самая для меня болезненная.

* * *

Июнь 2014-го. Стоит включить радио, и тут же слышишь о памятных мероприятиях 6 июня, посвященных семидесятилетию высадки союзников в Нормандии. На этот день мы вместе с моей командой запланировали целую программу для первых леди. Мы собирались поехать на завод, который не переставал работать в годы войны: за станки встали женщины, чьи мужья, братья, сыновья сражались на фронте.

Я словно переживала свое несчастье заново. Малейшее упоминание о том, что происходило в этот день, погружало меня в неизбывную тоску. Прошлое властно завладевало мною и душило, как змея, которая обвилась вокруг шеи.

Днем я укладывалась в постель, не имея сил передвигаться, читать, писать. Не могла делать абсолютно ничего. Когда я выходила на люди, никто ничего не замечал. Говорили, что лицо у меня светится от радости. Я не думала о будущем, не могла. Профессиональные перспективы выглядели весьма туманно. Эту злосчастную пятницу пережить было трудно, разве что принять снотворное и забраться под одеяло. В этот проклятый день, снова погрузивший меня в прошлое, спасением, как всегда, стали подруги.

Словно нарочно посыпая мои раны солью, Франсуа донимал меня эсэмэсками. Позавчера уверял, будто думает только обо мне. Вчера – что умоляет с ним встретиться. Сегодня утром – что хочет вернуть меня любой ценой. Бывали дни, когда он отправлял мне десятки посланий. Коротенькие назойливые фразы о том, что ему меня не хватает, что нужно все исправить и снова жить, как прежде. Похоже, он устал от неудач – и в личной, и в общественной жизни.

Когда у него не было приемов или официальных ужинов, он звал меня поужинать с ним. Он пытался отслеживать, куда я хожу, куда езжу. В номере отеля, будь то в Нью-Йорке или в Марракеше, меня неизменно ждали цветы от него, хотя я и не сообщала ему, где остановлюсь. Все чаще он стал совершать символические поступки и делать пылкие признания.

Однако он продолжал мне лгать, давать обещания, которые не собирался выполнять. Наверное, я не смогу снова жить с ним, потому что знаю: он не изменится. Он уговаривает меня вернуться, а тем временем переделывает “покои мадам” в офис для своих сотрудников, число которых растет день ото дня. Пока что никто не занял мой прежний кабинет. Жду, когда это случится.

Он уверяет, что принесет мне публичные извинения. Не верю. Как не верю больше ни единому его слову. Его вранье раз за разом наносило раны большой любви, которая нас связывала.

Шестого июня праздничные события наслаивались одно на другое. Начались торжества в честь семидесятилетия Дня Д – даты высадки союзных войск в Нормандии. Мои опасения оправдались: я слышать не могла обо всем этом. И тем более смотреть трансляции. Накануне, после интервью Путина французскому телевидению, я написала в Твиттере: “Хорошо хоть не придется пожимать ему руку”. Не знаю, плохо или хорошо перевели его фаллократическую речь, но она меня взбесила. И не только она. Я написала несколько слов и его деяниях: о расизме и гомофобии, о стремлении захватить территорию Украины, об ущемлении прав и свобод…

Комментарии были разные. Многие анонимно поддержали меня, другие осыпали оскорблениями, приводя знакомые аргументы: “С чего это вы решили, что имеете право выступать? Вы – никто, заслуженная рогоносица Французской Республики!” Что я могла им ответить? Пишу так, как пишут остальные семь миллионов пользователей этой социальной сети. Не хотите – не читайте.

Я узнала, что на первой полосе “Клозер” появилось сообщение о том, что Франсуа продолжает тайком встречаться с Жюли Гайе. От него немедленно пришла эсэмэска: он клялся, что все это неправда. Я как будто вернулась на несколько месяцев назад, в тот день, когда он яростно опровергал неутихавшие слухи про “эту чушь”. Он уверял, что на сей раз он не лжет, потому что ему незачем это делать. Я взяла телефон и нашла его пришедшие накануне любовные послания, в которых он обещал найти меня, где бы я ни была, чтобы снова жить вместе. Сумасшествие какое-то – не то оптическая иллюзия, не то игра зеркал, и нет никакой возможности отыскать истину.

Франсуа разрывался на части. Между обедом с Бараком Обамой и ужином с Владимиром Путиным он нашел время написать мне эсэмэску с опровержением утреннего сообщения и уверениями в вечной любви. Не успевало закончиться одно мероприятие, как начиналось другое, время словно растягивалось. Занимаясь насущными мировыми проблемами, принимая участие в торжествах, президент по ходу дела пытался реанимировать историю нашей любви, явно затянув финал. Настоящий политик, умеющий вести параллельно две или даже три жизни, воевать одновременно на всех фронтах.

Лжет он мне или нет – что это, в конце концов, для меня

меняет? Я решила перевернуть эту страницу. Разумеется, новый поворот в наших отношениях мне в этом поможет. Я лишний раз убедилась, что Франсуа никогда не изменится. Ложь срослась с ним, как плющ, обвивший дерево. “Люди, которые обрели власть, очень быстро теряют чувство меры”, – объяснил психиатр, наблюдавший меня после выписки из больницы. Это называется “синдромом победителя”.

Я была свидетельницей того, как менялся этот человек. В 2010 году, когда мы поехали в Ла-Рошель, в летний университет Социалистической партии, он сильно похудел. Я его не заставляла, но всячески поддерживала. Мы оба были на пике физической формы. Каникулы продолжались полтора месяца. Я старалась подготовить его к реакции прессы, к тому, какие предположения журналисты будут строить по поводу его фигуры. Он только отмахивался. Считал, что это глупо – думать, что раз человек сбросил двенадцать килограммов, значит, он намерен баллотироваться в президенты. Но именно так и были расценены перемены в его внешности СМИ и многочисленными сторонниками социалистов. Все вокруг стали говорить, что Франсуа Олланд готовится к президентским выборам.

Сезон отпусков закончился, и Олланд стал звездой. После пяти лет невзгод и одиночества он начал брать реванш. Считали, что я оказываю на него положительное влияние, впрочем, благоприятные отзывы скоро иссякли. Новый образ, удачные галстуки и наконец-то нормальные рубашки – вот и все, что сочли моей заслугой.

Однако банда окружавших его мачо и слышать не хотела о моем участии в его политической жизни, хоть я восемнадцать лет занималась именно политической журналистикой. Так что меня редко звали на встречи с его “друзьями”.

Тем не менее Франсуа настоял на том, чтобы я присутствовала на важном совещании в начале 2011 года, когда решалось, каким образом он должен объявить о своем выдвижении.

Чтобы сохранить конфиденциальность, позвали всего семь человек (я – единственная женщина). Четыре его самых близких друга и два пиар-консультанта. Я сама себе казалась среди них пустым местом.

До тех пор, пока они не раскрыли свой план: интервью в ежедневной провинциальной газете. Я опомниться не могла – до чего банально! Напомнила им, что таким же образом о своем выдвижении объявил в ноябре 1994 года Жак Ширак.

– Но мы же хотим свести риск к минимуму, – возразил один

из них.

Не хочешь рисковать – тогда не стоит идти на выборы.

Думаю, именно с того дня они меня невзлюбили. Я посмела перечить этим надутым индюкам, которые мечтали о власти, а сами не были к ней готовы. Поначалу Франсуа хотел выступить с торжественной речью в своей вотчине в Тюле, и эта идея нравилась мне гораздо больше. Обсуждение продолжалось, но решение так и не было принято. Когда мы вышли, Франсуа захотел узнать мое мнение на этот счет.

– Лучшее решение – то, которое кажется лучшим тебе самому. Ты сделаешь верный выбор, я не сомневаюсь.

Остановились на выступлении в Тюле.

Впереди лежала долгая пустынная дорога. Никто не принимал всерьез его кандидатуру на первичных выборах. Франсуа поставил условие: он должен быть избран главой генерального совета Корреза. Все считали, что это сомнительный приз, однако, чтобы его получить, пришлось рискнуть всерьез. Первое препятствие он взял.

Мы договорились, что 31 марта 2011 года, когда он объявит о своем выдвижении, меня при этом не будет. Ему не хотелось, чтобы мы напоминали супружескую пару, выехавшую на отдых в деревню. Дело в том, что я тогда еще вела политическую телепередачу “Портрет на фоне выборов”, и мне непросто было вырваться, чтобы поехать с Франсуа. Я чувствовала себя обделенной, как никогда в жизни, и мучилась оттого, что он там без меня.

Я планировала посмотреть прямую трансляцию по интернету и заперлась в своем кабинете в “Пари-Матч”. К счастью, один коллега сообщил мне, что выступление перенесено на более ранний час, иначе я бы его пропустила. Ни один из соратников Франсуа даже не подумал меня известить. Я едва успела подключиться, как выступление началось.

“Я не могу смириться с тем положением, в котором ныне находится Франция, не хочу поддаваться всеобщему пессимизму… Мне невыносима мысль о страданиях, которые выпали на долю слишком большого числа моих сограждан”. Он говорил хорошо и твердо все 8 минут и 17 секунд. “Франция должна выйти вперед, – отчеканил он неожиданно уверенно. – Я решил выставить свою кандидатуру на пост президента на предварительных выборах в Социалистической партии”. Взрыв аплодисментов и крики “Франсуа – наш президент!”.

Я разрыдалась от волнения и досады. Как же я жалела, что меня нет с ним рядом! И, дрожа от нетерпения, как девчонка,

стала ждать. Раздался звонок, но говорили мы мало: он сообщил, что садится в машину и едет обратно в Париж, с ним один журналист. Не до шуток. Я надеялась, что мы вместе поужинаем, поскольку заранее договорились отпраздновать знаменательное событие. Он приехал, и снова разочарование: его команда увозила его в Булонь-сюр-Мер, чтобы на рассвете устроить встречу с рыбаками. До отъезда оставалось всего полчаса. И снова никто не удосужился меня предупредить. Даже он.

Я позвонила ответственному за его кампанию, и у нас состоялась бурная перепалка. Он мне заявил, что отныне мне следует обращаться к нему, когда я пожелаю провести вечер с Франсуа. Немыслимо! Я поддержала намерение Франсуа идти на выборы и смирилась с тем, что наша частная жизнь изменится. Но не могло быть и речи о том, чтобы просить у постороннего человека разрешения на свидание. Каждый остался при своем мнении, потому что оба знали: если сейчас сдадим позиции, потом уже их не отвоевать.

Франсуа нашел золотую середину – в этом он мастер. Мы наскоро поужинали вместе, как двое влюбленных, и он тут же отправился в путь. Все было сказано: мы все отныне должны жить в неопределенности, в зависимости от того, что решит – или не решит – Франсуа.

В тот момент я почувствовала, будто меня чего-то лишили. Чем дальше продвигалась подготовка к первичным выборам, тем более определенным становилось ощущение, что я снимаюсь в фильме, причем это немое кино. Я ничего или почти ничего не знала о происходящем. Нигде не появлялась вместе с Франсуа, чтобы не афишировать наши отношения.

Мне довелось присутствовать только на первом митинге в Клиши. Я устроилась в глубине зала, как посторонний человек. До такой степени посторонний, что полтора часа потом дожидалась Франсуа, сидя в своей машине, – меня выставили вместе с публикой, поскольку театр закрывался. Я нашла Франсуа в репетиционном зале, в его любимой компании – в окружении журналистов. Об этом он меня не предупредил. Выборы поглотили его без остатка, и мне оставалось только ретироваться за кулисы, поближе к черному ходу.

Ох это его окружение! С одной стороны, многие из его соратников говорили мне, что благодаря мне он изменился. С другой стороны, его личная гвардия изо всех сил старалась отодвинуть меня в сторону. И речи не могло быть о том, чтобы мне достался “их Франсуа”. Между нами возникло соперничество.

Классика жанра. Чего же они хотели? На что надеялись? Разве можно ставить меня с ними на одну доску? Конечно нет. Ребячество да и только.

Многие сомневались в перспективности кандидатуры Франсуа. На первых встречах, организованных политическим клубом олландовцев *Répondre a gauche*, "Наш ответ слева", в зале было полным-полно свободных мест. Я, как всегда, сидела в последнем ряду. Он делал вид, будто мы не знакомы. Я считала это проявлением сдержанности. Он решил познакомить молодежь с положениями своей предвыборной программы, однако публика приходила неохотно. Даже пресса и та не баловала нас своим присутствием.

Судя по опросам, его рейтинг не рос. Франсуа держался стоически даже со мной, ничем не выдавая своего уныния. Чувствовалось, что он не желает отступать. А журналисты ждали выхода на арену Доминика Стросс-Кана: вот тогда, по их мнению, и должна была начаться настоящая предвыборная гонка. Парижские знакомые старались выведать у меня, намерен ли Франсуа идти до конца. Напрасно я убеждала их, что так и будет, никто мне не верил. Но сама я в этом не сомневалась, знала, что он преисполнен решимости, как никогда.

Он был уверен, что победит Стросс-Кана. Он чувствовал, что левые нуждаются в переменах, что они не одобряют Саркози, который ни в чем не знает меры, одержим деньгами и нарушает границы дозволенного. Франсуа полагал, что Саркози и Стросс-Кан – одного поля ягоды.

Франсуа тайно встретился со Стросс-Каном у него дома, напротив ресторана "Клозри-де-Лила". Я подвезла Франсуа на своей машине и осталась ждать его в баре. "Американец" хотел прощупать "коррезца".

Франсуа сказал мне, что подтвердил твердость своих намерений. Стросс-Кан потом утверждал прямо противоположное. Кто из них солгал? Эту партию в покер они разыграли наедине.

Пятнадцатого мая 2011 года, как всегда в погожие выходные, мы отправились в мой дом в Лиль-Адане. Ему нравилось копаться в саду, в воскресенье ходить на рынок, а потом вместе со мной воздавать должное мясу, выбранному моим мясником Жан-Жаком: я его преданная покупательница уже много лет. Впрочем, он тоже неизменно мне благоволит.

В ту субботу мы улеглись незадолго до полуночи. Мобильный телефон всегда был у меня под рукой, как и у любой матери,

которая беспокоится, когда ее дети отправляются куда-то развлекаться.

Прошел час, и я уже наконец начала дремать, как вдруг мой телефон завибрировал. Один из моих друзей, находившийся на фестивале в Каннах, куда и я должна была ехать на следующий день, чтобы сделать передачу, сообщил, что арестован Стросс-Кан. Потом пришла эсэмеска, затем еще одна. Я разбудила Франсуа и объяснила, что произошло.

– Спи, это все чепуха, – заявил он и повернулся ко мне спиной.

Он никогда не слушал грязных сплетен о сексуальных похождениях своего соперника. Кстати, это одно из его прекрасных качеств: он не интересуется слухами, особенно если их распространяют специально, чтобы кого-то очернить. Он снова погрузился в сон. А я не могла сомкнуть глаз. Залезла в интернет, нашла более или менее заслуживающие доверия ресурсы – сайты крупных американских газет.

И забыла о времени. Два часа ночи, потом три…

Я опять его разбудила.

– Послушай, случилось что-то серьезное, американская пресса пишет: Стросс-Кан арестован за изнасилование.

Он подскочил, потом прислонился к спинке кровати и схватил свой айфон. Ни единой насмешки над соперником. Франсуа уже обдумывал, что следует предпринять.

– Невеселая новость, это может подстегнуть Мартин Обри, она ведь тоже была его соперницей в лагере социалистов.

Наши телефоны раскалились: звонили люди из ближайшего окружения Франсуа и журналисты, ждавшие от него заявления. Мы почти всю ночь не сомкнули глаз. Каждый знал, какое безумие сейчас начнется в СМИ, как оно будет разрастаться, словно снежный ком, и тысячи журналистов, настоящих и фальшивых интервьюеров при поддержке сотен самоуверенных комментаторов станут расцвечивать подробностями эту историю. Неведомо откуда появились эксперты, часами показывали прямые репортажи: вереницы машин с затемненными стеклами, повторяющиеся двадцатисекундные сюжеты, – а тем временем взбесившаяся медиамашина штамповала и множила непроверенные слухи. Я и представить себе не могла, что вскоре сама окажусь в центре всего этого безумия.

Франсуа был совершенно выбит из колеи. Он уже составил план своей кампании против Стросс-Кана, теперь же следовало все выстраивать заново. Как он и опасался, раздались голоса, призывающие отменить праймериз и выдвинуть единого кандидата от Социалистической партии – Мартин Обри, первого

секретаря.

Первым, кто рьяно бросился отстаивать эту идею, был некий выдвиженец из парижского пригорода. За несколько дней до этого он ужинал у нас вместе с женой. Он тогда заявил, что был бы за Стросс-Кана, но если тот баллотироваться не будет, он поддержит Франсуа, ни в коем случае не Мартин Обри. В тот вечер он раскритиковал Обри, сказал, что “у нее нелады с психикой”. Кандидатуру Франсуа он воспринимал как второстепенную, но его искренность мне понравилась. А он с ошеломляющим проворством переменил свою позицию. Не понимаю, как можно так легко предавать. Я написала ему все, что думаю. Однако это лишь слабый пример поведения человека в серпентарии, именуемом политикой.

В тот вечер он раскритиковал Обри, сказал, что “у нее нелады с психикой, она неуравновешенная” и осуждает его поведение в частной жизни. Кандидатуру Франсуа она воспринимала как второстепенную, но ее искренность мне нравилась. А он с ошеломляющим проворством переменил свою позицию. Не понимаю, как можно так легко предавать. Я написала ему все, что думаю. Однако это лишь слабый пример поведения человека в серпентарии, именуемом политикой.

Сеголен Руаяль тоже пошла на первичные выборы, и это осложнило ситуацию… Приближался конец 2011 года. До последней минуты Франсуа был уверен, что она отступится. Он ошибся. Пресса наслаждалась схваткой двух “бывших”. Первичные выборы грозили перерасти в невероятный поединок, реванш за 2007 год, за неудачную кампанию и расставание.

Противостояние внезапно приняло новый оборот. Сеголен Руаяль была беспощадна и, выступая на телевидении, заявила: “Назовите мне хотя бы одно реальное достижение Франсуа Олланда за тридцать лет в политике”. Она перегнула палку, и это развязало руки Франсуа. Он никогда не парирует удар, зная, что общественное мнение не одобряет лобовых атак. Да к тому же детям пришлось бы пережить неприятный момент. Когда они приходили пообедать или поужинать на улицу Коши, тема не обсуждалась. По крайней мере, в моем присутствии.

После первого тура на дистанции остались только Франсуа и Мартин Обри. Включив в машине радио, я услышала, что Франсуа заключил соглашение с Сеголен Руаяль. Она поддержит Франсуа во время кампании и будет агитировать своих сторонников голосовать за него. Я не поверила своим ушам и едва не врезалась в идущий впереди автомобиль. Мне Франсуа ничего не сказал.

Я поняла, что Франсуа не способен трезво оценить ситуацию,

даже если она совсем простая. Мне известно, что именно попросила у него в обмен на содействие Сеголен Руаяль, в том числе и в денежном выражении. Уверена, что она не прогадала.

Я в Твиттере поздравила ее с “бескорыстным и честным союзом”. Моя ирония была понятна только узкому кругу людей. Тогда я думала, что ради спокойствия должна безропотно принимать все уловки и недомолвки Франсуа, просто не обращать на них внимания. Сегодня я знаю цену лжи. И больше не стану терпеть.

И все же я внимательно наблюдала за избирательной кампанией Франсуа, как влюбленная женщина, которая, словно привязанная, следует за любимым мужчиной. Я была с ним в его мечте. Я с ним, но не он со мной. К началу осени 2011 года кампания по первичным выборам уже набрала обороты. Я ушла из своей политической программы и стала брать интервью у деятелей искусства – все на том же канале. Моя новая программа называлась “Путевые заметки”. Я беседовала с певцами, художниками… Франсуа ни одного выпуска не видел. Когда я заговорила о передаче, он спросил:

– Что за “Путевые заметки”?

Я была потрясена: мужчина моей жизни даже не знает названия передачи, которую я веду! Ничто из того, что я делала, его не интересовало, ни моя работа на телевидении, ни тем более мои литературные хроники в “Пари-Матч”. Он их не читал. Я не раз видела, как он пролистывает страницы, посвященные культуре, чтобы побыстрее добраться до раздела “Политика”.

Когда я писала на политические темы, то занимала гораздо более важное место в его жизни. Франсуа не увлекался ничем, кроме политики. Ничем и никем. Литература его не интересовала, театр и музыка тоже. Пожалуй, разве только кино. Круг его друзей ограничивался выпуском Вольтера, однокурниками по ЭНА. Они жили только политикой. И если ты не политический журналист – грош тебе цена. Когда мне задавали вопрос, не завидовали ли мне другие журналисты, я отвечала: наоборот, это я им завидовала. Франсуа со многими из них согласовывал свои действия, он тянулся к ним. Некоторые бывали у нас дома – приходили дать совет кандидату.

Несмотря ни на что, я продолжала его любить. Любила, и больше никто мне не был нужен. После заявления о выдвижении летний отпуск превратился в работу. Он не пожелал уезжать из Франции, рассчитывая продолжать кампанию и в эти дни. Он приехал к нам в Осгор, где я сняла дом на время каникул, чтобы отдохнуть с детьми. Когда мои сыновья отправились пожить к

своему отцу, мы вдвоем вдоль и поперек объездили весь край басков, который я почти не знала.

Как-то мы наткнулись на маленькую таверну – я такие обожаю. Где бы мы ни останавливались, он находил повод рассказать о себе избирателям, очаровать их и склонить на свою сторону. Так мы и очутились на пастушьем празднике: четыре часа баскских песен при четырнадцати градусах тепла – и это в середине августа! Неплохой ход: сенатор от этих земель стал его сторонником. На счету был каждый голос, это я прекрасно понимала.

Франсуа потихоньку плел свои сети. Плел терпеливо. Мы вместе поехали на виллу “Латше”, в тихое убежище Франсуа Миттерана. Его сын Жильбер принял нас, вдова Миттерана Даниэль тоже была там, уже совсем слабенькая, но счастливая в окружении своих внучек и правнуков. Она встретила нас радушно. Мы прежде никогда у них не бывали, ни он, ни я. Нас необычайно взволновала встреча с этим местом, простым фермерским домом, где Миттеран любил проводить время наедине со своими книгами.

Все осталось на месте. Даже его коллекция изданий карманного формата. Здесь он принимал нескольких глав государств. Жильбер постарался сохранить дом в его прежнем виде, даже пыль, – словно время остановилось. Ослы, как и прежде, носили все те же имена – Орешек и Каштан. Животные тоже смертны, поэтому пришлось взять других уже после кончины хозяина. А деревья здесь – те самые, с которыми разговаривал Миттеран. Они навсегда обосновались на этой земле, как Миттеран в истории. Я поняла, как мне повезло, что я очутилась здесь, что пережила такое удивительное приключение.

На следующий день после победы над Мартин Обри Франсуа был счастлив как никогда. После недолгого ночного отдыха мы решили понежиться в постели и послушать радио. Информационные выпуски открывались сообщениями о том, что Франсуа стал кандидатом от Социалистической партии. Он излучал безграничную радость. У меня в айфоне сохранилось сделанное тогда фото: на лице блаженство и глубокое удовлетворение. Выражение, которого я никогда еще не видела. С первого дня я была уверена: если он выиграет первичные выборы, победит и на президентских. У меня не было ни малейшего сомнения на сей счет, думаю, у него тоже.

На протяжении всей официальной кампании он держался в

высшей степени собранно, с полным самообладанием. Быть фаворитом гонки – дело рискованное: каждый неверный шаг может обойтись очень дорого. Перед знаменательным митингом в Бурже, завершающим аккордом кампании, Франсуа на три дня заперся в квартире на улице Коши.

Акилино Морель, его советник по связям с общественностью, человек в начищенных ботинках[32], претендовал на авторство текста речи в Бурже. На самом деле все было не так. Франсуа работал в столовой, повсюду разложив свои заметки. Весь пол был усыпан листками бумаги. Я укрылась в спальне, чтобы ему не мешать. И была на подхвате: время от времени он заходил ко мне и просил распечатать письма, приходившие ему на электронную почту. Сам он это делать не умел.

Каждый час я слушала радио. И понимала, насколько важное значение придается его речи. Комментаторы заявляли, что она в том числе будет посвящена и очень личным вопросам, которые прежде не обсуждались публично. Президентские выборы – это встреча политика с народом. Вечером я спросила, не позволит ли он мне прочесть его речь. Он протянул мне текст. Я прочла и не нашла ничего личного, ничего о нем самом, ничего о его жизни. Я дождалась момента, когда мы уляжемся спать, и, погасив свет, спросила в темноте:

– Почему ты не говоришь ничего о себе, о том, чем ты обязан своим родителям? Почему не говоришь, что любишь людей? Все будут разочарованы. Нужно добавить что-то о себе, о себе лично, этого от тебя ждут.

Франсуа что-то пробурчал еле слышно, поднялся и пошел работать. На следующий день он показал мне измененный вариант. Стало лучше, но еще недостаточно хорошо. Я вновь пошла на приступ. Он развил тему. Мне казалось, я, словно акушерка, помогаю ему произвести на свет самого себя. Всего несколько абзацев, сущий пустяк, но для журналистов – огромная разница.

Режиссер Джамель Бенсала снял фильм об избирательной кампании, который собирались показать участникам митинга в Бурже. Он хотел, чтобы мы его посмотрели. Франсуа ничего не хотел видеть и слышать, чтобы не отвлекаться от написания речи. Я попросила Джамеля подождать меня внизу. И посмотрела фильм на экране компьютера, сидя у него в машине. Он получился очень удачным, динамичным, в нем ощущался бешеный ритм избирательной кампании. Тем не менее, на мой взгляд, была одна проблема:

– Джамель, так нельзя. Нет ни одного кадра с Сеголен Руаяль.

В этом будут обвинять меня.

– Это не имеет никакого отношения ни к тебе, ни к ней. Это не документальный фильм на основе архивных материалов. Я специально решил не показывать ничего, кроме успехов, такова моя режиссерская воля.

– Но все накинутся на меня.

Я упорствовала, но он мне не поверил. Он не знал, что адская машина уже запущена: каждое слово, каждый поступок разбирают по косточкам и рассматривают с точки зрения нашего романа. Я как в воду глядела. Митинг в Бурже стал чистой победой, Франсуа был великолепен, производил сильное впечатление, и единственным облачком на этом сияющем небе стала оплошность с фильмом.

Оставив в стороне наши разногласия, я отчетливо представила себе, какую обиду почувствовала Сеголен Руаяль, гордая женщина и заметный политик, финалист последних президентских выборов, посмотрев этот фильм, в котором были показаны десятки тысяч ликующих активистов, но не упоминались ни она, ни ее избирательная кампания… Ее окружение и пресса единодушно обвинили в этом меня. Джамель Бенсала в качестве извинений прислал мне огромный букет цветов, однако средствам массовой информации поверили куда больше, чем оправданиям режиссера.

С этого эпизода начался новый сезон сериала “Олланд – Руаяль”. В самом начале кампании Франсуа дал мне слово не устраивать митингов совместно с Сеголен Руаяль, разве что она будет в составе группы лидеров Соцпартии. Однако открытая встреча двух претендентов на Елисейский дворец – бывшего и нынешнего – все же состоялась: видимо, того требовали пресса и политика.

Мы пережили несколько часов тяжелой коллективной истерии, к которой добавилась и моя. Мои чувства полностью соответствовали определению этого термина, данному в словаре: “Избыток неконтролируемых эмоций”. Я испытывала физические страдания, когда они стояли на сцене рука об руку, и при этом все остальные – и массмедиа, и партийные активисты – хотели видеть их вместе. Я ничего не могла с этим поделать.

Не успела я там появиться, как на меня наскочил какой-то журналист в сопровождении оператора и бросил мне в лицо:

– Что вы чувствуете теперь, когда чета Олланд снова воссоединилась?

Стало так больно, словно он ударил меня в челюсть со всего маху, безжалостно, бесстыдно. Я молча повернулась к нему

спиной. На лице маска, внутри пожар. Со мной рядом в этот момент оказался другой журналист. До сих пор помню, как он растерянно посмотрел на меня и сказал:

– Теперь я понимаю, что вы переживаете.

Видя мое лихорадочное состояние, команда Франсуа предложила мне сопровождать его, когда он будет проходить через зал. Я сочла, что это нелепо и смешно, и отказалась. Закрылась в ложе и сидела в состоянии крайнего напряжения, пока Сеголен Руаяль произносила речь, а потом передавала эстафету Франсуа. Утром Франсуа твердо пообещал, что они не выйдут на сцену вместе, что станут вести себя как политики, а не как знаменитости в центре внимания… Разговор в ложе был трудным. Мы перешли на повышенные тона. Я слишком хорошо знала характер Сеголен Руаяль и понимала, что произойдет на самом деле. Несмотря на уговор, она вновь поднялась на сцену, и овацию устроили им обоим. Вполне предсказуемый ход! Она не могла отказаться от удачной возможности разделить с ним славу и утвердить свое превосходство. Я дошла до предела, мне вдруг почудилось, что люди никогда не будут считать нас с Франсуа супругами.

Вместе с ощущением, что меня уже нет, я уничтожена, у меня возникла одна мысль. Во время митинга в Бурже я пошла навстречу Сеголен Руаяль, но она, заметив меня, отвернулась. Ну нет так нет. Я знала, что она не подаст мне руки. И решила принудить ее. Дождалась, когда она вернется на свое место, подозвала несколько фотографов, направилась прямиком к ней и нанесла ей удар… в ее же стиле: ей пришлось пожать мне руку. Ребячество с моей стороны, ну и пусть. Но зато я была удовлетворена, к тому же нас запечатлели фотокамеры.

Эта сцена никому не прибавила славы, и мне, конечно, тоже. Не люблю терять контроль над своими чувствами. Мне неприятно, когда я на взводе и нервы натянуты как струны. Уже в который раз я осознала, как меня мучает неизменное двуличие Франсуа. Ему не удавалось урегулировать отношения между матерью своих детей и мной, он ничего не предпринимал ради моего душевного спокойствия. А у меня не осталось больше ни сил, ни уверенности в себе, чтобы ни на что не обращать внимания. Я поняла, что с тех пор, как эта история стала достоянием прессы и общественности, мы обречены ступать по раскаленным углям, постоянно испытывая тревогу и страх.

В мире, находящемся во власти СМИ и интернета, в нашем нынешнем мире, где любой жест, любой поступок становится поводом для комментариев и шумихи, частные дела стало трудно

решать в частном порядке… Я намеренно употребляю это выражение, потому что оно принадлежит мне и появилось в связи с моим злополучным твитом…

Накануне 14 июля 2012 года и первого после избрания выступления на телевидении Франсуа готовился отвечать на острые вопросы журналистов. Он не знал, как ему замять пресловутый “скандал с твитом”. Я подсказала ему реплику: “Частные дела решаются в частном порядке”. Фраза попала точно в цель. Журналисты истолковали ее как осуждение моего вызывающего поступка, даже не подозревая, что я сама себя призвала к порядку…

Сразу после выступления на телевидении, которое последовало за торжественным въездом в Елисейский дворец, я отправилась вместе с президентом в Брест. Весь день Франсуа избегал меня, старался уйти вперед; только раз фотографы ухитрились снять нас вместе, правда, в группе людей, когда мы находились на борту корабля. Я, словно пудель, старалась следовать за ним повсюду, еще не зная, что скоро превращусь в “тень его собаки”[33], которую держат на очень коротком поводке.

Я набралась смелости пошутить перед журналистами:

– Теперь десять раз подумаю, прежде чем твитнуть!

Реплика понравилась, но он остался недоволен.

Что это – неудачный твит, тщеславие только что избранного президента или “синдром победителя”, который подстерегает лидеров, достигших власти и утративших всякое сочувствие к ближнему? Как бы то ни было, в первые же недели после его избрания я констатировала, что чувства его ко мне круто изменились. Он только и делал, что предъявлял мне претензии. В то время как я служила мишенью для СМИ, он не нашел для меня ни одного ласкового слова, ни слова утешения или поддержки. Наоборот.

Первую положительную статью обо мне опубликовала газета “Монд” лишь полгода спустя, в середине декабря, в день детского рождественского праздника в Елисейском дворце. Когда Франсуа ее прочел, он обозлился на меня так, как никогда прежде не злился, я даже не поняла, за что. И разрыдалась. А потом до меня дошло: “Монд” – это “его” газета и должна писать только о нем, а мне лучше вообще сделать так, чтобы обо мне все забыли.

Наша счастливая любовь осталась в прошлом. В глубине души он хотел, чтобы я ушла в тень, стала невидимой. Но впрямую сказать об этом он не решался, а вместо этого реагировал невпопад, окончательно сбивая меня с толку.

Он стал мне грубить. Прямо перед торжественным обедом, похвалив мой внешний вид, он вдруг спросил:

– У тебя много времени уходит на то, чтобы быть такой красивой?

– Да, какое-то время на это нужно…

– Впрочем, от тебя ведь больше ничего и не требуется.

Я решила, что он шутит. Но он был холоден. Ни намека на улыбку. По его мнению, мне следовало выгодно оттенять его, и только. А я-то старалась для него, чтобы быть красивой, чтобы он гордился мной. В другой раз, когда мое платье показалось ему слишком откровенным, он приказал: “Найди другое платье и переоденься!” Я согласилась только прикрыть обнаженные плечи накидкой.

Мало-помалу из-за его едких замечаний я стала терять уверенность в себе. Как-то я заговорила о том, что встретила Сесилию Аттиас, бывшую жену Саркози, на обеде организации *Unitaid*, на котором присутствовал Билл Клинтон, и она мне сказала: “Без тебя Олланд никогда бы не выиграл выборы”.

Я знала, что она тоже сыграла определенную роль в карьере Саркози, и восхищалась ее поведением во время их развода.

Франсуа застыл. Его ответ прозвучал как оскорбление:

– Если тебе нравится думать, что ты тоже приложила к этому руку, пожалуйста.

Я не дрогнула:

– Видишь ли, некоторые именно так и думают, даже если это тебе неприятно.

У меня голова шла кругом: теперь еще следовало доказывать, что я имею право присутствовать в его жизни. Значит для него хоть что-нибудь наша любовь?

* * *

Я поздно легла. Не смогла ни помыться, ни уснуть. Не впервые после нашего расставания. Включила радио. Оно меня убаюкало, и я погрузилась в дремоту. Внезапно меня вернула к реальности одна передача. “Государственная служба” на радиостанции “Франс Интер”. Она была посвящена подъему по социальной лестнице, тема звучала так: “Не все поставлено на карту”. Человек написал автобиографическую книгу, где рассказал о том, как жил в детстве в интернате под опекой социальных служб, потом подростком вернулся в родной дом, к матери-алкоголичке и отчиму. Ныне он занимает высокий пост президента и генерального директора крупной компании. Ученая дама, присутствовавшая в студии, произнесла одну фразу, которая обожгла меня, словно удар кнута:

– Когда человек поднимается высоко, ему трудно оставаться самим собой, и он постоянно испытывает чужую боль.

Почему я начинаю понимать простые вещи, только когда кто-то посторонний во всеуслышание скажет о них? Выросшая в бедном пригороде Анже, я высоко поднялась, но перестала быть собой и теперь испытываю боль повсюду, испытываю чужую боль.

Пока шла передача, у меня в подсознании, словно лейтмотив, звучало слово “самозванка”. Может, мое восхождение по общественной лестнице и привело к тому, что я всегда чувствовала себя самозванкой и в нашей паре с Франсуа, и в Елисейском дворце? И почему я так любила человека, ни в чем на меня не похожего?

Я вспомнила один вечер после рождественской трапезы у моей матери в Анже, когда собрались все мои братья и сестры, их супруги, мои племянники и племянницы – всего двадцать пять человек. Франсуа повернулся ко мне и, презрительно хмыкнув, произнес:

– Не очень-то прикольная семейка Массонно!

Это прозвучало как пощечина. Прошло несколько месяцев, а она все еще причиняла мне боль. Как Франсуа мог такое сказать о моей семье? “Не очень-то прикольная семейка Массонно!” А ведь это типичная семья его избирателей.

Я долго колебалась, стоит ли рассказывать об этом случае, который наглядно раскрывает его сущность и, несомненно, вызовет возмущение моих близких: они ведь так радовались знакомству с ним и так гордились, что принимают его в своем доме. Но мне хотелось смыть с себя все наслоения лжи и, написав эту книгу, сбросить груз недосказанного.

Простите меня, мои родные, что я любила человека, способного с издевкой называть вас “Не очень-то прикольной семейкой Массонно”. Я горжусь вами. Никто из моих братьев и сестер не пошел по кривой дорожке. Кто-то преуспел, кто-то – нет, но мы поддерживаем друг друга и умеем выражать свою любовь, и слова “семья” и “сплоченность” для нас имеют вполне конкретный смысл, тогда как для Франсуа это всего лишь абстракция. Ни разу он не пригласил ни своего отца, ни брата в Елисейский дворец. Он мечтал о необыкновенной судьбе, этот президент – надменный одиночка.

Так в какой же среде существуют эти самые не очень-то прикольные люди? Да, это правда, мои родственники не получали дипломов Национальной школы управления или Высшей коммерческой школы. Ни у кого из нас нет собственной клиники, никто не торгует дорогой недвижимостью, как отец Франсуа. Никто не имеет усадьбы на Лазурном Берегу в Мужене, как он. Никто не занял высокой чиновничьей должности, не стал знаменитостью, как его сокурсники из выпуска Вольтера, к которым он много лет ходит в гости. Массонно – семья скромных французов. Скромных, но гордящихся собой и своей жизнью.

Его пренебрежительно брошенные слова звучат у меня в голове с тех пор, как чары развеялись и я перестала терять голову от одного его взгляда. Он внушал избирателям, что не любит богатых, на самом же деле наш президент не любит бедных. И, гордясь своим остроумием, в частных разговорах называет их “беззубыми” – он, представитель левых сил. Я снова не без горечи подумала о “неприкольной семейке”, когда узнала, что во время романа с Жюли Гайе Франсуа побывал в роскошном, с фасадами XVII века, замке ее родителей, окруженном великолепным парком. Конечно, он выглядит куда внушительнее, чем социальное жилье в зоне массовой застройки. И неизмеримо лучше, чем трейлер на площадке кемпинга без единой звезды не очень далеко от моря.

Такие семьи, как у Гайе, Франсуа нравятся: дед – хирург, мать – антиквар, отец – известный врач, консультирующий министров. Маленький, вполне “прикольный” мирок богемных буржуа с устоявшимися рафинированными вкусами, где за столом собираются знаменитости, где все голосуют за левых, но понятия не имеют об уровне минимальной зарплаты в стране. Моим домашним нет нужды наводить справки у специалистов, они и сами все знают: цифры указаны в конце их зарплатных карточек.

Все меня принимали за расчетливую, опасную буржуазку, а я просто оказалась не на своем месте. Самозванка двойне. После объявления о нашем разрыве моя семья еще больше сплотилась. Массонно никогда друг друга не предают. Все меня поддержали. Тому мужчине, что сидел с ними за одним столом и шутил, чтобы снискать всеобщую симпатию, на самом деле было скучно с этими “неприкольными”: он предпочел бы поужинать в ресторане. А между тем они могли бы поведать ему о том, что чувствуют французы: у них не принято лукавить, не принято лгать, они привыкли говорить правду прямо в глаза.

Тем не менее однажды Франсуа, как всегда двусмысленно, заявил:

– Что мне в тебе нравится, так это то, что ты всегда помнишь о своем происхождении.

Как я могу о нем забыть? Я, которой молва приписывает колоссальное состояние, якобы унаследованное от деда-банкира, умершего еще до моего рождения, – как будто во Франции невозможно пробиться наверх из более низкого социального слоя. Разве пришлось бы моей матери работать кассиршей, если бы у нас было состояние? Даже пятилетний ребенок сообразил бы, что такого не бывает, но слухи оказались живучими, и эта информация до сих пор есть в Википедии.

Нет, я не являюсь владелицей замка или другой собственности, как другие первые леди до меня, например Карла Бруни, Бернадетт Ширак или тем более Анн-Эмон Жискар д'Эстен. Но когда я впервые переступила порог нашего домика, он показался мне настоящим дворцом. Мне едва исполнилось четыре года, и мы уже сменили не одно социальное жилье. А здесь был настоящий дом, да еще и с садом. И пусть мы спали вчетвером в одной комнате, все равно это был дворец.

Я по всем статьям решительно не годилась на эту роль: отношения не оформлены, состояния нет, к тому же мне нужно работать. Какая же из меня первая леди? Однако в один прекрасный день я пробила свой стеклянный потолок, ступив на красную дорожку. С такой силой пробила, что разлетевшиеся осколки изранили меня.

С первого дня в Елисейском дворце я хотела многое сделать. Сразу же пригласила к себе прежнюю команду Карлы Бруни и спросила у референта и всех помощниц об их планах. Хотя репутация истерички шла впереди меня, они решили остаться. Все без исключения. Думаю, они об этом не пожалели, совсем наоборот. Мы вместе преодолели немало трудностей.

Едва я приехала, они помогли мне вникнуть в суть дела и подготовить визит президента в Соединенные Штаты. От меня требовалось выбрать подарок Мишель Обаме. Я предложила привезти ей что-нибудь из товаров, которые производятся в Коррезе, – сумочку или продукты косметики, то, что стоит сущие гроши, зато станет знаком внимания к жителям округа, где он был депутатом.

Спустя несколько дней после избрания я вылетела вместе с президентом в Соединенные Штаты. Поднявшись на борт президентского самолета, я увидела то, что пресса называла “Эр-Саркози”: большую спальню, просторную ванную, кабинет президента, зал для совещаний, превращавшийся в столовую. За столом одновременно помещалось одиннадцать человек. Чаще всего это были министры, глава государства и дипломатический советник. Два человека действительно достойных. Но большинство министров, за исключением Лорана Фабиуса, явно не дотягивали до нужного уровня, – не обязательно быть экспертом, чтобы это понять. Послушав их, я расстроилась. Молча наблюдала за ними и думала, как такой-то или такой-то могли получить пост министра. Наверное, чтобы соблюсти баланс представительства: пол, регион, партия. Мало кого назначили исходя из его компетентности. Бывшей политической журналистке, коей я по сути всегда и оставалась, это бросалось в глаза. Пресса всегда критиковала дилетантизм. Интересно, написала бы я то же самое, если бы до сих пор вела политическую рубрику в “Пари-Матч”? Пожалуй, промолчу.

В Вашингтоне меня преследовало странное ощущение, будто я снимаюсь в фильме и в то же время смотрю его, сидя в зрительном зале. Опекать меня взялась супруга нашего посла. Она организовала встречи с американской прессой. Я вызывала любопытство: “француженка, которая продолжает работать” и “жена президента, не состоящая с ним в официальном браке”. Они считали меня своей коллегой, и наше знакомство прошло удачно.

В программе президента мое присутствие не предусматривалось: это был не государственный визит, Франсуа Олланд принимал участие работе Совета НАТО. Я сообразила, что так и уеду из США, не увидев Барака Обаму. А мне бы так хотелось с ним встретиться. Я выполняла программу “этих дам”. Мне выпала честь быть принятой в Белом доме Мишель Обамой. Она ждала нас в холле и поздоровалась с каждой. Нас, “первых леди”, было восемь. Она обняла нас одну за другой, словно

близких подруг. По-американски.

Мишель Обама – женщина, которая произвела на меня самое сильное впечатление за последние годы. Прежде всего ее внешность. Даже на высоких каблуках я едва доставала ей до плеча. А что касается опыта и знаний, то я ей и в подметки не гожусь. Она высокая, красивая и еще более изящная, чем на фотографиях. И необычайно притягательна как личность. В ней есть что-то особенное. Движения ее рук плавны, как взмахи крыльев лебедя.

Мишель Обама безупречно исполнила роль хозяйки: показала нам Белый дом, а затем пригласила за стол. Я все повторяла про себя, чтобы ничего не упустить. Твердила себе, что не должна потерять ни единой секунды из этих часов, подаренных судьбой. Первая леди поинтересовалась делами каждой из нас. Мы обменялись несколькими фразами о моих проектах совместно с фондом Даниэль Миттеран. На моем посредственном английском я спросила о ее программе по борьбе с ожирением. Она мне поведала о том, что, когда оказалась в непростой роли первой леди, ей понадобился целый год, чтобы обозначить свою зону влияния. Все уже забыли, как в самом начале она делала скандальные заявления о своем муже и его грязных носках, и это не понравилось американцам, которые и так с трудом смирились с водворением в Белом доме темнокожей четы.

Мишель Обама как опытный профессионал уделила каждой из первых леди равное количество времени. Побеседовали на общие темы. Я за ней внимательно наблюдала. И думала, кто она на самом деле, такая безупречная и такая, в сущности, непостижимая. Ей и вправду приятно нас принимать или она играет заранее написанную роль, не предусматривающую ни малейшей импровизации?

Я вспомнила, что она отказалась от блестящей адвокатской карьеры, чтобы служить своему мужу. Она могла бы зарабатывать миллионы долларов, участвовать в самых крупных процессах. Вместо этого она с идеально выверенной живостью рассказывала о своем огороде, который собиралась нам показать. Искусно приготовленными овощами с этого самого огорода нас угощали на обед, порции были так скромны, что, встав из-за стола, я все еще хотела есть. Впрочем, я хотела всего. Например, побеседовать с ней откровенно. Я бы дорого дала за то, чтобы, заглянув под ее идеальную маску, узнать, что она думает о своей жизни *first lady* со всеми ее ограничениями, куда более существенными в Штатах, нежели во Франции, но дающей поистине высокий статус.

На следующий день я встретилась с Мишель Обамой в Чикаго. Утром в интернете написали, что отныне у меня есть

право на звание *first girlfriend*: это выражение появилось в одной американской газете, и вся французская пресса принялась радостно его смаковать. Я поморщилась: мне казалось, за семь лет совместной жизни я перестала быть просто подружкой, но у СМИ свои игры.

Мишель Обама повезла нас в пригород, где она выросла. Она хотела показать нам заведение, где помогают обездоленным детям, в том числе организуют для них занятия в кружках и студиях, на которые не хватает средств у их родителей.

После этого Мишель Обама в присутствии первых леди обратилась с приветственным словом к молодежи, собравшейся в зале. Просто поразительно, но эта женщина произнесла настоящую политическую речь:

– Наверное, не все из вас будут президентами, но вы можете быть врачами, адвокатами… Мы с Бараком стали теми, кем стали, потому что много работали, так не лишайте себя такой возможности!

Эти слова запали мне в душу. Впоследствии, во время многочисленных официальных визитов, когда я посещала сиротские приюты в бедных кварталах, например в Южной Африке или Индии, я повторяла эти слова, стараясь вдохнуть в них такую же силу, как она. Не отказываться от мечты только потому, что ты родился в не самом удачном месте, – вот это по мне. Удачу нужно заслужить. А потом ею поделиться.

Вечером мы ужинали в Чикагском музее с двенадцатью дамами, две из которых были подругами первой леди. Помещение украсили великолепно. Мишель Обама организовала все с размахом. Накануне в конце дня Франсуа улетел в Кэмп-Дэвид, где присутствие жен не предусматривалось. Я осталась одна в отеле, в огромном номере из нескольких комнат, под охраной внушительного числа агентов американской службы безопасности.

Одна живущая в США французская журналистка, с которой я была давно знакома, пригласила меня вместе поужинать, и я согласилась. Она сказала, что собирается написать книгу о первых леди. Я уточнила, что не против поужинать с ней, но не ради ее книги. Мы вспоминали нашу жизнь, я рассказывала о своих детях, о некоторых своих переживаниях. В конце ужина она призналась, что хотела бы написать книгу обо мне. Я встревожилась:

– Давай договоримся, этот ужин – не для протокола!

Она заверила меня, что так и будет. Впрочем, она ведь ничего не записывала – ни в блокнот, ни на диктофон. Прошло два

месяца, и я на себе испытала, что такое предательство. В ее книге “Бунтарка” мои слова были не только опубликованы, но и полностью искажены. Я тут же подала на нее в суд. На заседании авторша дала понять, что я якобы поведала ей о своих прежних увлечениях. Бессовестная ложь. Еще несколько журналистов, о существовании которых я зачастую даже не догадывалась, настрочили целую кучу книг про меня, записав меня в истерички. Это стало одним из самых тяжких испытаний в моей жизни. На протяжении первого периода президентства Франсуа книги выходили одна за другой. Первая называлась “Фаворитка”, на ней значилось имя бывшего заместителя директора газеты “Монд”, и она задала тон всем остальным: само ее название звучало как оскорбление. Ее автор нигде со мной не пересекался, я даже имени его не знала. Он что-то приукрасил, что-то извратил, домыслил, оспорил. Словом, стиль письма, именуемый низостью. Когда твою жизнь переиначивают и преподносят в виде романа, возникает довольно странное ощущение. Я присутствовала при рождении персонажа, у которого было мое имя, мое лицо, моя биография, но который не был мной, а лишь моим вымышленным двойником.

Я осталась одна. Совсем одна. Ни одного женского голоса, даже ни единого голоса феминистки в мою защиту. Франсуа отгородился от меня равнодушием, словно проблема его не касалась. Меня наградили постыдным прозвищем, но его это не беспокоило.

Коллега из “Пари-Матч” как-то отпустил остроту, которая очень быстро разлетелась повсюду: он сказал, что я “ротвейлер” Франсуа Олланда, его сторожевая собака. Шутка имела успех. В наши дни злословие – настоящая напасть, хотя в кругу друзей оно порой даже полезно. Однако оно может иметь тяжелые последствия, когда люди потихоньку предаются жестоким играм со всем миром в социальных сетях. По мнению американских исследователей, интернет-сообщества способствуют распространению “эпидемии дискредитации” и “культуры унижения”.

Тогда я еще не умела противостоять нападкам, потом научилась. Мне приходилось тяжело, я чувствовала себя замаранной. Это моя ахиллесова пята. Все эти книги и злые шуточки нанесли мне серьезный урон – такой, что я едва не пошла ко дну, – но я старалась ничем не выдать себя перед детьми, потому что они тоже попали под удар. Мне следовало держаться, хоть это было невыносимо. Еще в молодые годы я научилась сражаться с противниками, и это исказило мой взгляд на мир. Поскольку мне повсюду мерещились враги, их

действительно стало много.

Тем не менее я знала, что не меня одну постигла такая печальная участь. Вспомнились слезы Карлы Бруни-Саркози при передаче президентских полномочий. Первые леди других государств также признались мне, что каждой из них рано или поздно пришлось испытать на себе давление прессы.

Надо отметить, что в разных странах упреки прессы к первым леди примерно одни и те же. Жены глав государств подозреваются во вмешательстве в дела мужей, амбициях, которых хватает на двоих, необоснованной растрате государственных средств… Слухи наносят серьезный ущерб их репутации.

Одна из них поведала мне, что ее постоянно обсуждают, и это причиняет ей боль: она сумела “прибрать президента к рукам”, потому что на двадцать лет моложе супруга. Я подумала, что хоть это мне не смогут вменить в вину. Кстати, когда мы стали встречаться, Франсуа не был еще даже председателем генерального совета!

Во время одной из вечерних встреч меня развеселила супруга японского премьер-министра Абэ. Она рассказала, каким подверглась поношениям за то, что поддержала одного из своих друзей на выборах в Палату советников. Вспомнив пресловутую историю с твитом, я немного утешилась. Она сказала, что теперь, стоит ей хоть слово произнести, пресса словно с цепи срывается. Нужно отметить, что она решительно выступает против ядерного оружия, даже если ее супруг склонен принимать иные решения…

Я по-настоящему подружилась с женой бывшего президента Мали. Даже сейчас, когда я не занимаю никакого положения, Минту Траоре продолжает регулярно со мной общаться. Когда в мае 2013 года я впервые отправилась в поездку одна, без президента, именно она принимала меня в Мали. В это самое время президент Мали во Франции вел переговоры с Франсуа, и это символично. Удел мужчин – военные проблемы, женщин – гуманитарные.

Мы отправились в Гао вместе с участниками операции “Сервал” на военно-транспортном самолете “Трансаль”. Я попала в тот мир, который совсем не знала, и поняла, как благородна миссия военных. Я взволнованно наблюдала за ними на месте событий, когда они помогали населению, измученному бесчинствами джихадистов.

Нам показали школу, в которой не было ничего: ни столов, ни стульев, ни книжек, ни карандашей. Мы привезли школьное оборудование. В разграбленной больнице я зашла в палату, где

лежали молоденькие роженицы. Одна из них только что произвела на свет двойню – девочку и мальчика. Им было часа два от роду. Их еще никак не назвали. Минту решительно положила их мне на руки и заявила:

– Вот этот – Франсуа, а эта – Валери!

Все покатились со смеху. Сделанное там фото вызывает у меня одно из самых приятных воспоминаний. У меня глаза полны слез, которые я пытаюсь сдержать. Если эти малыши и вправду получили наши имена, я еще больше желаю им счастья…

Мы пообедали в палатке, в военном лагере, среди солдат и их командиров, было 45º в тени. Везде, куда бы я ни приезжала, я должна была сказать людям хоть несколько слов, а иногда даже произнести короткую речь. Делать я это не умела и старалась импровизировать. И постепенно начала понимать, какое удовольствие испытывает Франсуа, переживая такие моменты.

Нас предупредили, что приближается буря, дождь полил как из ведра. Люди стали разбегаться. Это был первый дождь за сезон. Журналисты смеялись и говорили, что я унаследовала от Франсуа его дар: стоит ему где-то появиться, как сразу начинается дождь, и так было с первых дней его президентства. Ветер усилился, и нам пришлось поторопиться с отъездом.

В Бамако я посетила больницу и сиротский приют. То, что я там увидела, останется у меня в памяти навсегда: десятки новорожденных младенцев с дыхательной недостаточностью, сильно недоношенные. Шансы выжить невелики. Когда мы вернулись, то отправили группу врачей с поручением выяснить, почему столько новорожденных страдает подобными недугами. И я конечно же не смогу забыть ясли для детей-инвалидов. Все они, независимо от увечья, сидели рядком прямо на полу в мрачном коридоре.

В Мали наложили запрет на усыновление детей иностранцами. Я твердо решила вступить в переговоры с правительством, которое аннулировало уже полученные шестьюдесятью двумя французскими семьями разрешения на усыновление. Новый закон отменил предыдущий, и семьи лишились надежды на появление у них малыша. Во Франции незадолго до моего отъезда ко мне несколько раз обращались представители “усыновителей детей из Мали”. Я видела, что они в отчаянии, и обещала помочь, заручившись согласием президента. Но, прибыв на место, поняла: нужно ждать выборов в Мали. Позднее я вернулась к этому вопросу вместе с супругой нового президента. Дело сдвинулось с места. Не сразу, но сдвинулось. Семьи до сих пор со мной на связи. Очень надеюсь,

что у них все получится… Перед самым отъездом из Мали была созвана пресс-конференция. Мадам Траоре задали вопрос об участии Франции в малийских делах. Последовал взрывоопасный ответ: “Когда мужчина ложится спать, у него нет готового решения. Он его принимает вместе с той, что рядом с ним. А та, что с ним спит, это как раз Валери”. И аудитория действительно взорвалась… от хохота. В Мали эмоции бьют через край. Я понимала Франсуа, когда он как главнокомандующий отправился в Мали после начала военной операции. Но не тогда, когда он заявил, что “это был самый прекрасный день в его политической жизни”. Не прошло и минуты, как я отправила ему эсэмэску с упреками: “Если самый прекрасный день в твоей политической жизни – не тот, когда тебя избрали президентом, значит, это была ошибка”. Да, я с ним не церемонилась, это правда. Но кто еще посмел бы сказать правду ему, вечно окруженному льстецами и подхалимами? Боюсь, никто. Отныне он не желал слушать критику. Следовало молчать, чтобы не получить взбучку.

* * *

Приближалось лето 2014 года, когда, по слухам, чета Олланд – Гайе собиралась официально обнародовать свои отношения. Они по-прежнему встречались. Франсуа, работая на опережение, написал мне, что все это неправда, что там все кончено, что он хочет вернуть меня, что эта девушка ничего для него не значит. В общем, завел обычную песню неверных мужей.

Каждый день он просил меня о встрече. Его упорство не ослабевало. Я перестала отвечать. Неспособность разобраться, где правда, а где ложь, мешала мне вновь взрастить в душе зерно доверия к людям, без которого – теперь я это знала точно – любые отношения заходят в тупик.

Франсуа в третий раз пообещал мне сделать публичное заявление, что у него нет связи с актрисой. И в третий раз не сделал. Погнался за двумя зайцами, боясь остаться в одиночестве? Не хотел рвать со мной окончательно, потому что не знал, чего ждать от меня, когда я стану свободной? Наконец 12 августа, в день своего шестидесятилетия, он опроверг слухи о скорой свадьбе. В тот же день предложил мне вернуться к нему. И прибавил: “Тебе решать, сказать мне “да” или “нет”.

Я должна перевернуть страницу. Каждый день я повторяла заученную наизусть потрясающую фразу Тахара Бен Желлуна: “Молчание любимого человека – это тихое преступление”, – и держалась. Кто из нас двоих больше страдает? Неизвестно. Он старался разузнать обо мне у друзей или у моего сына, с которым по-прежнему общался. Он у них выведывал, что я делаю, с кем встречаюсь, о чем думаю. Расспрашивал всех подряд, чтобы выяснить, почему я не хочу его видеть.

Когда мы впервые встретились после заявления о разрыве, он сказал:

– Не буду говорить о твоей книге: не хочу, чтобы ты решила, будто я из-за нее к тебе возвращаюсь.

Ничего не хочу знать ни о его жизни, ни о том, что происходит в Елисейском дворце. Не включаю телевизор, не читаю газет. Попадающиеся по дороге киоски кажутся мне источниками радиации, объектами, представляющими для меня опасность.

Я замкнулась в узком мирке, в хрупкой капсуле. Пытаюсь бороться, но энергия отчаяния первых дней уже иссякла. Кажется, это называется двойным ударом. Когда первый удар оказался недостаточно болезненным. Тогда наносят второй. Туда-сюда. Две

пощечины. С одной стороны, потом с другой. Не успеешь подняться, как на тебя кидаются снова.

Франсуа причинил мне столько боли! И все же иногда мне его не хватает, это правда. Мне не хватает прошлого, нашей любви, не хватает нашей беззаботной страсти, часов, когда все казалось таким простым, когда краски были ярки, а воздух невесом. Но прошлое никогда не возвращается. Или налетает жестокими порывами, разметающими в прах: прошлое не желает умирать, особенно то, до Елисейского дворца, когда Франсуа был другим. Вернее, когда был самим собой.

Его послания говорили о любви. Он писал, что я – вся его жизнь и без меня он ничего не может. Это искренне? Он верил в то, что писал? Или это всего лишь последний каприз мужчины, который ненавидит проигрывать? Он писал, что вновь завоюет меня, но разве я президентский пост? Теперь-то я хорошо его знаю: если он сумеет меня вернуть, совершить немыслимое, то тогда ему, вполне вероятно, удастся вновь завоевать сердца французов, ведь сейчас он самый непопулярный президент за всю историю Пятой республики.

Мое доверие к нему умерло. Что касается французов, тут совсем другое дело. Могу засвидетельствовать: власть изменилась. Я не узнаю того Франсуа, которого страстно любила, в человеке, с презрением относящемся к своим соратникам, как еще недавно относился ко мне. Я видела, как день ото дня под бременем ответственности он становился все более бесчеловечным, как он постепенно хмелел от власти, теряя способность сопереживать. Однажды он ужинал со своей личной гвардией – сокурсниками по Национальной школе управления, и я была потрясена: оказалось, они тридцать лет ждали власти. И теперь, получив ее, почувствовали себя полубогами и пыжились от высокомерия.

В другой раз во время прогулки он заговорил о Лоране Фабиусе. Фабиус – министр иностранных дел в его правительстве. В 1984 году, когда ему было 37 лет, он стал самым молодым премьер-министром Франции. Так вот, Франсуа произнес:

– Для него это просто ужасно, жизнь не удалась.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что он никогда не был президентом.

– Но это же не значит, что его жизнь не удалась! По-моему, он доволен тем, что делает, и счастлив со своей подругой. А ты счастлив?

– Нет.

Дни текли медленно, ритм им задавали приходившие от президента эсэмэски. Я не могла удержаться и читала их. Первую, третью, пятую. В конце концов сдалась. Ответила на последнее послание. Он тут же отреагировал. Все вновь пошло по кругу и завершилось тем же, чем началось. Я устала от бесконечной переписки, которая ни к чему не привела. Его слова теперь не имели для меня никакого значения. Я снова положила этому конец. Интересно, до каких пор? Мне хотелось оказаться как можно дальше от Франсуа и от Елисейского дворца, который я объезжала стороной, даже если приходилось делать изрядный крюк.

Я была готова уехать куда глаза глядят, лишь бы не оставаться больше в этой обители печали. Мне позвонили из “Пари-Матч” и спросили, не соглашусь ли я отправиться в Нигерию, по следам школьниц, похищенных сектой “Боко харам”, и написать репортаж. Каждый день я старалась привлечь внимание к их судьбе всеми доступными мне средствами, чаще всего при помощи моего аккуанта в Твиттере или медийных акций. Я приняла предложение моей редакции уехать в тот же час, в ту же минуту, когда это будет необходимо. Но проект натолкнулся на визовую преграду. Нигерия в визах отказала.

Хотя я не так давно вернулась из Демократической Республики Конго, где вместе с доктором Муквеге оказывала поддержку бездомным детям и женщинам – жертвам сексуального насилия, у меня появилась мысль снова туда отправиться, и это придало мне сил. Встреча с обездоленными людьми заставляет думать о главном: так было и во время моей поездки на Гаити с представителями ассоциации “Народная помощь”.

Бывает, что гуманитарная акция подвергается критике и это обсуждается в СМИ. Кто прав, кто неправ? Несколько лет назад по поручению “Пари-Матч” я сопровождала певицу Барбару Хендрикс, когда она отправилась в Эфиопию, в лагерь беженцев. Эта обаятельная, удивительно талантливая женщина использовала свою известность для осуществления гуманитарной миссии. Она родилась в Америке времен сегрегации, оставившей в ее сердце неизгладимый след. Унижение она превратила в силу. Я была потрясена ее даром убеждения, способным уничтожить любые препятствия. Мне, как и ей, чужда идея, что ребенок рождается без малейших шансов выкарабкаться.

Опыт пребывания в статусе первой леди еще больше убедил меня в полезности таких путешествий. Когда команда прибывает на место, энергия людей собирается воедино и, словно луч прожектора, выявляет проблему.

Ко мне пришли руководители программы “Движение против голода”. Мы обсуждали запланированную до конца года поездку в зону военных действий. Как и в Нигерии, бои в Конго меня не пугали. Возможно, я просто неразумная. Моя жизнь во многом потеряла смысл. Что было бы со мной, если бы не мои дети? Но чтобы найти свою дорогу, не грех немного рискнуть.

На следующий день после того, как агентство Франс Пресс обнародовало заявление Франсуа Олланда о нашем разрыве, я уехала в Индию, и теперь мы вспоминали о той поездке с представительницей “Движения против голода”, которая меня туда сопровождала. Она с жаром проговорила: “Вы устояли под напором массмедиа и отлично проявили себя. Я встречала мало таких, как вы”.

Вместе с нами была моя подруга, актриса Шарлотта Валандре, заразившаяся ВИЧ и перенесшая пересадку сердца. Она прекрасно понимала значение слова “выжить” и несколько раз рассказывала об этом в своих прекрасных книгах. Она объяснила мне, как снова одержать победу, как взять себя в руки.

Ее слова мне очень пригодились. На глазах у всего мира меня вышвырнули как безделушку. Поездкой в Индию я хотела показать кучке тех, кого обрадовало мое изгнание, что я сохранила достоинство. Что не следует смотреть на меня свысока. Я хотела показать Франсуа, что выживу и без него.

Другие люди дали мне силы. Дети из трущоб поделились со мной своей жизнерадостностью. Две недели назад один журнал опубликовал фото из того путешествия. Я сижу по-турецки прямо на земле. У меня на коленях сидит маленькая девочка. Моя рука лежит у нее на ноге, ее рука – на моей ноге. И Париж так далеко! Там я почувствовала себя счастливой.

В Южной Африке, куда я приехала как жена президента, дети из сиротского приюта пригласили меня с ними потанцевать. Я с удовольствием согласилась. Меня не пришлось долго упрашивать, под бешеные ритмы ноги двигались сами.

То же самое приключилось в Бурунди: я приехала туда на конференцию по приглашению Мэри Робинсон. Музыканты попросили меня подыграть им на ударных. Я радовалась всякий раз, когда во время официальных визитов удавалось избежать “программы мадам”. Когда меня приглашали в музей или на экскурсию по достопримечательностям, я пользовалась любым предлогом, чтобы отказаться. Не хотелось идти проторенной тропой.

После Бурунди и первой самостоятельной поездки в статусе

первой леди в июле 2013 года в моей памяти навсегда запечатлелось лицо Оливье. Я увидела его, когда посещала приют для бездомных детей, только мальчиков: они жили там по полгода, чтобы за это время вернуться к нормальной жизни. Они собрались в кружок. Трое из них с нами общались, один из них – Оливье. Некоторые люди производят поразительное впечатление, привлекают к себе внимание. Он из их числа.

– Я не хочу возвращаться на улицу, хочу учиться, хочу стать врачом. А если снова окажусь на улице, тогда кем я стану?

Уезжая, я попросила об услуге жену нашего посла. Я не хотела терять из виду Оливье, пока не решу его проблемы. Спустя два дня после моего возвращения в Париж бездетная супружеская пара, оба врачи, согласилась взять на себя расходы по обучению и содержанию мальчика в приемной семье у него на родине. Оливье не придется ехать в чужую страну, и он сможет осуществить свою мечту.

За два года он достиг огромных успехов в школе. Семья врачей каждую неделю говорила с ним по скайпу. Если все будет хорошо – скрестим пальцы, – то через восемь лет он приедет учиться на врача во Францию.

У скольких детей не будет такого шанса? За полтора с небольшим года в Елисейском дворце я побывала в стольких детских приютах, в стольких больницах, заполненных пациентами! Было от чего испытать ощущение бессилия. Так всегда происходит до тех пор, пока человек не поймет: к капле воды прибавляется другая… И мало-помалу получается нечто значимое. И порой не хватает всего одной капли.

Да, Оливье, а еще Соланн, которую я увидела в Европейской ассоциации против лейкодистрофии, спонсором которой является Зинедин Зидан. После истории со злополучным твитом у меня возникло чувство, будто я заразилась холерой и теперь никто не хочет ко мне приближаться. Первым, кто обратился ко мне, был президент этой ассоциации: он настойчиво попросил меня принять участие в одном мероприятии. Он объяснил мне, что лейкодистрофия – это генетическое заболевание, которое вызывает у ребенка тяжелую и необратимую дегенерацию нервной системы.

Я согласилась прийти в школу, провести диктант и рассказать об этом редком недуге, чтобы люди больше помогали ассоциации. В одном из старших классов коллежа в XIII округе Парижа я прочитала текст диктанта под прицелом десятков фото– и телекамер. Соланн тоже сидела там в своем кресле на колесах, в сопровождении родителей. Это была хорошенькая девочка,

белокурая, веселая. Школьники-подростки, сидевшие в первых рядах, плакали. Я сдержалась: после встреч со многими родителями детей-инвалидов я усвоила, что не слез они от нас ждут, не жалость наша им нужна, а поддержка.

Соланн вскоре написала мне, что после встречи со мной ее жизнь изменилась. На несколько строчек диктанта у нее ушло два часа – так ограниченны ее двигательные функции, – зато она впервые оказалась в центре всеобщего внимания. Я сохранила ее письмо и написала ответ: позвала ее на Рождество в Елисейский дворец, хотя детей младше двенадцати обычно не приглашают.

В тот день мне захотелось сделать подарок Соланн и нескольким девочкам-сиротам, а не просто осчастливить их присутствием на празднике важной персоны. Хотелось оставить память об этом событии. Я знала, что Соланн модница, и предложила даме, возглавлявшей канцелярию президента, попросить у него разрешения на приобретение шести сумочек дизайнера Ванессы Бруно, которые обожают девочки-подростки из богатых кварталов.

– Но они же дорогие, возьми лучше подделки, – всполошилась она.

Получается, даже посещение ассоциации порой не прибавляет здравого смысла.

– Это невозможно. Мы с тобой в Елисейском дворце, а потому не можем дарить контрафактные изделия!

Пожалуй, по поводу цены она была права, хотя порой попытки вести себя правильно и урезать расходы приводят к нелепостям. Так, рассматривалась возможность показать в Елисейском дворце представление про Астерикса и Обеликса, потому что его взялись поставить бесплатно. Однако при одном условии: продюсер потребовал, чтобы президент сам встречал актеров, исполнявших роли Астерикса и Обеликса, у подъезда дворца, расстилая перед ними красный ковер, словно не он глава государства, а они… Я вовремя остановила Франсуа, боясь, что комичная сцена нанесет ущерб его имиджу. Но в конце концов это не более смешно, чем президент, скрывающий свое истинное лицо под маской.

Мы нашли решение. Девочки все же получили сумки от Ванессы Бруно, и не поддельные, а настоящие, потому что дизайнер, узнав, кому они предназначаются, великодушно нам их подарила. Договорившись с мамой Соланн, я сделала девочке сюрприз: за ней приехали прямо в колледж, чтобы отвезти на полдник в Елисейский дворец. Офицеры безопасности охотно

согласились отнести ее на руках.

Два года мы общались. Когда я снова навестила ее десять дней назад, она была вне себя от радости: у нее скоро должна была появиться специально обученная собака, она ждала этого дня два года. Они с отцом поехали в Алансон, чтобы приручить ее нового друга, который будет помогать ей в повседневной жизни. Друг стоил пятнадцать тысяч евро, потому что дрессировка и обучение обходятся недешево. У девочки будет собака благодаря пожертвованиям, а это особенно ценно!

Став первой леди, с течением времени я поняла, что могу сыграть важную роль, призывая людей к великодушию и ответственности за судьбы инвалидов. Проблема эта непростая, и служба социального обеспечения не может решить ее на сто процентов.

Я вспомнила об электрическом кресле-каталке Тео, который лишился обеих рук и ног в возрасте шести лет, переболев редчайшей формой менингита. Или о кресле его кумира, Филиппа Круазона, у которого из-за поражения электротоком также нет ни рук, ни ног. Я видела этого человека по телевизору, слышала по радио. Его сила поразила меня: он вплавь пересек Ла-Манш. Николя Саркози, который тогда был президентом, наградил его орденом Почетного легиона. Теперь Круазон готовится соединить пять континентов, переплыв проливы между ними. Ему нужна известность, чтобы найти спонсоров и осуществить свою мечту.

Я досаждала Франсуа просьбами его принять. Он меня не слушал. Тогда я пригласила Филиппа Круазона навестить меня в Елисейском дворце, попутно уговорив Франсуа, чтобы он зашел к нам в конце визита.

Мы с Филиппом, его подругой и его агентом беседовали уже целый час, когда пришел Франсуа, приветливый и лучезарный, – он это умел.

Вечером, за ужином, я спросила у него:

– Как тебе Круазон?

– Не люблю инвалидов, торгующих своим увечьем.

Я потеряла дар речи. Что должно было произойти с чутким, умевшим сказать утешительное, ласковое слово человеком, которого я знала, чтобы он превратился в слиток металла, бесчувственный, режущий до крови, в циника, старающегося побольнее задеть собеседника? Он знал, какой крест пришлось нести моему отцу, но страдания Филиппа Круазона были куда сильнее. Я напомнила Франсуа размер пособия по инвалидности для взрослых: 790 евро в месяц. В прежние времена оно было еще

меньше, а мы жили на эти гроши ввосьмером, пока моя мать не устроилась работать кассиром. Он промолчал. Мысленно уже пролистывал другую папку.

Я по-прежнему дружу с Филиппом Круазоном, человеком, умеющим делиться с другими своей силой. Он все время интересуется, как я живу, беспокоится обо мне. Мы вместе ездили в Виши, чтобы поддержать Тео, приступившего к тренировкам по плаванию. Как и его кумир, Тео решил стать чемпионом и готовиться к Паралимпийским играм. Мне нужно было познакомиться с этим двенадцатилетним пареньком, чтобы понять, что он обладает сверхчеловеческой силой и решимостью, превосходящей всякое воображение. Сегодня он уже трижды вице-чемпион Франции.

Да, в Елисейском дворце я пережила несколько прекрасных мгновений. Да, став первой леди, я познакомилась с потрясающими людьми. Но все это не имело никакого отношения к политике. Я публично поблагодарила персонал Елисейского дворца, когда меня оттуда выпроваживали. Поваров, флористов, врачей, дворецких и еще многих других: благодаря им мне удалось разрешить не одну сложную ситуацию. Особенно тепло я вспоминаю одного из дворецких, который всегда поднимал мне настроение. И конечно, всю мою бывшую команду: они стали мне близкими людьми, как и я им.

* * *

Этим летом форт Брегансон открылся для посетителей. Он был летней резиденцией главы государства, но нынешний президент после нашего разрыва не собирается больше там отдыхать. Все СМИ об этом говорят и пересказывают историю президентского отпуска. Вот тут и наступает черед их любимой сказки о подушках, якобы заказанных мной два года назад, когда мы только что поселились в Елисейском дворце.

Тем летом Франсуа отправил меня в Брегансон на разведку в компании служащего президентского дворца, бывшего фотографа. Я должна была составить описание места и узнать, можно ли как-то оградить президента от папарацци. Я провела там полдня. И не ставила вопроса ни о перепланировке, ни о каких-либо изменениях, только попросила установить на пляже два защитных экрана. В последующие дни в интернете и в газетах появились слухи о том, что я будто бы заказала роскошные подушки и садовую мебель на несколько десятков тысяч евро!

Наш первый отпуск начался с этой полемики. Выдумка просто потрясающая: выскочка, изображающая из себя Марию-Антуанетту, тратит государственные деньги, повинуясь своим капризам. Слишком красиво, чтобы быть враньем. Несколько раз я просила пресс-службу дворца опровергнуть эту ложь: ее мишенью была я, но задевала она и президента. Никакой реакции. Франсуа не хотел ссориться с прессой, даже если она выдавала сплетни за достоверную информацию. Он считал, что масс-медиа – эта река, несущая все – и правду, и ложь, – и бороться с этим бесполезно. Он предпочитал угадывать направление течений и вести с ними игру.

В Елисейском дворце мне посоветовали не брать в голову эту историю. Два года спустя я удостоверилась в том, что яд все еще сочится, поскольку пресса отрапортовала, что после моего ухода следы дорогостоящего каприза ликвидированы. Нужно же было как-то объяснить, почему посетители форта не видят ни безумно дорогих подушек, ни садовой мебели из драгоценных пород древесины!

Август 2012 года выдался неудачный: начался он с комедии нашего отъезда к морю на поезде. Служба по связям с общественностью Елисейского дворца выстроила мизансцену отпуска “нормального президента” для десятков телеоператоров и фотографов, сгрудившихся на перроне Лионского вокзала у

нашего скоростного состава. Я сочла, что это полная нелепость, не люблю, когда меня выставляют напоказ. На фото я вышла ужасно: брови нахмурены, лицо каменное.

Наши намерения не совпадали: Франсуа после выборной кампании не хватало общения с народом, тогда как я, пережив два года политической гонки, хотела наконец тихо пожить с ним вдвоем. Территория Брегансона – надежное убежище, если не выходить за его пределы, сад и виды великолепны. Внезапно погружаешься в покой, и это чудесно. И пусть комнаты в форте были темноваты, мы проводили в них немало приятных минут.

Я привезла с собой два десятка книг, готовясь к новому литературному сезону. Каждый день Франсуа звонили главы других государств и помощник приносил папки с делами. Франсуа работал по нескольку часов, а я тем временем читала. Потом мы с радостью проводили время вместе.

К несчастью, едва мы выходили наружу, как на нас набрасывалась толпа журналистов. Я несколько раз просила их оставить нас в покое. Франсуа выступал вперед и заявлял:

– Ничего, делайте свое дело.

Он словно все еще вел избирательную кампанию, когда любое его перемещение – по утопающему в грязи двору фермы, по цеху завода почти бегом, по рядам рынка – сопровождалось целой толпой фотокорреспондентов и журналистов, которые ловили на лету обрывки фраз кандидата. Но с тех пор он стал президентом, и на снимках появился мужчина, отдыхающий на пляже или гуляющий в рубашке поло в сопровождении хмурой женщины. На самом деле все было совсем не так: он по-прежнему много работал, но нам наконец выпало несколько мгновений покоя. Фотографии – всего лишь иллюзия…

Можно было проскользнуть позади форта на лодке, и мы, улучив момент, ускользали от папарацци и отправлялись на волшебные острова: объезжали на велосипеде Поркероль или бродили по тропинкам Пор-Кро. Все президенты – предшественники Франсуа Олланда имели право на отдых. Всем памятны фотографии загорелой четы Помпиду или Франсуа Миттерана в Латше, в светлом костюме и канотье.

Достаточно было позвать фотографа, чтобы он запечатлел Франсуа за рабочим столом в знаменитом кабинете генерала де Голля, чтобы умолкли все злые языки. В последние дни нашего пребывания в форте Франсуа пожелал собрать совещание по бюджету с Жан-Марком Эро и министрами экономики и бюджета. Премьер не пожелал прерывать отпуск в Бретани, и Франсуа не

стал настаивать… Это совещание, вероятно, развеяло бы мрачные настроения прессы и дурные предчувствия по поводу начала президентского срока. Политика была бы слишком простым делом, если бы все сводилось только к картинкам.

Увесистая оплеуха не заставила себя ждать: в сентябре 2012 года рейтинг Франсуа начал стремительно падать. Он принялся искать причинно-следственные связи, впадая в крайности, и решил, что теперь у него не будет ни отпуска, ни выходных. Он уже много лет сидел на медиаигле, и все написанное, произнесенное, прокомментированное оказывало на него огромное влияние.

Именно из газет я на следующий год узнала, что мы больше не поедем в Брегансон, и именно прессе он поведал о том, что провел там кошмарный отпуск. Из публикаций мне также стало известно, что в 2013 году мы будем отдыхать только несколько дней в “Ла-Лантерн”. В минувшем году я решила отвезти своих детей на неделю в Грецию и забронировала гостиницу на туристическом сайте, где были хорошие скидки. Наверное, я первой из первых леди заказала дешевый тур, притом что все мировые лидеры предлагали президенту Франции отдохнуть в самых роскошных поместьях.

Только после нашего расставания, покинув Елисейский дворец и отныне ни перед кем не отчитываясь, я начала по-настоящему обретать права и свободы. Приняла приглашение подруг – Валери и Саиды – погреться на солнышке на острове Маврикий. Сезон еще не начался, мы остановились на неделю в красивой гостинице. Мне нужно было выбраться из Парижа, почувствовать себя в безопасности. Срочно требовалось уехать, причем не важно куда. Я им очень признательна: в тот момент они очень мне помогли. Я знаю, чем им обязана, – им и еще нескольким моим подругам, которых я здесь не называю, потому что им спокойнее оставаться в тени. Я знаю, как крепка бывает женская дружба: она меня спасла.

После возвращения из Брегансона недоразумения между нами стали возникать все чаще. Осенью 2012 года я уже начала задумываться: почему мужчина, которого я так любила, все больше отдалялся от меня? Я поделилась этим со своей подругой, она заметила:

– У меня такое впечатление, что его любовь напрямую зависит от уровня его популярности.

Жестокие слова, но в них была доля правды. Первичные

выборы, затем президентская кампания стали его жизненной вершиной. Я вспоминаю, как в последние дни перед вторым туром Франсуа словно парил в воздухе, летел, уносимый толпой, наполненный коллективной энергией. Когда его избрали, он стал беречь свою популярность как зеницу ока: она напоминала ему о пьянящей атмосфере митингов, о стремлении вперед, воплощенном в нем самом.

После каждого нового опроса Франсуа расклеивался. И почти тотчас же начинал вести себя со мной жестче. Он нуждался в виновнике, чтобы объяснить свои неудачи. Сам он не мог быть виноват, значит, виновны другие и я. Официально он заявлял, что все это его не волнует, но явно говорил неправду. Что бы с ним ни происходило, я служила громоотводом. Резко выросла безработица – и я немедленно испытала последствия на себе. Допускал ли оплошность кто-то из министров, закрывался ли завод – тут же следовал ответный сигнал: он держался со мной все более отстраненно, все более высокомерно. Как и со всеми. Все ему не нравилось. Даже меню, которые он сам выбирал, даже хлеб, на его вкус недостаточно свежий. И виновата была я.

Опросы общественного мнения показывали неуклонное падение его рейтинга. Первые месяцы пятилетнего срока Олланда напоминали череду воздушных ям. Он всегда хвалил мое политическое чутье. Теперь каждый вечер, когда мы оказывались вместе, я пыталась объяснить ему, что, на мой взгляд, идет не так в сфере пиара и политики. Он слушать не желал ни о каких промахах. Замыкался в себе, раздражался. Показатели снижались быстро и существенно. Все портила картина тотального дилетантизма, как и просчеты, следовавшие один за другим. По мнению Франсуа, в Жан-Марке Эро, которого он сам сделал премьер-министром, соединились все мыслимые и немыслимые недостатки. Плюсом была только лояльность. Но хоть кто-то удостоился его милости? Ни разу такого не слышала – только критику в адрес всех и каждого.

Когда он заговорил о Мануэле Вальсе, министре внутренних дел, которого он прочил на место Жан-Марка Эро, я ему сказала:

– Ты прекрасно знаешь, что, взяв на этот пост Вальса, ты передаешь ему и машину, и ключи от нее. Он сразу сообразит, что с ними делать. Если в 2017 году ты окажешься в слабой позиции, он инициирует первичные выборы и выставит свою кандидатуру.

– Если я окажусь в слабой позиции, то вообще не пойду на выборы.

– Нет, ты соберешься с силами: во время кампании ты был

великолепен.

Я продолжала в него верить.

Бывали вечера, когда я принимала правильные решения. Обещала себе не обсуждать с ним проблемы минувшего дня. Искала приятные темы и не находила, а потому либо молчала, либо говорила о чем-то обыденном. Бесполезно: он брал инициативу в свои руки и ругал советников или министров. Он потерял проницательность и трезвость ума, которые прежде были его сильной стороной. И не понимал, что происходит.

Моя ошибка состояла в том, что я тогда не почувствовала, что он нуждается совсем в другом. Что он в замешательстве и ему необходимо утешение и нежность. Ему приятнее – и, разумеется, легче – было найти убежище в объятиях актрисы, которая говорила, что он “неземной”, и пожирала глазами, словно влюбленная девчонка.

Переход от феерии избирательной кампании к суровой атмосфере власти – тяжелое потрясение. Как-то субботним вечером мы сидели в “Ла-Лантерн” и смотрели запись концерта Джонни Холлидея на “Стад де Франс”. Я перехватила застывший взгляд Франсуа. И догадалась, о чем он думает.

– Тебе этого не хватает, правда?

Он улыбнулся и кивнул. Мы оба знали, о чем идет речь. Мне довелось освещать не одну избирательную кампанию, и я сопровождала Франсуа на многие митинги: общение с народом, бурные возгласы, смешки и ропот в зале, его голос, который ласкает и пленяет, язык жестов… Я одна из немногих журналистов, а порой и единственная, сопровождавшая его в начале пути. Мне никогда не надоедали его речи. Когда наше содружество превратилось в любовь, он прямо со сцены отправлял мне устные послания, понятные только мне одной.

В Елисейском дворце Франсуа не делал различий между теми, кто был с ним рядом ради него и ради блага государства, и теми, кто примкнул к нему ради карьеры или чтобы использовать его влияние. В частности, я опасалась Акилино Мореля. “Специальный советник” оказался человеком специфическим. Мы с ним перестали контактировать. Не переставая руководить кампанией соперника Франсуа на первичных выборах, он заявился на улицу Коши и стал торговаться… Терпеть не могу двуличия.

Как только Франсуа избрали, Морель стал готовить для него речи, вернее наброски речей. Несколько раз во время

избирательной кампании Франсуа устроил ему разнос в моем присутствии у нас дома. Акилино обиделся и теперь вымещал на мне свою злость.

Едва переступив порог Елисейского дворца, он занял самый красивый кабинет, закрепил за собой самую красивую машину и стал вести себя как вельможа. Мне несколько раз сообщали о его поведении, в частности в отношении меня. В итоге я поделилась с Франсуа, но тот только отмахнулся:

– У тебя есть доказательства?

– Нет, только свидетельства.

Этого ему показалось недостаточно.

В январе я из Дворца уехала, доставив радость Акилино Морелю. Он даже отредактировал коммюнике в восемнадцать слов о нашем расставании, придав ему оттенок холодного презрения. В мае, когда его вынудили подать в отставку, я тоже обрадовалась. Этот любитель эксклюзивной обуви сам себя загнал в ловушку. Никто больше не придет к нему ее чистить. Его одолело тщеславие.

Когда история с Морелем[34] выплыла наружу, в Елисейском дворце меня уже не было. Но хотя мы с Франсуа расстались, я с беспокойством предупредила его о последствиях. Он полагал, что все это несерьезно.

– Ты можешь по-прежнему закрывать глаза на Мореля, как и на твоего министра бюджета, который держал тайные счета за границей, – последствия будут примерно одинаковы.

Он ответил, что это просто пустые разговоры.

– Если, по-твоему, вызывать чистильщика обуви в Елисейский дворец – это пустые разговоры, значит, ты сильно изменился. Я уж не говорю про деньги фармацевтических компаний.

Наверное, не я одна предостерегала Франсуа, потому что он наконец все понял, и Акилино Морель в один день покинул Елисейский дворец.

В деле о тайных счетах за границей, которые принадлежали министру бюджета, ответственному за борьбу с нарушениями налогового законодательства, президент тоже ничего особенно не усмотрел. А между тем это был тот редкий случай, когда я несколько раз пыталась отстоять свою позицию сразу после появления первых же статей в прессе. Напрасно, он ничего не хотел слышать. И задал мне все тот же вопрос:

– У тебя есть доказательства?

Нет, конечно, откуда у меня доказательства? Зато я все вижу и помню. Первый тревожный сигнал прозвучал несколько лет назад. Я тогда вела политическую передачу на телевидении и с

изумлением наблюдала за тем, какие номера он выкидывал перед Марин Ле Пен, лидером крайне правой партии. Мы с коллегами были потрясены: депутат-социалист держался с ней почтительно, как подросток с голливудской звездой. Что-то тут явно было не так. И когда журналисты узнали, что его счет в Швейцарии был обнаружен другом семьи, адвокатом крайне правых взглядов и ближайшим сторонником Марин Ле Пен, головоломка сложилась.

Я читала статьи, слушала его оправдания, но чувствовала какую-то фальшь. Однажды в декабре, когда в воскресенье мы обедали у Вальсов, разговор зашел о министре бюджета и его счете в Швейцарии.

– Какой ужас для него, он сон потерял, – заметил Вальс.

Я ответила ему в тон:

– Потерял сон, значит, совесть не чиста.

– При чем тут это? Задето его достоинство.

Мануэль Вальс мог бы подыскать другое слово, только не “достоинство”. Вопрос о гомосексуальных браках взбудоражил фашиствующую публику. В интернете крайне правые заняли непримиримую позицию, и меня безжалостно поносили. Поэтому пострадавшее достоинство министра бюджета волновало меня меньше, чем остальных сидевших за столом.

– А я? Значит, когда меня обзывают первой шлюхой Франции, мое достоинство не страдает?

Франсуа и его министр внутренних дел в один голос воскликнули:

– При чем тут это?

Конечно, ни при чем, министр ведь политик, уважаемый человек, а я всего лишь женщина с неопределенным статусом, кукла вуду, над которой можно надругаться, а потом вывалять ее в грязи. Я сдержалась. У меня не было сомнений, что министр бюджета лишится своего поста. Я настаивала на своем:

– Точно знаю, что он лжет.

Каждый остался при своем мнении. Мужчины защищали его, потому что он был свой – политик и друг. Мануэль Вальс в конце концов сказал про него:

– Мы держимся, держимся до того момента, когда перестаем держаться.

Две недели спустя, когда мы спокойно сидели в квартире на улице Коши, министр бюджета попросил о срочной встрече с Франсуа. Приехал меньше чем через час, я ему открыла. Он потерял голос, нервничал. Я предложила ему чаю с медом и лимоном, он согласился. Подав чай, я ушла в спальню, оставив их наедине. Когда он уходил, я вышла попрощаться. Закрыла за ним

дверь и спросила Франсуа:

– Чего он хотел?

– Ничего особенного.

– Не может быть, он не стал бы беспокоить президента в воскресенье только потому, что захотел выпить чаю.

– Он полагает, что снизятся и другие показатели.

Больше ничего я не узнала. А Франсуа потерял возможность решить участь министра, опередив события. Когда два с половиной месяца спустя прокуратура Парижа объявила о том, что открывает судебное следствие против некоего господина Икс по делу об уклонении от налогов, министр подал в отставку.

Франсуа был потрясен. Неужели он до самого конца в это не верил? Почему не решился резать по живому сразу после того воскресного визита? Ему всегда не нравились полицейские дела, досье, слухи. Может, он просто не хотел верить? Когда мы встретились, меня удостоили сакраментальной фразы:

– Ты была права, но как ты поняла, что он лжет?

Я не могла взять в толк, как можно быть таким слепым и наивным. Впрочем, я тоже позволяла себя обманывать, когда Франсуа лгал мне в лицо, глядя прямо в глаза. Каждый видит только то, что хочет видеть.

Дело министра бюджета имело ужасные последствия. Франсуа спрятался в раковине, как улитка. Никто не мог вывести его из состояния оцепенения. Его ближайшие советники призвали на помощь меня. Они не знали, как заставить его встряхнуться. Один из его сотрудников признался, что у него уже больше нет сил выносить президента, который функционирует как “скрытая копия”. Со мной он тоже делался все более молчаливым и замкнутым. У меня создалось впечатление, будто я просто предмет мебели. Потом рейтинг Франсуа упал еще ниже. Он стал подумывать о глубокой реорганизации и отставке премьера Жан-Марка Эро. Мысленно перетасовал все правительство, затем передумал и еще раз все поменял. Он никогда не мог принять твердое решение.

Понадобилось время, чтобы преодолеть черную полосу. Елисейский дворец превратился в ад. В первые недели после избрания мне хотелось принимать участие во всех событиях. Это мечта журналиста – оказаться по ту сторону зеркала. Возбуждение прошло. Я почти не ходила на церемонии награждения. Стала заниматься тем, что мне ближе: гуманитарной помощью, детьми, социальными вопросами. Игры советников, борьба за влияние, злословие – правила теперь мне

понятны. С меня довольно. Франсуа не хотел, чтобы я портила игру и чтобы появлялась с ним на публике.

Справедливости ради скажу, что иногда им снова овладевала страсть ко мне, что наступал день или час, когда его снова ко мне тянуло. Он смотрел сияющим взглядом и украдкой сжимал мою руку, как раньше. Может, он вспоминал минувшие дни? Никогда я не давала ему повода сомневаться в моей искренности и преданности. В эти мгновения нежности я таяла. Отгоняла дурные воспоминания, объясняя все давлением извне и бременем ответственности. Он работал как безумный, по вечерам и выходным, без передышки. Так, по крайней мере, он мне говорил.

А потом без всякого перехода снова становился невыносимым. Как тем сентябрьским утром 2013 года. Мы ужинали перед моим кабинетом, в саду, рядом с гигантским бонсаем, который Бернадетт Ширак подарила мужу на день рождения. В ближайшую субботу Франсуа должен был присутствовать на Играх Франкофонии[35] в Ницце. Я хотела ехать с ним.

– Не понимаю, что тебе там делать, – сердито возразил он.

– В субботу вечером там организуют представление, мы могли бы пойти туда вместе.

– Нечего тебе там делать.

Мне стало ясно, что спорить бесполезно. Я ничего не понимала. Он не только не намерен был уступать ни на дюйм, но даже перенес отъезд на более ранний час, чтобы уж точно уехать без меня. Когда я разгадала его хитрость, то позвала начальницу его канцелярии и сообщила, что собираюсь уезжать. Франсуа разгневался еще сильнее:

– Лучше я отменю поездку, чем поеду с тобой.

Я настаивала. Он сослался на то, что намерен навестить отца и брата. Еще один повод для того, чтобы я поехала с ним.

– Ты изгнал меня из своей публичной жизни, а теперь выбрасываешь из личной? Что же мне остается?

Он упрямо молчал. Ни на секунду я не заподозрила, что он собирается встретиться с другой женщиной. Мной овладело отчаяние, и я бросилась в постель и с головой укрылась одеялом. Он уехал, хотя видел, в каком я состоянии. Я осталась одна. Видимо, почувствовав раскаяние, он позвонил и предложил мне прилететь к нему вечером. На сей раз отказалась я.

С тех пор как я узнала о его измене, эти воспоминания терзают меня. Я мысленно возвращаюсь назад в те месяцы, недели. Осмысляю то, чего тогда не желала замечать, то, что он искусно скрывал, ибо давно уже освоил науку лжи. За окном лето,

и я чувствую себя как выжженная зноем земля. Много сплю, призывая сон как благодать. Забыться и не видеть снов, не испытывать ни боли, оставляющей глубокие следы, ни опустошительного гнева, ни мучительного чувства утраты.

Уже полгода.

Каждый день Франсуа умоляет меня о встрече, о том, чтобы все было как прежде. Каждый день он пишет мне, говорит, что любит, что мы будем везде появляться вместе. Я отвергаю все его предложения. Никогда больше не будет как раньше. Я соорудила защитную стену, отказавшись видеть его. Удвоила решимость, а он – свою нежность. Слишком много лжи, предательств, жестокости. Мне надо держаться.

Работать без него. Жить без него. Думать без него. Я могла бы поверить ему и принять его предложение. Войти через парадную дверь. Могла бы насладиться победой над теми, кто радовался моему уходу. Несколько дней я испытывала бы эйфорию, а потом? Как бы я жила на пепелище нашей любви? В этом эфемерном существовании лучше мрак, чем опьянение. Я могла снова занять “крыло мадам”. Вместо него я обрела два крыла – два крыла, чтобы взлететь.

* * *

Я связалась со своими друзьями из ассоциации “Народная помощь”. Лучшее средство, чтобы выйти из летаргии и снова обрести волю двигаться вперед. Мы готовились к семидесятилетию этого движения, выросшего из Сопротивления. Мне нравятся его философия и его руководители. “Народную помощь” уже почти шестьдесят лет возглавляет Жюльен Лопретр. Я зову его “мой президент”. Мы познакомились в октябре 2012 года. В то время я делала первые робкие шаги в Елисейском дворце, и обо мне вышла серия отвратительных книжек. Письмо с извинениями от соавтора одной из них, самой ужасной, пришло только несколько месяцев спустя. Оно не исправило ни зла, которое он мне причинил, ни вреда от его клеветнических сочинений.

Я тогда еще не знала, как нужно играть красивую и коварную роль первой леди. Как спутница президента, я получала много подарков, в том числе и дорогих косметических средств. Мне хотелось раздать их женщинам, оказавшимся в непростой жизненной ситуации. Но товаров было недостаточно. Я обратилась к люксовым брендам, и они откликнулись. Мой кабинет наполнился коробками. Франсуа даже поинтересовался, не собираюсь ли я открывать магазин.

Я связалась с “Народной помощью”, сообщила, что у меня есть к ним предложение. Жюльен Лопретр приехал с тремя своими соратниками. Сначала он рассказал о пройденном пути, об истории “Народной помощи”. Я опасалась, что он не одобрит мою затею, но решилась и все рассказала. Он воодушевился:

– Именно это нам и нужно – вернуть людям чувство собственного достоинства. Почему бы вам не поучаствовать в раздаче подарков?

Я объяснила, что не хочу оказаться на виду, что после неудачных первых дней в Елисейском дворце стараюсь избегать камер. Он убедил меня поехать с ними, и я ему за это очень признательна. В тот день Жюльен Лопретр помог мне снова встать на ноги.

Держась подальше от журналистов, я развезла косметику по четырем приютам. Встречалась с матерями-одиночками: некоторые из них скрывались, потому что их били. Мои духи и помада ничего не изменили в их горестной жизни, но принесли в нее маленький кусочек роскоши, позволяющей человеку ходить с гордо поднятой головой.

Мне вспомнилась первая, довольно изысканная губная помада, которую я смогла себе купить, и подаренное ею ощущение женственности. Прежде я брала помаду у матери, а еще у моей бабушки Симоны. У бабушки таскала и рисовую пудру: она чудесно пахла, хотя была из дешевой линии косметики. Моя милая бабуля, помогавшая родителям растить нас, была простой портнихой, впрочем очень искусной, и необыкновенной кокеткой. До сих пор ношу кое-что из связанных ею вещей. С благоговением храню чепчики и пинетки, которые она вязала крючком для моих малышей. Я и сейчас помню вкус драже “Пульмоль”, которые мы выпрашивали, стоя у нее под дверью.

Эти воспоминания сблизили меня с женщинами из приютов. Я тоже могла бы в детстве оказаться под опекой “Народной помощи”, если бы не моя бабушка, которая зарабатывала шитьем и помогала нам деньгами, и благодаря этому мы каждое лето ездили на море. У многих детей такой возможности не было.

За двадцать месяцев в Елисейском дворце самым приятным воспоминанием остается поездка в Кабур с… пятью тысячами детей “Народной помощи”. Я ехала на автобусе с одной из их федераций – Клиши-ла-Гаренн. Мы тронулись в путь в семь часов утра. Из департамента Иль-де-Франс на любимый морской курорт Марселя Пруста отправились двадцать пять автобусов. Начало путешествия прошло спокойно, многие дети спали. Потом была остановка, перекусили булочками и соком, желтые, красные, синие, зеленые бейсболки – у каждого департамента свой цвет – перемешались, и оживленные ребятишки загрузились в автобусы. Еще до того как увидеть море, малыши успели полюбоваться элегантными виллами. Я услышала восхищенный голос:

– Как здесь красиво! И у каждой семьи свой дом!

Города, где безвыездно жили эти дети, остались где-то далеко. Один мальчик мне сказал:

– Мне бы так хотелось еще раз приехать сюда с мамой, чтобы она тоже все это увидела.

В тот день я поняла, что во Франции существует нищета. Заметила, как ребята прячут бутерброды, чтобы унести к себе в комнату и съесть вместе с друзьями. Видела детей, у которых не было плавок и купальников, а одежда износилась до дыр.

Перед отъездом я вдруг подумала, что этот день на берегу моря никому не нужен. Потом поняла, что не права. Целый день счастья, один-единственный, позволяющий увидеть другой пейзаж, непохожий на привычный городской, а потом в школе рассказать о необычном дне во время каникул.

Двадцать восьмого августа 2013 года я была так же счастлива, как они. Франсуа Олланд не пожелал брать отпуск, но я провела с детьми свой День забытых на каникулы![36] Дети не знали меня в лицо, не знали, как меня зовут, но им сказали, кто я. Девочки и мальчики собрались возле меня:

– Ты правда жена президента? И ты приехала к нам в гости?

Если бы не “Народная помощь”, они остались бы просто забытыми, эти дети, которые имеют так мало шансов пробиться в жизни, существуют в замкнутом круге своего пригорода, не видя горизонта. Те, кого выдворили за пределы города, за пределы жизни.

Я подвернула брюки, чтобы побродить по воде. В толпе операторов и детей меня обрызгали с головы до ног и едва не окунули в воду. Я с трудом удержала равновесие, и тут, пробив стену из людей, ко мне в объятия кинулась маленькая девчушка:

– Я тебя с утра везде ищу.

Порой в детстве, приняв решение, мы становимся неудержимы. Уссенату не выпускала мою руку весь день, хотя это было против правил, ведь каждая федерация должна была находиться на своем участке пляжа. Вечером мы с трудом расстались. Я не знала ее фамилии, но на всех снимках она была рядом со мной.

Вернувшись, я захотела отправить ей фотографию и записку, но для этого пришлось провести небольшое расследование. Я ей написала: “ Ты меня искала по всему пляжу. Я тебя искала по всему Иль-де-Франсу”.

В ответ она прислала мне прекрасное письмо. А полгода спустя вместе с другими детьми “Народной помощи” пришла на Рождество в Елисейский дворец.

День в Кабуре мы закончили в компании волонтеров, которые ужинали красным вином с колбасой. Именно такие левые мне по душе, я сама из этой среды. Перед тем как тронуться в обратный путь в Париж, мы с моей елисейской командой позволили себе небольшую передышку, потому что у нас за весь день крошки вот рту не было – столько просьб нам пришлось выслушать. В маленьком ресторане мы заказали все меню: “Горячий камамбер – картошка фри – колбаса андуй”. Да, он был, этот чудесный день… Назавтра я обнаружила, что все тело у меня в синяках – следах ребячьей толкотни и слишком бурных объятий, но это пустяки.

После разрыва с Франсуа Олландом “Народная помощь” про меня не забыла. Руководители отправляли мне письма, а ребятишки – рисунки. У нас много совместных проектов. В этом году я снова еду с детьми, теперь уже в Уистреам. Мою подругу

Саиду я привлекла в качестве волонтера. Она тоже могла оказаться под опекой “Народной помощи” в ее родном Рубе. Мы обе были полны энтузиазма. Нам удалось пробиться в этой жизни.

Проблемы маленьких французов не мешали нам видеть то, что происходило далеко за пределами нашей страны, там, где наряду с нищетой царили горе и жестокость. Не важно, какой национальности ребенок страдает. Каждый день я старалась сделать хоть что-то, чтобы люди не забыли о девочках, похищенных в Нигерии сектой “Боко харам”: всеобщее равнодушие грозило им гибелью. А между тем именно они были символом угнетения женщин в мире. Сегодня их судьба уже никого не интересует[37]. Ни сильных мира сего, ни звезд, ослепленных светом дня. Никому нет до них дела, как никому не было дела до женщин Конго, тысячи из которых оказались изнасилованы…

За два года я трижды ездила в Демократическую Республику Конго. Я видела несчастных конголезок в больнице доктора Муквеге в Букаву, провинция Южное Киву, где на женщин систематически совершаются нападения. Их насилуют в каждой деревне, на каждой тропинке. Это безумие сродни аду, изображенному Иеронимом Босхом, только в тропических декорациях. Насилуют женщин любого возраста, и вовсе не в приступе сумасшествия. Вооруженные мужчины калечат их половой аппарат, чтобы они не могли родить. Они используют насилие как боевое оружие.

Мне не забыть признания семидесятилетней старухи, боявшейся даже выйти в поле после нескольких нападений. Или рассказ тридцатипятилетней женщины, изнасилованной группой мужчин на глазах детей и мужа, которого после этого убили. Не стереть из памяти слова и слезы восемнадцатилетней девушки: ее насиловали, воткнув ей в ногу нож, чтобы она не сбежала. Ее крошечную двухлетнюю дочь, плод насилия, тоже изнасиловали. Я до сих пор слышу, как плакала малышка, когда мать ее раздевала, чтобы показать раны.

У несгибаемого, закаленного испытаниями доктора Муквеге дрожал голос, когда он говорил о вспышке насилия над детьми. Чувствовалось, что он устал, ведь два десятка лет ему приходилось зашивать изувеченных женщин, которым искромсали вагину бутылочным осколком, а порой и стволом автомата. Как и все фотографии, свидетельствовавшие о моей гуманитарной деятельности, снимки этих женщин были удалены с сайта Елисейского дворца. Но их не удалить из моего сердца.

На жизнь конголезского врача покушались дважды, он

уцелел, но нуждался в защите. В стране, раздираемой гражданской войной, выдать преступника – это преступление. Женщины не давали показаний, боялись.

Доктора Муквеге представила мне Освальда Леватт, супруга французского посла в Киншасе. Она раньше работала журналисткой, была талантливым режиссером и фотографом, и мы поняли друг друга с полуслова. Она оказывала поддержку ассоциации “Жить и работать иначе”, которая подбирает девочек, заподозренных в колдовстве и за это изгнанных из дома, а порой и подвергшихся истязаниям. Ассоциация спасала их от насильников.

Когда они собрались в саду посольства, я услышала, как одна из них поет: “Нет, нет, мы не дети-колдуны”. Голос у нее был прекрасный, почти все девочки плакали, мелодия делала их страдание возвышенным. Нашу делегацию, представителя посольства, журналистов – всех накрыло эмоциями словно волной.

Я пошла за Франсуа, хотела, чтобы он услышал песню. Девушка начала ее вновь. Снимок, сделанный в этот момент, перепечатали многие издания. Мы сидим на скамейке рядом с двумя девчушками. Франсуа смотрит в пустоту, его мысли где-то далеко.

Где?

Через несколько месяцев после моего первого визита в Конго, когда я сопровождала Франсуа на саммит Франкофонии, Освальда предложила мне познакомиться с доктором Муквеге. Этот представительный мужчина с удивительной энергетикой произвел на меня сильнейшее впечатление. На лице его отражалась безграничная любовь к людям, и он ее постоянно доказывал.

Доктор попросил меня о помощи. Ему нужны были не деньги, а посредник: обществу следовало узнать том, что тысячи женщин стали жертвами преступлений и никто или почти никто палец о палец не ударил. Он полагал, что мой голос будет услышан. И я пообещала сделать все, что будет в моих силах. Мы открыли рубрику в газете “Монд”, откликнулись многие известные люди. Совместно с фондом Даниэль Миттеран мы отправили четырех французских врачей, чтобы они обучали персонал больницы. Вскоре четыре конголезских медика приехали в Анже на четырехмесячную стажировку.

Я отправилась вместе с доктором Муквеге в Совет по правам человека на *side event* – параллельное мероприятие, – чтобы выступить в защиту конголезских женщин. Впервые мне довелось

произносить речь перед публикой, состоящей из послов и руководителей общественных организаций. Я говорила не очень уверенно. Но потом пришлось выступать еще раз, теперь уже в ООН, перед министрами иностранных дел. Голос мой по-прежнему дрожал. Я переживала волнующий момент.

Мне удалось включить доктора Муквеге во французскую делегацию, чтобы он мог встретиться с Франсуа на борту президентского самолета; сама я осталась еще на сутки в Нью-Йорке по приглашению британского министра иностранных дел. Я сумела повидаться с Франсуа до отъезда и предупредить его. Он даже не спросил, что я делала в последние дни. Николя Саркози приходил на концерты Карлы. Я о таком даже не мечтала, но от равнодушия Франсуа у меня в очередной раз застыло сердце.

Я продолжала бороться за права женщин в Демократической Республике Конго, и 6 декабря 2013 года, когда в Париже собрался саммит по безопасности в Африке, организовала встречу жен глав государств. Мы говорили о насилии, которому подвергаются женщины во время вооруженных конфликтов. Мы с Освальдой Леватт и Арно Селиньяком сняли фильм убойной силы и показали его. На нашем “саммите жен” присутствовали примерно двадцать пять первых леди. Также прибыли жертвы насилия из Центрально-Африканской Республики и Ливии, чтобы рассказать о себе. Мы подписали хартию, обязавшись бороться против насилия, и я намеревалась собрать подписи всех первых леди мира. Хартию поддержали также жены премьер-министров Финляндии и Японии. Но в тот день скончался Нельсон Мандела. Это стало событием планетарного масштаба. Вполне естественно, что о нашей встрече пресса упомянула лишь вскользь.

Вечером, во время официального ужина в честь глав африканских государств, первые леди лестно отозвались о нашей встрече. Франсуа посмотрел на меня удивленно, как будто впервые увидел…

Первая леди – это не статус, а некая неопределенная роль без четких границ, и каждая играет ее по-своему. С течением времени я научилась находить те занятия, которые мне больше всего по душе и не вызывают полемику в прессе, или почти не вызывают. Люблю вспоминать тот день, когда мы с моими сотрудниками упаковывали коробки с игрушками и книжками для детей Мали. Мы их набрали много, несколько сотен килограммов, и французские военные согласились доставить их в Бамако и Гао. Военные операции в тех краях активизировались, и было опасно

отправляться туда самой.

В тот день все добровольцы из моей команды – и я вместе с ними – расположились в “коридоре мадам”, стоя на коленях или сидя на полу. Нам было очень весело. Не думаю, что кого-нибудь еще из первых леди можно было бы застать в подобном положении. Гвардейцы, охранявшие дворец, едва опомнившись от удивления, предложили нам свою помощь! Мы распределили подарки в точном соответствии с их предназначением: по школам, яслям и т. д.

Мы с моей командой переживали сложные моменты, а порой и неудачи. В частности, я получила просьбу от “Цепи надежды”, медицинской ассоциации, организующий по всему миру кардиологические операции для детей. Я несколько раз встречалась с профессорами Аленом Делошем и Эриком Шессоном: их самоотдача и энтузиазм мне сразу же понравились. Мы стали вместе искать средства, чтобы открыть пункт экстренной детской кардиохирургии в Бамако. Цель уже была почти достигнута, когда появились фотографии президентского скутера. Я не знаю, что сталось с нашим проектом.

С “Цепью надежды” у меня связано одно из самых тягостных воспоминаний, впрочем, непосредственные герои этой истории, разумеется, тоже кое в чем виноваты. Одним ноябрьским утром 2013 года возник экстренный случай. Малийская девочка по имени Ламина нуждалась в срочной операции, ей грозила смерть. У нее не было ни визы, ни возможности приехать. “Цепь надежды” обратилась ко мне. Я переговорила с главным военным врачом президентской службы, который участвовал в наших гуманитарных акциях. Менее чем за сутки он все устроил, операцию запланировали сделать через два дня в госпитальном центре Неккер. Мне почудилось, будто я держу в руках волшебную палочку и она поможет мне спасти жизнь ребенка. Это было чудо, волшебство.

Ламину прооперировали. Отец приехал с ней во Францию, мать осталась в Мали. Спустя двое суток начались осложнения, Ламина впала в кому и скончалась. Я считала, что ответственна за ее смерть. Врачи уверяли меня, что, останься Ламина в Мали, это имело бы такие же фатальные последствия. Но я не могла себе простить, что дочь умерла не на руках у матери. И все думала об этой женщине: она доверила нам ребенка, а мы отправили ей гроб с его телом.

Я чувствовала бессилие и отчаяние, и мне вдруг захотелось все разом прекратить. Мои сотрудники как могли старались поднять мне настроение. Врачи тоже сумели подобрать нужные

слова. В такого рода ситуациях у них большой опыт. У меня – никакого. Я оказалась не готова.

Быть первой леди порой значит быть последним прибежищем. Однажды вечером, когда я сидела дома одна, мне написала в Твиттере одна молодая женщина. Я ей ответила. Поняла, что она в беде, попросила прислать номер телефона и позвонила ей. Едва расслышала в трубке тихие слова: “Хочу со всем покончить”. Мне не удалось разговорить ее, и я предложила написать мне о том, что она не сумела рассказать, и дала ей адрес своей электронной почты.

Получила я только обрывки фраз все в том же духе. У меня были ее координаты, и я передала их начальнику моей канцелярии Патрису Бьянкону, попросив привлечь к делу медицинскую и социальную службы Елисейского дворца. Во время переписки она в том числе сообщила адрес, по которому ее можно было найти. Странно, но эта дама, знаменитый профессор, почему-то очутилась в захудалой пригородной гостинице. На следующий день она прислала мне ужасное письмо: “Спасибо за все, Валери, и прощайте”.

Мы с Патрисом помчались в гостиницу, и он взломал дверь. Она казалась безжизненной. Пожарные[38] в последний момент сумели спасти ее, хотя она проглотила впечатляющий коктейль из моющих средств, медикаментов и алкоголя. Три месяца она пролежала в больнице.

Ирония судьбы: когда несколько месяцев спустя я угодила на больничную койку, она связалась со мной, чтобы поддержать. Мы стали регулярно переписываться. Но я постоянно задавала себе вопрос: может, зря я выловила в море бутылку с ее мольбой о спасении? Сделала бы она то, что сделала, если бы не знала, что я в курсе? Как знать? Быть первой леди значит во всеоружии встречать любую ситуацию.

В моей менее многочисленной, чем у предшественниц, команде, которую кое-кто критиковал за использование средств из общественных фондов, никто не сидел без работы. А ведь мой штат обходился государству дешевле, чем толпы сотрудников прежних первых леди. В течение двух лет мы получали неимоверное количество обращений. Постоянно. Порой совершенно неожиданных. Служащие Елисейского дворца несколько раз даже привлекали меня к составлению исков по поводу нарушений трудового законодательства. Они поняли, что я на их стороне.

Если благотворительные ассоциации оценили мою

деятельность в роли первой леди, то общественное мнение было ко мне сурово. По мнению многих французов, я с первого дня была самозванкой, занимала место другой женщины, носившей всем известное имя и безупречной, как икона. С переездом в Елисейский дворец я оказалась под перекрестным огнем массмедиа и социальных сетей, они приписывали мне самые коварные замыслы. Постоянно появлялись сообщения о том, что меня вызывают в суд в связи с нецелевым использованием общественных фондов. Истина гласит, что со временем кожа дубеет, а сердце становится каменным. Однако если кто-то скажет вам, что ему все равно, популярен он или нет, знайте: этот человек лжет.

Например, в марте 2013 года, во время поездки Франсуа в Дижон, мне пришлось пережить несколько мучительных мгновений. Команда президента решила отправить его в двухдневное путешествие, чтобы он снова наладил отношения с народом: его рейтинг пребывал в состоянии свободного падения. Президента ждало полное фиаско, а меня – серия жестоких ударов. На улице к нему подошла пожилая женщина и сказала:

– Не женитесь на Валери, она нам не нравится.

Конечно, это было довольно бестактно, но свобода есть свобода. Это был сущий пустяк по сравнению с раздавшимся тотчас же громким хохотом Франсуа… Боже, как я его в тот момент ненавидела! Он побоялся сказать хоть что-нибудь в мою защиту, хоть одно осторожное слово, а ведь он так хорошо это умел. Я плакала, сидя перед телевизором. Ни разу я не оставила без ответа ни одно брошенное в его сторону презрительное или обидное слово, а он потешался над моей участью и изо всех сил старался уберечь остатки таявшей на глазах симпатии народа.

Однажды зимой, в воскресенье, когда мы гуляли на набережной недалеко от дома, Франсуа дважды подвергся оскорблениям. Ему пришлось держать меня, чтобы я не бросилась выяснять отношения. Домой возвращались в гробовом молчании. Потом мы больше не выходили на прогулку. Он терпеть не может лобовых атак. И знает, что в любую секунду я могу снова превратиться в девчонку с городской окраины. Как в тот день перед выборами, когда я бросила в лицо мужчине, грубо обругавшему Франсуа: “Поди скажи это при всех, придурок!”

Полгода спустя случилось “дело Леонарды” – одно из четырех или пяти событий, наиболее существенно подорвавших кредит доверия к президенту, – и я сыграла в нем свою роль, хоть и незначительную. Осенью 2013-го, в начале учебного года, я решила провести диктант под эгидой Европейской ассоциации

против лейкодистрофии в школе моего детства в Анже. Директриса согласилась. По этому случаю туда даже приехали две мои учительницы. Одну из них я считала особенно важным для меня человеком. В школьные годы я смотрела на эту красивую женщину как зачарованная, старалась ей понравиться и во всем на нее походить. И было это почти сорок лет тому назад…

В пору моего детства это было учебное заведение в пригороде, а теперь оно стало частью большого образовательного центра. В школе имени Поля Валери училось множество детей беженцев, многие из них с трудом говорили по-французски. Со мной прибыли сотрудники ассоциации и один мальчик с тяжелейшим увечьем. В те дни средства массовой информации бурно обсуждали “дело Леонарды” – историю девочки и ее родных, живших во Франции без документов и потому подлежавших высылке назад в Косово; многочисленные группы школьников выступили в ее защиту. Разумеется, я ждала, что мне зададут вопросы об этом деле, и подготовила взвешенный ответ, чтобы не разжигать дискуссию:

– Школа – место, где объединяются все без исключения, в том числе и дети-инвалиды.

На вторую часть фразы никто и внимания не обратил, ее даже нигде не упомянули. Я добавила, что Леонарда не несет ответственности за поступки своего отца. Ни один ребенок не может отвечать за действия родителей. Мне было крайне неприятно, что полиция выводила девчушку из школьного автобуса прямо на глазах ее одноклассников.

Меня тут же обвинили в том, что я подливаю масла в огонь. Гнев Франсуа обжег меня, как пощечина. Когда я вернулась домой, он даже не захотел меня видеть, но я настояла на том, чтобы он нашел свободную минуту и мы объяснились. Он пришел и заявил, что я допустила ошибку, выступив раньше его. Я остолбенела:

– Разве ты собирался выступать по этому вопросу?

– Еще ничего не решено, но я действительно хотел завтра сделать заявление.

Мне показалось, что это неудачная идея, но я не осмелилась возражать. К тому времени президент еще не определился, высылать семейство девочки или нет. Он не знал, как поступить. Ему нужно было погасить конфликт между премьером и министром внутренних дел. Я робко предложила свой вариант решения:

– А может, малышка могла бы продолжить обучение в интернате здесь, во Франции, как несовершеннолетняя,

оставшаяся без попечения родных?

– Нет, это невозможно, – отрезал он, пожав плечами.

К утру он все еще не принял решения. Отправляясь покататься на велосипеде в окрестностях виллы “Ла-Лантерн”, я заметила, как со стороны сада подъехали машины вышеупомянутых министров. В тот день я крутила педали дольше обычного. Перед тем как принять душ, включила радио. Было около часа дня. Я услышала, что Франсуа собирается выступать. Меня он не предупредил.

Я поспешила к телевизору, не имея ни малейшего представления о том, что он намерен сказать. К моему изумлению, я обнаружила, что он воспользовался моим предложением, которое еще накануне считал бредовым. На самом деле это был не его выбор, а лишь способ избежать открытой стычки между двумя министрами.

Последовали возмущенные вопли. Политики и периодические издания накинулись на Франсуа. Никто не оценил его намерения оставить Леонарду во Франции, оно было воспринято как свидетельство слабости президента. Между тем защитить ребенка мне казалось смелым решением. И даже если оно никому не понравилось, я ему за него благодарна.

Месяц спустя мне предстояло вручать премии фонда Даниэль Миттеран, и я написала речь, где упоминала все акции, которые проводила от его имени. В завершение выступления я воздала дань уважения этой женщине – жене первого президента-социалиста, и попыталась представить себе, что бы она сказала в 2013 году, если бы еще была с нами: “Могла бы Даниэль Миттеран обойти молчанием трагедию женщин в Конго? Обошла бы она молчанием трагедию сирийских беженцев?” И закончила речь фразой: “Больше я не стану молчать”, имея в виду кампанию помощи женщинам – жертвам насилия, получившую название “Не молчать”.

Агентство Франс Пресс, наплевав на гуманитарный аспект речи, выдернуло из контекста только последнюю фразу и, видимо, из самых низких побуждений связало ее с “делом Леонарды”, записью в Твиттере по поводу выборов в Ла-Рошели и моим желанием вновь ввязаться в политические дебаты. И опять в сети и прессе разгорелась бурная полемика.

К вечеру в Елисейском дворце запахло грозой. Мне в очередной раз устроили разнос, выпустили в меня длинную очередь оскорбительных обвинений. Продолжалось это и в постели. Я не выдержала. Ни одной похвалы, ни единого слова поддержки, только жестокие упреки без конца. Близилась полночь, я оделась, собралась и ушла.

Франсуа попытался меня удержать, потом вызвать водителя. Я вышла одна через парадный двор. Полными слез глазами прямо посмотрела на жандармов, которые отдали мне честь, когда я выходила за ограду. Ушла без денег, унося в кармане только ключи от квартиры на улице Коши. Две минуты спустя мой телефон стал разрываться. Мне без конца звонили встревоженный Франсуа и мой офицер службы безопасности. Я не стала отвечать и почти час шла пешком до улицы Коши. На душе стало легче. Я вновь очутилась в моем доме, в моем убежище. На следующее утро агентство Франс Пресс внесло коррективы в свое сообщение, Франсуа признал, что был неправ и что мою речь неверно передали.

Теперь, когда мы больше не вместе, эти волны раздоров кажутся такими далекими. Некоторые из них привели к нашему разрыву. В мае 2013-го я решила с ним расстаться. Он был со мной слишком суров, и я не могла больше выносить его злобные выходки. Вернулась на улицу Коши и запретила ему туда приходить. Три недели мы не виделись. В выходные я разъезжала с друзьями по разным уголкам Франции. Но в конце концов вернулась. Он меня словно чем-то опоил. Я и представить себе не могла, что он, воспользовавшись свободой, станет встречаться с другой… Извечная наивность верной жены.

Сегодня я не узнаю своего надменного спутника в этом мужчине, который обхаживает меня, как в первый день знакомства. Он вновь стал внимательным, словно разбил в себе самом “замерзшее море”[39] – так говорил Кафка, имея в виду нашу внутреннюю тюрьму. Он, еще недавно такой скупой на комплименты, теперь стал меня ими осыпать. Он замечает все, что я делаю, знает, где я нахожусь, поддерживает меня во всех начинаниях, даже похвалил за пару интервью о “Народной помощи” и похищенных нигерийских школьницах. Когда мы жили вместе, он не знал даже названия передачи, что я вела на телевидении… И – какое великое достижение! – он, кроме политических разделов, теперь читает мои обзоры в “Пари-Матч”.

Вечно занятый, заваленный работой, бесстрастный президент превратился в чуткого президента, который находит время, чтобы прочитать то, что касается меня, и даже написать мне десяток эсэмэсок во время совещаний в Елисейском дворце. Какой парадокс! Я ему сопротивляюсь: отныне мне известна рыночная стоимость человека, коим движет желание побеждать.

* * *

В декабре 2013 года, когда Нельсона Манделу госпитализировали в безнадежном состоянии, я сказала Франсуа, что, когда объявят о похоронах, я хотела бы на них присутствовать вместе с ним. И получила в ответ знакомую реплику:

– Не понимаю, что тебе там делать.

Я возразила, что поеду в любом случае, пусть даже по журналистскому удостоверению и купив билет за свой счет. За завтраком, наутро после кончины Манделы, я не осмелилась поднимать эту тему – боялась, что меня снова оттолкнут. Днем отправила Франсуа эсэмэску. Он ответил, что согласен. Вскоре выяснилось, что не он так решил, а дипломаты настояли, чтобы меня взяли: Барак Обама и большинство глав государств ехали на похороны с супругами.

Думая о предстоящей церемонии, я волновалась. Мы только что вернулись из поездки в Бразилию и Гвиану, и вот опять нужно было уезжать. Второй самолет попросил для себя Николя Саркози. В аэропорту Франсуа предложил, чтобы они с Саркози поехали в президентском автомобиле, а я села в другой. Я ему сердито ответила:

– Думаешь, он бросил бы Карлу ради тебя?

Он на миг потерял дар речи, и я села в машину с ним. На стадионе во время церемонии прощания Франсуа делал вид, будто меня нет. Единственный, с кем он общался, был Николя Саркози. Я держалась в сторонке, чтобы дать им поговорить. И именно бывший президент потом подошел ко мне и представил меня другим главам государств…

Франсуа и Николя Саркози шутили и смелись. Мне казалось, что это довольно неловко, и я невольно хмурилась. На фото я выглядела как мамаша, искоса наблюдающая за расшалившимися детьми… А они, словно два наконец-то встретившихся ветерана войны, обсуждали неприятные стороны их должности: плохих министров, отпуска, нападки прессы. Николя Саркози подробно описывал ему роскошное поместье, куда пригласил его вместе с семьей король Марокко. Это их интересовало куда больше, чем любая злободневная тема.

Уместно ли было демонстрировать теплые отношения в сложившихся обстоятельствах? Мы ведь присутствовали на похоронах Манделы, которые транслировались на весь мир. А два бывших соперника развлекались. И заправлял весельем Николя Саркози. Мне было не по себе оттого, как Франсуа держится с

ним. Я сделала замечание. Франсуа повысил на меня голос. И заявил, что больше никуда меня с собой не возьмет.

К счастью, накалившуюся обстановку разрядило прибытие американских президентов. Я наблюдала, как с разницей в несколько минут появились Барак и Мишель Обама, Билл и Хилари Клинтон, затем чета Буш: они производили сильное впечатление. Я впервые пожала руку Бараку Обаме и поймала его открытый взгляд. И снова была очарована его женой Мишель. Она необычайно харизматична.

Пока шла церемония, фотографию американского президента, снимающего селфи с блондинкой – премьер-министром Дании, уже увидел весь мир. Я заметила мрачное выражение лица Мишель, и она понравилась мне еще больше. Меня обрадовало то, что не только я могу ревновать. А я и вправду ревновала. Каждого из мужчин, которых любила.

Франсуа я ревновала как никогда в жизни, потому что любила его так, как никого прежде не любила. Не выносила, когда какая-нибудь женщина, позируя для фотографии, клала ему голову на плечо или обнимала за талию. Мне это было неприятно. Случалось даже, что я оттесняла какую-нибудь из них. А им самим понравилось бы, если бы я вешалась на шею их мужу?

Сесилия Аттиас рассказывала, что некоторые женщины совали ее мужу бумажки с номером телефона. Она говорила: если женщину притягивает власть, ничто ее не остановит. Печальный, но очень верный вывод.

Странно, что все, кто осуждал меня за ревность, ни словом не обмолвились о ревности Франсуа, а она не знала границ. Самообладание позволяло ему не показывать ее на публике. Но дома он припоминал мне все. Даже сегодня, выбросив меня из своей жизни, он не может смириться с мыслью, что у меня могут быть отношения с другим мужчиной.

Хроникеры пишут, что, обретя свободу, он повеселел. А между тем, едва только пресса придумывает для меня очередного любовника, его послания становятся очень резкими… Стоит ему увидеть меня на фото рядом с каким-нибудь мужчиной, как я читаю:

Между нами все кончено.

И тут же отвечаю ему:

Спасибо, но и я, и весь мир узнали об этом еще 25 января.

У каждого своя мерка – как всегда… Я ведь его вещь. Сколько женщин он хотел бы собрать у себя в гареме?

Во время официальных мероприятий Франсуа мог расслабиться и спрятать свою ревность подальше. Никто не позволил бы себе со мной никаких вольностей. Меня даже упрекали за то, что я всегда держу дистанцию. Я предпочла бы, чтобы так же поступал и он. “Быть симпатичным” – не главное для президента. Я неустанно ему это повторяла. Как и все его советники. Но он не мог совладать с собой, таким был с детства – лидером, заводилой, веселым вожаком стаи.

Франсуа упорно налаживает отношения с прессой: он забрасывает журналистов посланиями. Политические обозреватели подсчитали, скольким из них пишет президент. Результат невероятный: их оказалось больше семидесяти… Любой рядовой собрат-журналист, собирающий материал о министре или ведущий какое-нибудь мелкое расследование, может претендовать на встречу с президентом. С самых первых шагов в политике он их всячески обхаживал, даже тех, кто старался вывалять его в грязи. И в этом никогда себе не изменял. Это политик, который любит превращаться в журналиста. За время работы в политической журналистике не припомню другого такого слияния с прессой. Даже Николя Саркози держал ее на более безопасном расстоянии. А это кое-что значит!

Эта страсть поглощает его и губит. Франсуа не может устоять перед протянутым к нему микрофоном, перед нацеленной на него камерой, перед теми, кто ожидает от него меткой формулировки или остроумной реплики. Сколько раз я видела, как он кромсает удачный “политический сюжет”, потому что отвечал на вопросы не по теме, потому что его слова выпадали из контекста, кадры были плохо сняты, освещение подвело или вокруг торчало слишком много микрофонов. И хорошая речь пропадала даром, от нее оставалась лишь пара фраз, утонувших в потоке новостей.

Вспоминаю один досадный эпизод в Москве. Помощники объяснили Франсуа, что ему не следует делать никаких заявлений до встречи с Путиным. Он согласился: “Разумеется, нет”, – и десять минут спустя, завидев камеры, поспешил к ним навстречу. Я только руками развела.

Однако именно за границей он показывал себя в самом выгодном свете. Ни разу его не поймали на незнании статистики или исторических фактов, и это приводило меня в восхищение. За

все время он допустил всего один или два промаха из-за усталости или разницы во времени. Мне есть с чем сравнить: я сопровождала в официальных поездках Лионеля Жоспена и Жака Ширака.

У меня всякий раз сердце замирало от восторга, когда он под звуки национального гимна обходил войска на параде. У него мог даже съехать набок галстук, мне было все равно: я жадно следила за каждым его шагом, буквально пожирала его глазами. Словно смотрела фильм с его участием, как обыкновенный зритель.

В официальных поездках всегда есть доля романтики, частичка мечты в череде утомительных обязанностей. Самым чудесным стал для меня визит в Японию: у меня осталось дивное воспоминание о том, как нас принимали император и императрица. Разве девчонка с городской окраины могла вообразить, что однажды императрица спросит у нее, можно ли называть ее по имени, и предложит обращаться к ней тоже по имени? Я сказала, что вряд ли смогу обращаться к ней иначе, чем положено – “Ваше Величество”. Оказалось, ей известен круг моих занятий, и на прощание она поцеловала меня прямо перед камерами. Я ждала, что на меня обрушатся потоки обвинений в нарушении протокола. Но на этот раз обошлось.

В тот момент, когда французские министры проходили перед нами, приветствуя императорскую чету, мы с Франсуа на несколько минут оказались тайными сообщниками. Протокольная служба объяснила, что министр должен сначала отвесить легкий поклон монаршей чете, а затем пятясь удалиться. Министры были так взволнованы и так неуклюжи, что на нас напал неудержимый смех.

В первые дни 2014 года, несмотря на столкновения и ссоры, нас все еще соединяла какая-то невидимая сила. В промежутках между стычками нас вновь неодолимо тянуло друг к другу, и мы предавались ласкам. Мы могли злобно рвать друг друга на куски и через минуту сливаться в страстном объятии. Потому-то я и думала, что мы непотопляемы.

Пока не увидела фотографии, где Франсуа направляется к любовнице, я готова была дать на отсечение голову и обе руки, что он не предаст меня и не отвергнет.

Но он это сделал, и я до сих пор не могу от этого опомниться. И наверное, не смогу никогда.

* * *

Сегодня 4 июля 2014 года. Двадцать девять. Вчера я насчитала двадцать девять эсэмэсок. Несмотря на то что день президента республики расписан по минутам, всю пятницу Франсуа Олланд отправлял мне послания – всего их было двадцать девять. Я сердилась на себя за то, что ответила ему и снова запустила эту адскую машину. Изо дня в день мы ходили по кругу. Он твердил одно и то же: что хочет меня вернуть, что нужно все начать сначала. Я отвечала одно и то же: что он унизил меня и ничего не сделал для того, чтобы я снова обрела уверенность в себе.

Франсуа упорно уверял меня в том, что с января не виделся с Жюли Гайе, что ни разу с ней не общался. А ей он что говорит? Что пишет? Что рассказывал обо мне во время их тайной связи? Что разлюбил меня? Что я невыносима? Что отношения у нас были чисто платонические? По части вранья неверные мужья все одинаковы, политики тоже схожи.

В последние годы у меня стало как никогда много работы. У меня были убеждения, а теперь я хочу действовать. Сегодня ко мне обращаются благотворительные ассоциации и масс-медиа, и я почти так же востребована, как в мою бытность в Елисейском дворце, хотя сейчас ничего особенного собой не представляю. Забавно, но отныне в прессе меня именуют экс-первой леди, а когда я работала в собственном кабинете в Елисейском дворце, то называлась всего лишь подругой Франсуа Олланда. Для СМИ я превратилась в первую леди в тот самый день, когда фактически перестала ею быть. Впрочем, дамы, побывавшие в этой роли, остаются в ней навсегда. И пусть даже Сесилия Аттиас развелась с Николя Саркози спустя полгода после выборов, она все равно осталась бывшей первой леди, как Анн-Эмон Жискар д'Эстен, Бернадетт Ширак или Карла Бруни-Саркози.

Совершала ли я ошибки? Будучи спутницей Франсуа, я не хотела по воле некоторых людей превращаться в послушную куклу, которая молча следует на шаг позади президента, покорная и почти невидимая, как переводная картинка. Напротив, я сумела хоть отчасти остаться собой и говорить что думаю, несмотря на то, что два года не могла избавиться от приклеившегося ко мне неприглядного образа и бесконечных недоразумений.

С тех пор как мы расстались, я стала замечать, что люди смотрят на меня по-другому. Женщины то и дело выражают мне

поддержку, очевидно из женской солидарности. Надеюсь, со временем общественность перестанет сомневаться в искренности моих стремлений. Семена, посеянные мною в Елисейском дворце, уже проросли.

Сегодня я получила два букета цветов. Один мне подарила прямо на улице маленькая Элиза, которой родители поручили выразить мне свою симпатию. Другой я нашла под дверью: его принесла одна из моих почитательниц. Мы с ней знакомы только по переписке в Твиттере. Это учительница на пенсии, которая яростно меня защищает. Как же я была растрогана! Так что каждый день приносит мне утешение.

Я могла бы уклониться от роли первой леди, такая мысль посещала меня. Могла бы заявить, что ноги моей не будет в Елисейском дворце, отказаться сопровождать президента во время официальных визитов. Все равно массмедиа продолжали бы обо мне судачить, спорить, сочинять невесть что. Однако мне кажется, кое-чего бы недоставало. Уж наверняка соблюдения протокола: в нем предусматривается, что Францию представляет пара. И этой символической обязанности в нашей стране придается важное значение, хотя часто по этому поводу возникают всевозможные слухи и домыслы.

Я не оставила себе ни одного из врученных мне роскошных подарков. Часы *Rolex* и украшения *Chopard* были помещены в хранилище на набережной Бранли. Документы о том, что я передаю эти подарки Республике, подписали три свидетеля, в том числе государственные чиновники. Осмотрительность никогда не помешает: теперь-то я знаю, что в политике все, абсолютно все дозволено.

Я не являюсь ни претендентом на что-либо, ни чьим-то представителем. Теперь, когда я больше не выступаю в официальной роли, я могу без опаски оказывать поддержку в тех делах, в той борьбе, которые мне представляются справедливыми. Я свободная женщина и хочу по-прежнему приносить пользу. Хорошее слово – “польза”, в нем и скромность и сила.

На встречу со мной приходят украинцы, живущие во Франции, и сирийские беженцы: “Съездите туда, помогите нам”. Я никаким образом не могу повлиять на международные конфликты. Но у меня есть голос, чтобы донести их слова до остальных. Я журналистка и хочу выйти за порог кабинета, чтобы видеть, понимать, свидетельствовать. Я побывала в лагерях беженцев в Ливане, в трущобах Индии, Южной Африки, Гаити. И во Франции тоже, где в цыганских таборах условия не лучше.

Теперь я могу писать и говорить что хочу.

До сего времени я избегала высказываться о политике, о его политике. Мне горько видеть, каким образом ведутся общественные дела… В том, что говорится и делается, я больше не вижу себя. Я перестала вести счет изменам. Мне знакомы его сомнения, его умение выигрывать время и отступать, никому ничего не объясняя. Знает ли он еще, что такое “быть левым”?

Однажды Франсуа Олланд упрекнул меня в том, что на телевидении я назвала себя “левой”. Тогда я не поняла сути его претензий. С точки зрения общества я происхожу из среды самых незащищенных, тех, кто считает каждый потраченный евро. Я родом оттуда. Именно об этих людях я думаю, когда принимаются решения об урезании расходов и увольнениях, потому что знаю: их жизнь станет еще тяжелее.

Может, он предпочел бы, что я объявила себя “правой”? Наверняка нет. Думаю, он предпочел бы, чтобы я просто молчала, чтобы была его любовницей и его жрицей – и более ничем. Моя ошибка в том, что я не была спокойной и мягкой: именно такую женщину он хотел видеть рядом с собой, когда достиг вершин власти.

Сегодня я вспоминаю нашу беседу накануне первичных партийных выборов. Франсуа на несколько дней лег в больницу: ему предстояла маленькая неопасная операция. Этот суперактивный человек оказался на больничной койке, в размышлениях о сути бытия.

В тот день он немного расслабился, и у нас состоялся разговор – наверное, самый важный. Франсуа поведал мне, что политическая карьера в тандеме с женой была для него настоящим мучением. Признался, что не сам он сделал такой выбор, что виной всему обстоятельства и честолюбие Сеголен Руаяль, с годами только усиливающееся. Он, такой сдержанный, такой закрытый, когда речь шла о его прошлом, рассказал мне о том, какие страдания ему причиняла эта совместная общественная жизнь, как ему приходилось держаться в тени матери своих детей. Все началось с того, что президент Миттеран сделал министром ее, а не его. Имя Франсуа глава государства вычеркнул в последний момент: не хотел, чтобы в правительстве были муж и жена.

Мне вспомнился эпизод из тех времен, когда я делала первые шаги в политической журналистике, а его только что избрали депутатом. Во времена правления Миттерана, во время приема в честь 14 июля, устроенного в саду Елисейского дворца, мы с

Франсуа стояли и о чем-то разговаривали, а в нескольких шагах от нас Сеголен Руаяль наслаждалась всеобщим вниманием. Какой-то мужчина подошел к Франсуа и протянул руку:

– Здравствуйте, месье Руаяль!

Франсуа криво ему улыбнулся. Когда несносный тип удалился, он процедил сквозь зубы:

– Однажды за это придется заплатить.

Я знаю также, каким испытанием для его гордости стало выдвижение матери его детей кандидатом в президенты от социалистов, в то время как он был первым секретарем.

В тот день в больнице я думала, что он говорит мне о своем прошлом. Но может, он обращался тогда и ко мне? А я не поняла его. Наши чудесные годы подходили к концу. Он собирался включиться в президентскую гонку с высокими шансами победить. И не хотел заключать сделку с кем бы то ни было. Когда я сказала, что считаю себя левой, а значит, существую отдельно от него, он вспомнил о годах, проведенных с Сеголен Руаяль, и вновь испытал чувство, будто у него что-то отобрали.

В свете этого разговора я поняла, почему во время кампании он отдалялся от меня, почему так отреагировал на тот злополучный твит, почему рассердился, когда вышла хвалебная статья обо мне. Однажды он устроил мне скандал, увидев наше с ним фото на обложке журнала:

– Тут только тебя и видно!

Это была реакция обиженного мужчины.

Мне пришлось заплатить за политическую карьеру, одну на двоих, за его прошлое, которое портило наше настоящее и поставило крест на нашем будущем.

Однако “парадокс Олланда” состоял в том, что этот мужчина, не желавший ни с кем делить славу, предпочитавший играть на сцене в одиночку, влюбился в женщину, у которой были работа, прошлое, трое детей да к тому же независимый, свободолюбивый характер. Он мог бы найти другую, более покладистую. Но выбрал страсть. Так поступают политики, существа гордые и сильные, которым нужно все и сразу и даже больше чем всё, потому что их амбиции не знают границ.

Но меня ведь тоже не провести: иногда его устраивало, чтобы я выходила на авансцену. Как в ситуации с голосованием по поводу гомосексуальных браков – кампании “Брак для всех”. Франсуа не отступил, несмотря на гигантские манифестации противников идеи. Он сдержал обещание, хотя у него не было внутренней убежденности в своей правоте, и он заговорил даже о “свободе совести мэров”. По поводу этой формулировки я тотчас

же написала ему, что она не пройдет. И действительно, раздались крики негодования, и он ее снял. В этом случае, с его согласия и даже порой вместо него, я сражалась в первых рядах. Наверное, оттого, что Франсуа воспринимал брак как захлопнувшуюся дверь, он не мог понять и даже вообразить, насколько велико значение этой реформы: возможно, именно благодаря ей он оставит след в истории Франции. Вот такая насмешка судьбы.

Я ни секунды не сомневаюсь, что “Брак для всех” станет последней крупной реформой левых. Уверена, что он не осуществит свое намерение дать право голоса иммигрантам на местных выборах, хотя об этом говорил не раз. Неуверенность, множество препятствий – и лошадь встанет на дыбы…

Франсуа пишет мне в эсэмэсках, что я женщина его жизни. Мне знакомо это выражение, он уже говорил это обо мне в одном из интервью, но вскоре отрекся от своих слов. Все то же двоедушие.

Несколько недель назад он предложил мне выйти за него замуж. В третий раз. Впервые это случилось в 2010 году, но я тогда только что развелась и не была готова к новому браку. Во второй раз – в сентябре 2012 года, сразу после выборов. Мы планировали скромную свадьбу перед самым Рождеством в узком кругу в Тюле. За месяц до срока он взял свои слова назад, причем вел себя невероятно жестоко. В его жизни уже появилась Жюли Гайе, но я этого не знала.

А теперь поздно.

Свадьбой ничего не поправить.

Конечно, если бы я вышла за него замуж, это облегчило бы мне жизнь. Я не была бы самозванкой в глазах публики и даже, может быть, в собственных глазах: официальное оформление отношений, наверное, успокоило бы меня, и я перестала бы сомневаться в себе. Мне не нужна пара колец, скорее внутренние узы, которые связали бы нас. Этим летом мы с моим младшим сыном были в “Комеди Франсез” на спектакле “Лукреция Борджиа” по пьесе Виктора Гюго. Сердце мое сжалось, когда я услышала реплику Лукреции, обращенную к супругу, дону Альфонсо: “Вы позволили толпе насмехаться надо мной, позволили оскорблять меня… Кто женится, тот и защищает”[40]. Вечная трагедия.

В моей жизни с Франсуа Олландом было много печалей и много радостей, я познакомилась с удивительными людьми, пережила незабываемые моменты. У персонажа, которого считали мной, который появился по воле обстоятельств и СМИ, теперь нет

причин для существования. Эта книга – брошенная в море бутылка с нашим, моим и Франсуа, общим прошлым. Я совершала ошибки, порой заблуждалась, могла обидеть, но никогда не разыгрывала комедию и всегда была искренней.

Все, что здесь написано, – правда. Я слишком тяжело пострадала от лжи, чтобы лгать самой. Пока писала, разобралась в том, что было продиктовано гневом, а что – разочарованием. Сколько времени я еще буду носить траур по этой любви? Президент подвел итог нашим отношением одной фразой из восемнадцати ледяных слов: он сам их передал агентству Франс Пресс. Эти страницы – ответная реплика. Последняя волна землетрясения, опустошившего мою жизнь. Финал нашей истории. Прочтут эту книгу те, кто захочет понять. Другие пойдут мимо своей дорогой, и так будет лучше.

Пришло время завершить рассказ, написанный моими слезами, моей бессонницей, воспоминаниями, которые порой еще обжигают сердце. Благодарю за этот миг, благодарю за эту безумную любовь, благодарю за путешествие в Елисейский дворец. И благодарю за пропасть, в которую ты меня сбросил. Я многое поняла о тебе, о других, о себе самой. Отныне я в силах существовать, ходить, действовать, не опасаясь взглядов со стороны, не выпрашивая, чтобы ты взглянул на меня. У меня появилось желание жить, написать что-то, кроме этой странной книги о необычном путешествии, именуемом жизнью женщины. Все это будет, но уже без тебя. На мне не женились, меня не защищают. Может, только любили так, как любила я сама.

Париж, 31 июля 2014 года

Слова благодарности

Выражаю особую, самую искреннюю признательность моему издателю Лорану Беккариа, который следил за написанием этой документальной книги от начала и до конца, ни в чем не ограничивая моей свободы. Он не оказывал на меня ни малейшего давления, понимал, насколько я слаба, и великодушно помогал мне, когда я в этом нуждалась.

Спасибо также Анне Жарота, моему литературному агенту, которая поддерживала меня не только как профессионал, но и как друг… Благодарю и четырех близких мне человек, сумевших сохранить в тайне мою работу. И прошу прощения у остальных моих друзей и родных за то, что не посвятила их в свой замысел.

И наконец, спасибо всем людям, чьи имена мне неизвестны, за то, что писали мне: я не успела им ответить, но они должны знать, что их письма я прочитала, что они тронули меня и помогли все выдержать и начать жизнь сначала.

notes

Примечания

1

“Клозер” *(Closer)* – французский таблоид. Жюли *Гайе́* (род. 1972) – французская актриса и кинопродюсер. (*Здесь и далее – прим. перев.)*

2

Даниэль Миттеран – жена Франсуа Миттерана, первая леди Франции в 1981–1995 годах.

3

Тюль – город на юго-западе Франции, административный центр департамента Коррез. Франсуа Олланд был мэром Тюля с 2001 по 2008 год и депутатом Национального собрания от Корреза в 1988–1993 и 1997–2012 годах.

4

Во Франции религиозный праздник 15 августа – Вознесение Богоматери – выходной день.

5

19 марта 2012 года четыре человека, в том числе трое детей, были убиты в результате стрельбы, открытой террористом возле еврейской школы в Тулузе.

6

Имеется в виду песня Джо Дассена *Il était une fois nous deux.*

7

Мари-*Сеголен Руаяль* (род. 1953) – французский политик, кандидат на пост президента Франции от Социалистической партии на президентских выборах 2007 года. Состояла в незарегистрированном браке с Франсуа Олландом, имеет от него четверых детей. В июне 2007 года официально объявила о том, что они с Олландом намерены расстаться.

8

Фильм “Ее зовут Сара” (2010) – экранизация романа Татьяны де Росней “Ключ Сары”. Главная героиня ленты, американская журналистка Джулия, расследует одну из трагических страниц в истории Франции: в 1942 году более 12 тысяч евреев были согнаны на парижский Зимний велодром и депортированы.

9

Со времен Шарля де Голля в форте Брегансон, на средиземноморском острове, находится резиденция французских президентов.

10

Франсуа *Пино* (род. 1936) – предприниматель, коллекционер и меценат. Его сын Франсуа-Анри Пино руководит созданной отцом группой компаний *PPR* (ныне *Kering*).

11

До 2014 года французские школьники не учились по средам.

12

Внеочередные парламентские выборы 1997 года были назначены на год раньше предусмотренного срока в связи с тем, что действующий президент Франции Жак Ширак распустил парламент.

13

ДЕСС (*от франц. DESS, Diplôme d'Etudes Supérieures Spécialisées*) – диплом о высшем специальном образовании.

14

Жан-Пьер Шевенман (род. 1939) – французский политический деятель, министр в 80-х и 90-х годах, кандидат в президенты в 2002 году; Пьер Моруа (род. 1928) – французский политик-социалист, премьер-министр Франции в 1981–1984 годах; Жан Поперен (1925–1997) – французский политический деятель, поочередно примыкавший ко многим политическим партиям, в частности, к Социалистической партии Франции; Лоран Фабиус (род. 1946) – французский политик, министр иностранных дел Франции, член Социалистической партии, премьер-министр Франции в 1984–1986 годах; Лионель Жоспен (род. 1937) – в 1997 году возглавил коалицию из социалистов, коммунистов и “зеленых”, которая победила на выборах 1997 года коалицию Ширака и Жюпе, и занял пост премьер-министра вместо Жюпе.

15

Жак Делор (род. 1925) – французский и европейский политический деятель.

16

Пьер Московиси (род. 1957) – французский политик, министр по европейским делам в правительстве Лионеля Жоспена (1997–2002), вице-президент Европейского парламента с 2004 года.

17

ЭНА *(от франц. ENA, Ecole Nationale de l'Administration)* – Национальная школа управления, выпускающая руководителей высшего звена, которую оканчивал и Ф. Олланд. Каждому выпуску присваиваются имена знаменитых политиков, писателей или мыслителей.

18

Во Франции синий цвет традиционно считается цветом правых, в частности, правоцентристской партии “Союз за народное движение” (*UMP*), к которой принадлежит Н. Саркози.

19

Университет Париж X-Нантер, один из тринадцати парижских университетов, расположен в департаменте О-де-Сен, недалеко от района Дефанс.

20

“Король Убю” – сатирическая пьеса А. Жарри, написанная в 1896 году.

21

На острове Ре, неподалеку от Ла-Рошели, у Лионеля Жоспена есть дом.

22

Политическую рубрику “Пари-Матч” прозвали так по аналогии с телефонным справочником, который печатается на желтой бумаге. Рубрика тоже печаталась на желтом фоне. Теперь политические страницы стали белыми, но отмечены желтой каймой в память о многолетней традиции.

23

“Народная помощь” (Le Secours populaire français) – некоммерческая гуманитарная организация.

24

“Жизнь в розовом цвете” (La Vie en rose) – песня, ставшая “визитной карточкой” французской певицы Эдит Пиаф, которая написала к ней слова.

25

Франц-Оливье *Жисбер* – писатель и журналист, известный, в числе прочего, своими книгами о французских президентах.

26

В начале 2014 года Валери Триервейлер подала иск на 55 тысяч евро против журнала “Клозер”, опубликовавшего ее фотографии в купальнике.

27

Главой ордена Почетного легиона (Великим магистром) считается президент Республики.

28

Жюль Ферри (1832–1893) – французский политический деятель, по его инициативе во Франции введено всеобщее обязательное начальное образование.

29

“Эммаус” – движение, объединяющее благотворительные организации в 36 странах мира. Основано в 1949 году во Франции аббатом Пьером.

30

Из песни Сержа Резвани *Le tourbillon*, написанной для Жанны Моро. Несколько лет спустя она прозвучала в ее исполнении в фильме Франсуа Трюффо “Жюль и Джим” (1962).

31

Поочередный присмотр (la garde partagée) – довольно распространенный во Франции способ организации присмотра за детьми, когда две семьи совместно нанимают няню и дети находятся с ней поочередно (как правило, по нескольку дней) то в одном, то во втором доме.

32

Намек на скандал, связанный с именем Акилино Мореля. В бытность советником президента Олланда он приглашал в Елисейский дворец личного чистильщика обуви, который приводил в порядок его многочисленные, сшитые по индивидуальной мерке, туфли и ботинки.

33

Цитата из песни Жака Бреля *Ne me quitte pas*.

34

В 2014 году Акилино Мореля обвинили в использовании служебного положения в личных целях, а также в том, что он лоббировал интересы крупных фармацевтических компаний во время работы в министерстве здравоохранения.

35

Франкофония – международная организация сотрудничества франкоязычных стран мира.

36

В День забытых на каникулы *(Jour des oubliés des vacances)* благотворительные организации вывозят на море большие группы детей из малообеспеченных семей.

37

В октябре 2014 года власти Нигерии провели переговоры об освобождении школьниц с боевиками секты. К нынешнему моменту они отпустили меньше половины пленниц.

38

Во Франции функции спасательной службы выполняют пожарные.

39

Слова из письма Франца Кафки Оскару Поллаку (27 января 1904).

40

Виктор Гюго. Лукреция Борджа. Действие II, явление 2.